

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Багдасарян Княз Мнацаканович

**ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ
ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ ЕАЭС**

Специальность: 08.00.14 – Мировая экономика

Диссертация на соискание учёной степени
Кандидата экономических наук

Научный руководитель:
Кандидат экономических наук, доцент
кафедры Национальная экономика
Иорданова Вероника Григорьевна

Москва – 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1 Теоретические основы региональной интеграции	12
1.1 Теоретические подходы к регионализму, региональной интеграции.....	12
1.2 Концептуальные подходы к определению структуры региональной «интеграционной модели»	26
1.3 Восприятие ЕАЭС в работах зарубежных исследователей	53
2 Анализ действующей интеграционной модели ЕАЭС	61
2.1 Организационно-правовые аспекты функционирования ЕАЭС	64
2.2 Экономические аспекты функционирования ЕАЭС.....	73
2.3 Взаимодействие ЕАЭС с третьими странами.....	88
3 Формирование индекса региональной интеграции стран ЕАЭС	110
3.1 Обзор методик по оценке региональной интеграции	110
3.2 Разработка методики по формированию индекса региональной интеграции стран ЕАЭС	123
3.3 Расчет индекса региональной интеграции стран ЕАЭС	133
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	154
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	158
ПРИЛОЖЕНИЕ А.....	171
Сопоставление особенностей некоторых классификационных признаков интеграционной модели ЕАЭС и других интеграционных объединениями по данным 2017 г.	171
ПРИЛОЖЕНИЕ Б	172
Итоговая таблица для формирования сводного индекса интеграции	172
ПРИЛОЖЕНИЕ В.....	174
Код на языке R для реализации предложенной модели и вычислений.....	174

ВВЕДЕНИЕ

Взаимодействие государств в XXI веке во многом определяется процессами глобальной и региональной интеграции. Выступая своеобразным вызовом, глобализация создает необходимость объединения в интеграционные группировки и развития тесных взаимовыгодных отношений на общих началах доверия, взаимопонимания, основанных на традициях и культурно-исторических отношениях. Многие интеграционные объединения создавались для обеспечения защищенности своих национальных экономик и системообразующих институтов общества от полного поглощения транснациональным капиталом.

Однако глобализацию нельзя полностью считать продуктом естественного происхождения. Глобализация формировалась активными усилиями транснациональных корпораций, международных организаций и мозговых центров (т.н. think tank). Эти структуры в основном защищали частные и корпоративные интересы и практически нивелировали интересы государства и общества, перекладывая важные социальные функции государства на частный бизнес без учёта культурно-исторических особенностей народов и стран. Таким образом планировалось подчинить и делегировать развитие всего человечества корпорациям (финансовым, промышленным, торговым и др.).¹

После глобального финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг. началось переосмысление принципов функционирования рыночной экономики с учётом изменившихся внешних факторов и внутренних условий. В этой связи решения правительств многих стран были направлены, прежде всего, на обеспечение защищенности своих национальных рынков, отраслей и локальных секторов. Такие меры защиты принимаются, в том числе, исходя из необходимости реализации интересов национальной экономической безопасности, что приводит к формированию существенных торговых ограничений, протекционистских мер в посткризисном мире, и, в конечном счете, к трансформации форм глобализации в регионализацию и интернационализацию.

Вместе с тем экономисты Оксфордского университета отводят процессам регионализации и интернационализации промежуточную роль в становлении глобализации, заключающуюся в более глубокой интеграции и постепенной унификации взаимозависимых и взаимосвязанных экономик.²

В тоже время необходимо отметить различия в основных мотивах интеграционных процессов стран в зависимости от уровня их развития. Так, для государств с развитой

¹ Павленко В.Б. Мифы «устойчивого развития». «Глобальное потепление» или «ползучий» глобальный переворот? / 2011. 942 с.

² John Baylis, Steve Smith, Patricia Owens «The globalization of world politics: an introduction to international relations» / - Publisher: N.Y.: Oxford University Press, 2008. 4th edition. 622 p.

рыночной экономикой таковыми являются, прежде всего, их экономические и геоэкономические интересы, когда для развивающихся стран со слабо развитыми механизмами рыночного хозяйства – военно-политические приоритеты.

Тезис К.Маркса о том, что «политика является концентрированным выражением экономики», присущ странам с традиционно развитой капиталистической экономической системой и антропоцентрическим типом философствования.

Страны, традиционно поддерживающие идею Большой Евразии, во главе с Россией, по ряду культурно-исторических и религиозных особенностей (приоритетное доминирование неформальных институтов над формальными), а также принадлежности к космоцентрическому и теоцентрическому типу философской мысли, не могут в полной мере, качественно, стать частью мировой капиталистической системы.

Таким образом, трактовка идей основоположников большой евразийской и неоевразийской интеграции (С.Ю. Витте, Л.Н. Гумилев, В.В. Вернадский, Г.В. Вернадский, Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Д.П. Святополк-Мирский, А.Г. Дугин) дает очевидное понимание общественно-политического устройства, формулируемого в полной противоположности утверждению К. Маркса, а именно «экономика является концентрированным выражением политики».

Эти и другие фундаментальные различия в подходах организации общественно-политических и экономических систем определяют институциональную структуру стран и интеграционных группировок и не позволяют выработать универсальную интеграционную теорию. Все больше приходит понимание того, что интеграция – это нормативный подход в формировании множественно пересекающихся и накладывающихся друг на друга региональных торговых соглашений, с учетом социокультурных, политических, экономических, географических, религиозных, философских и институциональных особенностей.

Однако поиск универсальной формулы интеграционного взаимодействия способствует попыткам создания новых гибридных форм интеграции в виде многосторонних преференциальных торговых соглашений (ПТС), таких как Транстихоокеанское партнерство (ТТП), Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнёрства (ТТИП), Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), Всеобъемлющее экономическое и торговое соглашение между ЕС и Канадой и другие аналогичные соглашения, которые являются мега-соглашениями нового поколения, создающими крупнейшие в мире зоны свободной торговли (ЗСТ) и объединяющие их в единые рынки. При этом вопросам культурно-исторического, этноконфессионального, философского и институционального характера обычно не уделяется должного внимания.

Представляется, что ключевой особенностью экономического взаимодействия государств-членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) является, прежде всего, культурно-историческое наследие народов этих стран, традиционные хозяйственные связи, территориальная близость, что позволяет говорить о необходимости изучения социокультурных оснований процесса интеграции на постсоветском пространстве.

Разрыв сложившихся экономических и отраслевых связей обусловил создание новых кооперационных отношений, основанных как на социокультурных, общеисторических императивах, так и на теории глобальной конкурентоспособности с учетом новых институциональных норм и правил Всемирной торговой организации (ВТО). Однако, исходя из этих и других реалий, ЕАЭС сталкивается с подчас существенными разногласиями и трудностями в формировании единой и согласованной политики в различных сферах взаимодействия.

Так, одной из самых важных особенностей политического взаимодействия государств-членов ЕАЭС является их членство в военно-политическом союзе Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), призванного защитить, прежде всего, территориально-экономическое пространство стран-участниц.

В этой связи особый интерес представляют особенности формирования макроэкономической политики государств ЕАЭС и ее взаимосвязь с процессами политической модернизации. Так, основой формирования экономической политики постсоветских стран являлась, преимущественно, стратегия «импорта институтов», и, в частности, универсальные положения «Вашингтонского консенсуса», основными принципами которого являются фритредерство, либеральная внешнеторговая политика, либерализация цен и приватизация собственности.

Данные положения становятся особо значимым фактором для ряда малых экономик Союза, сильно зависящих от процессов, происходящих в международной политике и экономике и не имеющих возможности влиять на конъюнктуру и институциональное устройство мирового рынка. Таким образом, в этих странах сформировались относительно устойчивые рыночные механизмы, которые полностью зависят от тенденций и конъюнктуры мирового рынка.

Вышеперечисленное определяет актуальность выбранной темы и необходимость исследования этих и других взаимосвязанных проблем для развития междисциплинарного институционального подхода в изучении интеграционных процессов на евразийском пространстве.

Степень разработанности темы исследования

Теоретические основы регионализации, региональной интеграции разработаны, в основном, зарубежными учеными, в их числе : Бела Баласса (Bela Balassa), С. Вулкок (Woolcock, Stephen) , Бьерн Хеттне (Björn Hettne), А. Гэмбл (A. Gamble), Карл Дойч (Karl Deutsch), А. Инотай (A. Inotai), Ван Лангенхов (Van Langenhove), Джеймс Мид (James Edward Meade), Дэвид Митрани (D. Mitrany), А. Пэйн (A. Payne), Фредерик Содербаум (Frederic Soderbaum), Гари Сэмпсон (Sampson, Gary), Марио Тело (Mario Telò), Л. Фаусетт (L.Fawcett), Эрнст Хаас (Ernst Haas), Эндрю Хьюрел (Andrew Hurrell), М. Шульц (M. Schultz) и др.

Различные аспекты евразийской интеграции отражены в трудах целого ряда отечественных экономистов, политологов, философов, а также ученых других профилей: Андроновой И.В. (Евразийский экономический союз: потенциал и ограничения для регионального и глобального лидерства), Буториной О.В. (Евразийская интеграция: социально-политическое измерение; Особенности евразийской модели экономической интеграции), Валовой Т.Д. (Евразийская интеграция, как фактор модернизации), Винокурова Е.Ю. (От постсоветской к евразийской интеграции; Прагматическое Евразийство; Евразийский экономический союз без эмоций; и т.д.), Глазьева С.Ю. (Концептуальные предложения по практической реализации идеи Большого Евразийского Партнерства), Гумилева Л.Н. (Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации), Дугина А.Г. (Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева, Основы Евразийства), Иноземцева В.Л. (Евразийский экономический союз: потерянные в пространстве), Кнобеля А.Ю. (Евразийский экономический союз: перспективы развития и возможные препятствия), Косиковой Л.С. (Проблемы консолидации стран Содружества вокруг России в условиях внутренней неоднородности региона СНГ), Лисоволика Я.Д. (Геоэкономика и наследие евразийцев), Мансурова Т.А. (Евразийский проект Нурсултана Назарбаева, воплощенный в жизнь. К 20-летию евразийского проекта 1994–2014), Пахомова А.А. (Проблемы участия государств ЕАЭС в деятельности ВТО), Перской В.В. (Многополярность – геоэкономический ориентир мирового хозяйства), Спицына А.Т. (Интеграционный проект планетарного масштаба: Евразийский экономический союз; Глобальные трансформации и инновационная модернизация экономики в XXI веке), Шмидта В.В. (Религиозно-этнокультурные традиции Евразии: восток и запад в начале XXI века), Яковца Ю.В. (Будущее России в координатах евразийской цивилизации), а также других ученых.

В данных исследованиях рассмотрены различные аспекты региональной интеграции на постсоветском пространстве, ее содержание, проблемы, перспективы и направления дальнейшего развития. Однако следует отметить отсутствие системного и междисциплинарного подхода к исследованию и комплексной оценки социально-

экономических и культурно-политических процессов на евразийском интеграционном пространстве.

Объектом исследования является ЕАЭС как социально-экономическая и политическая платформа в системе региональных и глобальных интеграционных отношений.

Предметом исследования выступают социально-экономические отношения стран-участников ЕАЭС в процессе интеграции с учетом трансформации мировой экономической и политической конъюнктуры.

Цели и задачи исследования. Основная цель диссертационного исследования заключается в выявлении проблем, перспектив функционирования, а также оценки уровня региональной интеграции стран-участников ЕАЭС как элемента мировой экономико-политической системы XXI века, необходимой для углубления взаимного сотрудничества, развития международных экономических отношений и вклада в глобальное устойчивое развитие.

Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

- рассмотреть теоретические подходы к пониманию содержания интеграционных процессов на региональном и глобальных уровнях, их эволюцию и отличительные черты для определения адекватного институционального выбора;
- провести сравнительный анализ теории и практики деятельности современных интеграционных группировок мира и предложить структуру региональной «интеграционной модели», содержание ее основных элементов;
- рассмотреть институциональные и организационно-правовые основы функционирования ЕАЭС;
- проанализировать экономические аспекты функционирования ЕАЭС, в том числе основные макроэкономические показатели, определить перспективы развития ЕАЭС в мировой хозяйственной и политической системах;
- определить проблемы и вызовы взаимодействия ЕАЭС с третьими странами на современном этапе, с учётом воздействия фактора ВТО;
- провести сравнительный анализ существующих методик по мониторингу и оценки уровня «зрелости» интеграционных процессов;
- разработать методический инструментарий по формированию единого индекса интеграции интеграционных объединений;
- на основе предложенной методики оценить уровень региональной интеграции стран евразийского интеграционного пространства.

Теоретико-методологической базой диссертационного исследования являются научные и прикладные работы в области теорий международной интеграции, теории глобализации, теории институционализма, теории культурно-исторических типов Н.Я.Данилевского о том, что каждая цивилизация развивает свою собственную идею на поле человеческой деятельности в силу самобытности культурно-исторического типа и невозможности передачи достижений одной цивилизации другой. Методологической основой диссертации является системный подход. В работе используются методы эмпирического исследования (наблюдение, сравнение, описание), метод индивидуальных и коллективных экспертных оценок, основанный на профессиональном, научном и практическом опыте, а также эконометрический метод.

Информационную базу данного исследования составили различные документы международного характера, материалы ведущих научно-исследовательских центров развитых стран и России. В частности, к ним относятся:

- концепции долгосрочного социально-экономического развития, которые, хоть и носят рекомендательный характер, но определяют общий вектор развития государства и общества;
- официальные выступления лидеров стран и международных организаций, в том числе и Евразийского экономического союза, посвященные проблемам развития международных экономических отношений, мировых интеграционных процессов и глобализации в целом;
- статистические базы данных Всемирного банка, ООН, ЮНКТАД, ВТО, Международного валютного фонда, Евразийского банка развития, Евразийской экономической комиссии, Азиатского банка развития и других организаций;
- официальные доклады, пресс-релизы, соглашения международных организаций, в том числе меморандумы, рамочные соглашения, торговые соглашения и др.;
- материалы из российских и ведущих мировых средств массовой информации, а также государств-членов ЕАЭС.

Основной научный результат данного исследования заключается в комплексной идентификации существующих интеграционных моделей с выделением значимых факторов, влияющих на величину интеграционных эффектов, представленных в разработанной модель-схеме классификационных признаков, а также математический инструментарий для расчета сводного интеграционного индекса. С помощью этих инструментов можно проводить сравнение интеграционных объединений, выявлять общие закономерности и индивидуальные особенности их развития, углублять понимание формирующихся тенденций, определять «узкие» места в интеграционном развитии и

разрабатывать предложения и рекомендаций для координирующих объединения органов по совершенствованию интеграционной модели в направлении максимизации интеграционных эффектов.

Научная новизна основного результата диссертационного исследования заключается в следующем:

1. Доказано, что на современном этапе региональная экономическая интеграция приобретает гибридный характер и определяется предложенными автором в модель-схеме классификационными признаками, комбинация которых позволяет получить несколько десятков уникальных интеграционных моделей, имеющих нелинейный характер.

2. На основе сравнительного анализа особенностей модели ЕАЭС с особенностями действующих интеграционных объединений (ЕС, ССАГПЗ, МЕРКОСУР, Тихоокеанский альянс, НАФТА, КОМЕСА, ЦАИС) осуществленного по разработанным автором классификационным признакам, обосновано, что функционирование ЕАЭС направлено не столько на трансформацию структур национальных экономик государств-членов, увеличение экономического благосостояния (согласно теории «таможенного союза» Джеймса Мида) и обеспечение их поступательного развития на международных рынках товаров и услуг, сколько на изменение направлений их торговых потоков, на расширение позиций в системе мирового хозяйства за счёт увеличения объемов преференциальной торговли с третьими странами, что приводит к снижению позитивных экономических эффектов внутри Союза, и негативно отражается на динамике индекса интеграции.

3. Разработан методический инструментарий по формированию сводного индекса региональной интеграции стран ЕАЭС, альтернативный системе индексов интеграции, разработанной в ЕЭК. Данный индекс состоит из 24 показателей, сгруппированных по шести ключевым направлениям: интеграция торговли и инвестиций; интеграция инфраструктуры; продуктовая (товарная) интеграция; свободное перемещение рабочей силы (интеграция рынка труда); институциональная и политическая интеграция; экономическая конвергенция (сближение экономических показателей развития) с последующим применением технологии многомерного статистического анализа двухшаговой процедуры метода главных компонент. В отличие от большинства других подобных систем показателей, оценивающих только уровень экономического развития, разработанная система индикаторов интеграции ориентирована на анализ вклада различных экономических, политических, социальных и этнокультурных факторов в сводный интеграционный индекс.

4. Полученные агрегированные значения по шести направлениям государств-членов ЕАЭС и стран СНГ, а также расчёт сводного интеграционного индекса позволили

выявить по пиковым показателям интеграции за соответствующие годы основные факторы, способствующие вступлению страны в ЕАЭС, его влияние на основные социально-экономические и политические показатели, а также потенциал вступления новых стран СНГ. Полученные автором результаты показывают, что на момент подписания Договора о создании ЕАЭС самые высокие показатели интеграционных индексов, свидетельствующие об их экономической и институционально-политической близости, имели 7 государств СНГ (Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан, Узбекистан), из которых только два государства отказались от дальнейшей интеграции, что частично опровергает тезисы зарубежных исследователей о чисто политическом характере ЕАЭС.

5. Анализ динамики сводного интеграционного индекса для государств СНГ за рассматриваемый период (2014-2018 гг.) выявил тенденцию устойчивого роста показателей по таким странам, как Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Украина. По остальным странам СНГ и ЕАЭС наблюдается устойчивое падение интеграционного индекса, что подтверждает упомянутый во втором пункте тезис о снижении позитивных экономических эффектов внутри Союза связанный с приоритетами расширения позиций в системе мирового хозяйства за счёт увеличения объемов преференциальной торговли с третьими странами.

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется междисциплинарным подходом в исследовании теории и практики создания Единого экономического пространства с учетом особенностей социально-экономической, политической и институциональной конъюнктур в период перехода на качественно новый технологический цикл развития и общественно-экономическую формацию.

Материалы и выводы диссертации могут быть использованы при разработке лекций и специальных курсов по образовательным программам «Мировая экономика», «Международные экономические отношения» и «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития».

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в разработке научно обоснованных предложений для успешного сближения группировки ЕАЭС с другими государствами Евразийского экономического пространства (Большой Евразии), с учетом национальных экономических интересов (помимо геополитических и геостратегических).

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования прошли апробацию на научных конференциях РАНХиГС и Института Востоковедения РАН: конференция «Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы стран Азии и Африки: к 90-летию Л.И.

Рейснера» (г. Москва, Институт востоковедения РАН, 2018); конференция «Экономические, социально-политические и этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран» (г. Москва, Институт востоковедения РАН, 2020); международная конференц-сессия «Государственное управление и развитие России: выбор приоритетов» (г. Москва, РАНХиГС, 2017); международная научно-практическая конференция «Государственное управление и развитие России: модели и проекты» (г. Москва, РАНХиГС, 2016); международной научно-практической конференция «Россия и СНГ: геополитическая и экономическая трансформация» (г. Москва, РАНХиГС, 2014).

По теме исследования автором опубликовано 8 научных работ общим объемом 6 п.л., в том числе в рецензируемых научных журналах из перечня Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации, а также входящих в базу данных Russian science citation index (RSCI) на базе Web of Science – 5 статей общим объемом 4 п.л.

Структура работы определяется целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, девяти параграфов, заключения, списка использованных источников и приложения.

1 Теоретические основы региональной интеграции

1.1 Теоретические подходы к регионализму, региональной интеграции

За последние несколько десятилетий региональная интеграция приобрела несколько измерений, основанных на взаимодействиях, имеющих как историческое, так и географическое содержание. Существуют различные подходы к объяснению данного феномена. Так, на 21-ом Всемирном конгрессе политологов «Глобальное недовольство? Дилеммы перемен», организованном международной ассоциацией политических наук в 2009 г. в Чили, происходящие процессы региональной интеграции объяснялись, среди прочего, геостратегической рациональностью – реализмом, экономической взаимозависимостью – неолиберализмом, реакцией на маргинализацию в международной глобализации – неструктуризмом или перетеканием эффектов из одной технической области в другую – неофункционализмом.³

Академический подход к региональной интеграции произошел, главным образом, из теории либерализма, его заинтересованности в сотрудничестве и связи с экономическими категориями. Первой формулировкой региональной интеграции был функционализм британского политолога румынского происхождения Д. Митрани, который еще до Второй мировой войны утверждал, что «сотрудничество между техническими экспертами в функциональной области будет способствовать созданию международных агентств, что в свою очередь сблизит государственных деятелей разных стран для решения общих задач вместо развязывания войн».⁴ В своей теории он основывался на том, что мировое разделение на конкурирующие политические системы является причиной военных конфликтов, поэтому функциональная интеграция, являясь по сути прагматичной, технократической и гибкой, могла бы размыть различия между национальным и интернациональным, общественным и личным, политическим и неполитическим. По мере создания и объединения функциональных агентств важность национальных государств будет снижаться, а международное сотрудничество будет приобретать все большее значение.

Данная попытка объяснить региональную интеграцию способствовала созданию теории неофункционализма Э. Хааса, который пытался усилить аргумент функционализма и бросить вызов двум доминирующим направлениям теории международных отношений:

³ Caballero S. Regional Integration Theories: The Suitability of a Constructivist Approach (at least, in the case of South America) / Conference Paper 383. Panel 230, Session RC-17 «Globalization and Governance», IPSA-Chile, July 2009.

⁴ Mitrany D. Working Peace System. An Argument for the Functional Development of International Organization. 4th ed. London: The Royal Institute of international affairs, 1946. – 69 p.

классическому реализму и идеализму.⁵ Важно отметить, что этот подход возник на заре европейского строительства как движущей силы и теоретической основы для процессов, которые происходили в 50-х гг. Важной особенностью неофункционализма является полный разрыв с реалистической статической картиной, то есть Э. Хаас особенно подчеркивает аспект движения, порождаемый увеличением взаимозависимости в нескольких областях. По мере исследований Э. Хааса начинает меняться скорость такой динамики, и идея региона с более мощными – или даже наднациональными институтами – становится более реальной.⁶

Этот процесс, обусловленный идеологической онтологией, подразумевает, что положительные итоги, полученные в результате сопутствующих эффектов, повлияют на изменение оценки и мотивации государственных деятелей к вопросам интеграции в других областях.

Еще один важный аспект вклада Э. Хааса в функционализм Д. Митрани касается субъектного состава региональной интеграции. Это не только государственные деятели, которые поддерживают интеграционный процесс, но и по мнению Э. Хааса, все общественные элиты. Таким образом, характеристика рациональности, связанная с государственными деятелями, становится размытой среди множества других акторов, которые также преследуют цель – интеграцию, но с помощью различных стратегий.

Этот подход, в основном сфокусированный на изучении процесса европейской интеграции, был подвергнут значительной критике из-за отсутствия объяснений позиции Франции при режиме Шарля де Голля. В этой связи Э. Хаас отмечал, что его аргумент «является формой подхода, а не теорией в общем смысле», что он не может ни представить целостную картину реальности, ни предсказать будущие события. В то же время, после усиления процесса европейской интеграции в 80-х гг., неофункционализм снова возрождается, предоставив Э. Хаасу возможность отточить свою линию рассуждений.

Так, Э. Хаас отметил, что сопутствующие эффекты не являются автоматическими в некоторых типах экономических законов, а опираются на способность переадресовывать и изменять лояльность и отношение между государствами одного и того же региона, и, наконец, содействовать региональной интеграции между ними. Неофункционализм также подвергался критике за его европейскую специфику. В конце концов, неофункционализм может быть понят скорее как европейский исторически описательный подход, чем как теория региональной интеграции с мировым измерением. Даже сам Э. Хаас и Ф. Шмиттер

⁵ Haas E. The uniting of Europe. Political, Social, and Economic Forces, 1950-1957. Indiana (USA): University of Notre Dame Press, 2004. – 552 p.

⁶ Там же.

отмечали ограничения в применении этих рассуждений для других регионов. В частности, сопутствующие эффекты не работают успешно в интеграционных процессах, где институциональный уровень достаточно слабый.

Следующим подходом к региональной интеграции был так называемый подход «безопасности сообществ» (security communities approach) или транзакционный подход К. Дойча, который можно представить как позицию, близкую к неофункционализму, но сфокусированную конкретно на порядке и безопасности. Транзакционализм (transactionalism) подразумевает вызов таким статоцентрическим теориям, как реализму, поскольку он дает возможность существования движущих сил, помимо тех, которые исходят от самого правительства.⁷ Транзакционализм характеризуется концепцией интеграции как процесса, посредством которого изменяются оценки и общественное поведение, основанное на политических решениях.

Таким образом, как заявлял К. Дойч, «в ходе интеграционного процесса часто развивается психологическое «не готовое к войне» сообщество. Война между потенциальными партнерами считается нелегитимной; серьезные приготовления к ней больше не пользуются поддержкой населения; и даже если некоторые из потенциальных стран-партнеров окажутся на противоположных сторонах в каком-то более крупном международном конфликте, они ведут себя так, чтобы свести к минимуму реальные взаимные боевые действия и нанесение ущерба».⁸

Говоря о сообществах безопасности, К. Дойч различает две модели. С одной стороны, есть объединенные сообщества (amalgamated communities), в которых разные государства объединяются вокруг одного регионального центра. В этих случаях возникнет наднациональная сущность. С другой стороны, и что более интересно для теории региональной интеграции, есть плюралистические сообщества (pluralistic communities), в которых суверенные и независимые единицы соглашаются объединить какой-то процесс принятия решений и, в частности, отказаться от применения силы для решения своих споров. Помимо этого, различия, К. Дойч отмечает, что «взаимодействие между различными членами сообщества вызывает растущую транснациональную солидарность и впоследствии понимается как чувство общности».⁹

В 80-90-х гг. прошлого века возникли новые критические подходы к региональной интеграции. Одним из них является новый подход к регионализму Б. Хеттне (B. Hettne), который связывает глобализацию и регионализм. По его мнению, «интеграция должна

⁷Deutsch K. The Analysis of international relations, 1968, p.159.

⁸ Там же, с. 197.

⁹ Там же.

прежде всего служить цели создания жизнеспособных регионов; в то время как теория экономической интеграции, в принципе, нейтральна в отношении конкретной ценности региона или какой-либо конкретной единицы, подлежащей интеграции. Регионализация является не только экономической, но и политической, социальной и культурной».¹⁰

Поэтому, представляя «политические амбиции по созданию территориальной идентичности и региональной согласованности»¹¹ в качестве основного актора региональной интеграции, новый подход к регионализму бросает вызов предыдущим теориям.¹²

Точка зрения Б. Хеттне полезна в двух отношениях. Прежде всего, он связывает новый регионализм и глобализацию, сравнивает старый и новый регионализм, подчеркивая, что основное различие не является ни временным, ни количественным, а качественным. Он утверждает, что в новом регионализме принимают участие не только и не столько государства, сколько негосударственные образования, а сам процесс регионализации охватывает не только экономическое взаимодействие, а практически все сферы жизни общества. Чтобы доказать это, он противопоставляет старый регионализм, появившийся в биполярном мире «сверху», ориентированный на экономическую защиту и конкретные цели между соседними странами, с новым регионализмом. Для последнего характерно его появление в многополярном мире и его взаимосвязь с глобализацией, где развивающиеся регионы стремятся к сотрудничеству, чтобы интегрироваться в мировую экономику. В то же время новый регионализм становится многоплановым процессом с множественными целями, и он заключен в структурную глобальную трансформацию, когда несколько негосударственных субъектов действуют на разных уровнях глобальной системы.¹³

Согласно работам Б. Хеттне¹⁴ «поскольку новый регионализм прошел, как минимум два десятилетия, этого может быть достаточно, чтобы стереть различие и признать изучение регионализма поиском движущейся цели, даже если это оставляет нас со сложной онтологической проблемой». В конце концов он пытается стереть разницу между старым и новым регионализмом, чтобы создать всеобъемлющий и динамичный подход.

¹⁰ Hettne B. «Security and Peace in Post-Cold War Europe», Journal of Peace Research, Vol.28, No.3. (Aug.,1991), p.282.

¹¹ Там же.

¹² Ndayi Z. «Review Article «Theorising the Rise of Regionness» by Bjorn Hettne and Fredrik Soderbaum», Politikon, April 2006, 33 (1), p. 117.

¹³ Hettne B. «The New Regionalism Revisited», SODERBAUM, Fredrik and SHAW, Timothy (eds.). Theories of New Regionalism, Palgrave Macmillan, 2003, p. 23-24.

¹⁴ Hettne B. and Soderbaum F. «Theorising Comparative Regionalism: Bridging Old Divides», Paper for ECPR Joint Session on «Comparative Regional Integration: Towards a Research Agenda», Nicosia, April 2006.

Во-вторых, Б. Хеттне ищет способ измерения региональной интеграции. Он выделяет пять уровней, «не обязательно последовательных, но важных для познания ситуации» в строительстве регионального социального процесса. По его мнению, «уровень региональной интеграции» определяет положение конкретного региона или региональной системы с точки зрения региональной согласованности и идентичности, что можно рассматривать как долгосрочный эндогенный исторический процесс, изменяющийся со временем от принуждения в строительстве империй и наций к более добровольному сотрудничеству».¹⁵

Исходя из этого, существует пять уровней: (а) региональное пространство (regional space) или географический район; (б) региональный комплекс (regional complex), что подразумевает зарождающуюся (эмбриональную) взаимозависимость; (в) региональное общество (regional society), которое может охватывать политические, культурные, экономические или военные аспекты; (г) региональное сообщество (regional community), происхождение транснационального гражданского общества в том смысле, что стимулирует сближение ценностей и в то же время эквивалентного плюралистическому сообществу безопасности К. Дойча; и (д) региональная институционализированная политика (regional institutionalized polity), которая оказывает влияние на процессы принятия решений.¹⁶

В развитии подхода Б. Хеттне и Ф. Содербаума концепция структурализма (Structuralism) пытается объяснить региональную интеграцию с социально-экономического аспекта. Структурализм оказал большое влияние на ученых Южной Америки, которые пытались объяснить процесс региональной интеграции в этом континенте. Такие авторы, как Хелио Ягуарибе (Helio Jaguaribe) и Альдо Феррер (Aldo Ferrer), усилили идею регионализма как защитной реакции против международной маргинализации, порожденной экономической глобализацией. В то же время они признают более высокую ценность социокультурным аспектам межрегиональной идентичности, чем экономическим.

Как заявляет Х. Ягуарибе, «МЕРКОСУР является для его членов главным инструментом защиты их международных интересов и, в долгосрочной перспективе, сохранения их самобытности и национальной автономии».¹⁷ Исходя из этого, можно оценить два способа определения региональной интеграции: во-первых, с точки зрения защиты или реакции, особенно против глобализации и американской идеологической точки

¹⁵ Там же.

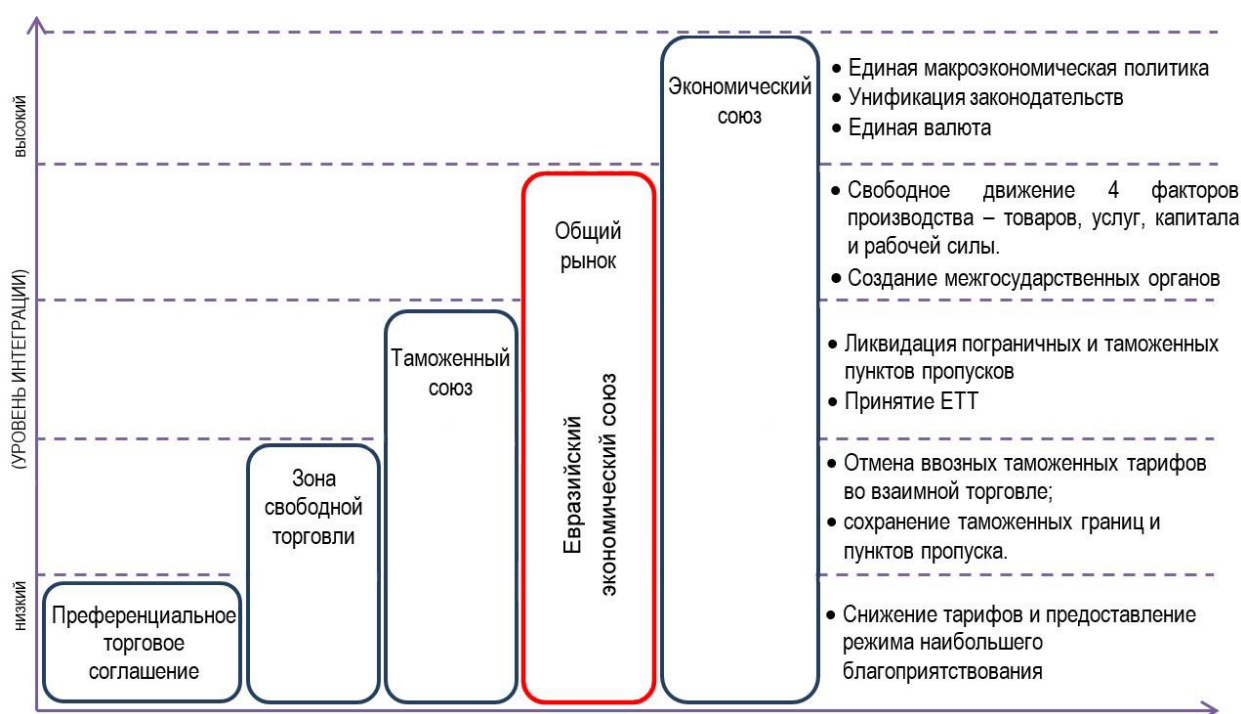
¹⁶ Там же.

¹⁷ Jaguaribe, Helio. «Mercosul e a Nova Ordem Mundial», Dossiê CEBRI, volume 1, año 1, 2002, p.6.

зрения; и, во-вторых, как желание объединить всю Латинскую Америку по одной схеме, несмотря на существование разных теоретических подходов.

В отличие от структурализма, существует либеральная экономическая школа (liberal economic school), которая также сосредоточена на экономическом аспекте региональной интеграции. В настоящее время часто встречаются авторы, которые рассматривают региональную интеграцию как два отдельных, независимых друг от друга процесса: экономический процесс и политическое сотрудничество. В большинстве случаев они используют классическую позицию Б. Балассы, который «определяет экономическую интеграцию как устранение дискриминации между экономическими единицами, принадлежащими к различным национальным государствам».¹⁸

Б. Баласса представил свою классификацию для измерения уровня интеграции: преференциальное торговое соглашение, «нет тарифов или квот» (ЗСТ, более продвинутая форма – «ЗСТ плюс»), «общий внешний тариф» (таможенный союз), «свободный поток факторов» (общий рынок, более продвинутая форма – единый рынок), «гармонизация экономической политики». (экономический и валютный союз), «объединение политики и политических институтов» (полная экономическая интеграция) (см. рисунок 1).

Источник: составлено автором

Рисунок 1 – Уровни экономической интеграции по степени унификации таможенного регулирования по классификации Б. Баласса

Таким образом, чисто политический аспект проявляется только на последнем этапе и обусловлен экономическим успехом. Эти типичные экономические аргументы,

¹⁸ Nye, Joseph. «Comparative Regional Integration: Concept and Measurement» International Organization, Vol.22, No.4, 1968, p.860.

поддерживаемые многочисленными экономистами, игнорируют важность внутривнутриполитических факторов, таких как решения элиты и социальная поддержка интеграционных и международных факторов, например, регионального политического или геостратегического контекста. Представляется очевидным, что экономическая наука имеет ограниченное видение объяснения региональной интеграции. В этой связи говорить о том, что в экономических решениях нет ничего политического, неправильно. Экономика могла бы объяснить только аспекты, касающиеся экономических обменов, и этого недостаточно для понимания сложного процесса региональной интеграции.

В попытке объяснить и классифицировать подходы к региональной интеграции полезно рассмотреть исследования профессора Брюссельского университета В. Лангенхова (Van Langenhove), который предлагает рассматривать регионализм в динамике своего развития. Это помогает подчеркнуть возможность сосуществования нескольких видов региональных соглашений, отличающихся по качеству / содержанию, в то же время признавая, что некоторые формы региональной интеграции основываются на предыдущих.

Региональная интеграция первого поколения

Это процесс линейной поэтапной интеграции государств, которая была описана венгерским экономистом Б.Баласса, как модель линейно-стадиальной интеграции. До 30 марта 1994 г., когда произошла первая волна расширения Европейского союза, и к Маастрихтскому договору присоединились Австрия, Финляндия и Швеция, эта модель была заложена в основу евроинтеграции. Однако расширение ЕС, по сути, означало переход интеграции на новый уровень.

В 2001 г. этот подход был использован для воссоздания Восточноафриканского сообщества (East African Community). По мнению исследователей из Института сравнительных исследований в области региональной интеграции ООН (UNU-CRIS) (V.Langenhove и A.Costea, 2005), региональная интеграция начинается с ЗСТ, когда государства отменяют все таможенные пошлины, устанавливают квоты между ними, а затем индивидуально определяют уровень таможенных пошлин для взимания импорта, поступающего извне.¹⁹

Так, ЗСТ постепенно продвигается в последовательных стадиях к более глубокой интеграции к таможенному союзу, общему рынку, валютному союзу и может продолжаться вплоть до достижения федерации.

¹⁹ Langenhove V. & Costea C. UNU-CRIS Occasional papers. Inter regionalism and the future of multilateralism, 2005, p.p. 12-17

Теория таможенных союзов была выдвинута английским экономистом, Нобелевским лауреатом Джеймсом Мидом.²⁰ Однако выводы, которые были им сделаны, свидетельствуют о том, что таможенный союз не гарантирует экономическую эффективность или эффективное распределение ресурсов. Д.Мид был уверен, что успешность таможенных союзов зависит не только от экономических факторов. Поэтому он воздерживался от однозначных суждений об абсолютной эффективности таможенных союзов.

Тем не менее, самым важным этапом формирования полноценного и глубоко интегрированного экономического союза является стадия продвинутого таможенного союза. Это связано с тем, что свободное перемещение четырех факторов производства (товаров, услуг, рабочей силы, капитала) так или иначе в конечном итоге способствует увеличению взаимного проникновения экономик и общего благосостояния. Однако важнейшим условием для этого является структурная взаимодополняемость интегрирующихся экономик.

Как было отмечено выше, примером классической линейной эволюции является эволюция Западной Европы после Второй мировой войны, которая прошла путь от подписания Парижского договора о Европейском объединении угля и стали в 1951 г., подписания Римского договора в 1957 г., подписания Брюссельского договора в 1965 г., подписания Единого европейского акта в 1986 г. и, наконец, до подписания Маастрихтского договора (официально «Договор о Европейском союзе»).

Существует много других примеров региональной интеграции первого поколения. Ранее упомянутое Восточноафриканское Сообщество (ЕАС) основано на этом подходе и предприняло шаги для ускорения интеграции путем перехода от таможенного союза к протоколу общего рынка. 30 ноября 2016 г. было объявлено, что непосредственной целью будет конфедерация, а не федерация.²¹

Европейский Союз с момента его образования и роста был триггером и моделью для этого способа интеграции. Этот подход оказался наиболее популярным среди доминирующего большинства региональных торговых соглашений (RTA), зарегистрированных в ВТО.²² Несмотря на то, что изначально это был чисто экономический процесс, намерения, стоящие за первыми региональными соглашениями, могут быть вполне политическими.

²⁰ Meade O. «The theory of customs unions» / North-Holland Pub. Co. 1955. 121 p.

²¹ Ubwani Z. East Africa: Finally, East African Nations Agree to Disagree On Federation / All Africa [2016]. URL: <https://allafrica.com/stories/201611300840.html>

²² Langehove V. & Costea C. UNU-CRIS Occasional papers. Inter regionalism and the future of multilateralism, 2005, p.p.12-17

Региональная интеграция второго поколения: «новый регионализм»

В опубликованной в 1999 г. статье²³ профессора Гётеборгского университета (Швеция) Бьорна Хеттне под названием «Глобализация и новый регионализм: Вторая Великая трансформация», автор обращает внимание международного сообщества, в т.ч. и научного, на вызовы, возникающие в ходе глобализации и новой регионализации. По мнению автора, современные процессы регионализации и глобализации разрушают принципы, заложенные в Вестфальском мирном договоре 1648 г. (т.н. Вестфальская конституция), в частности, принцип суверенитета.

Бьорн Хеттне утверждает, что несмотря на текущие достижения международной торговли и многосторонней торговой системы, её дальнейшее развитие в контексте нового регионализма будет всё чаще рассматриваться через призму международной политики. Возможно, вопросы политики в ряде случаев будут преобладать над вопросами экономики и международной торговли. Это связано с тем, что в новом регионализме, автором которого, собственно, и является Бьорн Хеттне, затрагиваются вопросы культурно-исторического, общественно-политического, военного и других гуманитарных характеров, которые выходят за рамки сугубо ЗСТ или других форм свободной или преференциальной торговли. Чем больше экономик интегрируется, тем больше будет необходимости в единой политике по финансовым и социальным вопросам, а также в политической интеграции.

Появление «нового регионализма» должно быть исторически связано с серией преобразований в мире. Ряд других исследователей Гётеборгского университета Швеции (Schultz M., Söderbaum F., Öjendal J., 2001)²⁴ обобщают эти тенденции, наблюдаемые Б. Хеттне и А. Инотай²⁵ (1994), Л. Фаусетт и А. Хьюрел (Fawcett and Hurrell, 1995),²⁶ А. Гэмбл и А. Пэйн (Gamble and Payne, 1996)²⁷ и другими исследователями, в следующие критерии:

- движение от биполярности к многополярной или, возможно, трехполярной структуре, сосредоточенной вокруг ЕС, НАФТА и Азиатско-Тихоокеанского региона, с новым разделением власти и новым разделением труда;
- относительный упадок американской гегемонии в сочетании с более терпимым отношением США к регионализму;

²³ Hettne B., Inotai A., Sunkel O. Globalization and the New Regionalism: The Second Great Transformation. Globalism and the New Regionalism. London: 1999. Macmillan.

²⁴ Schultz M., Söderbaum F., Öjendal J. (2001). Introduction. A framework for understanding regionalization. In: M. Schultz, F., Söderbaum, and J. Öjendal (ed. by) Regionalization in a Globalizing World, Zed Books: London.

²⁵ Hettne, B. and Inotai, A. (eds) (1994). The New Regionalism: Implications for Global Development and International Security. Helsinki: UNU/WIDER.

²⁶ Fawcett, L. and Hurrell, A. (eds) (1995). Regionalism in World Politics. Regional Organizations and International Order. Oxford: Oxford University Press.

²⁷ Gamble, A. and Payne, A. (ed by) (1996). Regionalism and World Order. Houndmills: Macmillan.

- перестройка национального государства и рост взаимозависимости, транснационализации и глобализации;
- повторяющиеся опасения по поводу стабильности многосторонней торговой системы, которые неразрывно связаны с растущим значением нетарифных барьеров (НТБ) для торговли;
- изменившееся отношение к (неолиберальному) экономическому развитию и политическим системам в развивающихся странах, а также в посткоммунистических странах.

Профессор Калифорнийского университета Марио Тело (Mario Telo)²⁸ называет это «постгегемонистским регионализмом», как компонентом новой формирующейся и бурной мировой системы. Крах коммунистических режимов не только положил конец «холодной войне» и породил огромную географическую зону политической неопределенности и нестабильности, но и разрушил международную систему, которая стабилизировала международные отношения со времен Второй мировой войны. Хотя до конца холодной войны региональное сотрудничество было в значительной степени навязанным гегемонами явлением, оно постепенно стало продвигаться внутренними факторами. Согласно его исследованиям новый регионализм можно рассматривать как попытку государств отреагировать на комплексное воздействие финансовой, технологической и рыночной глобализации на их традиционную территориальную государственную власть путем усиления регионального контроля, когда традиционный централизованный национальный суверенитет больше не функционирует и ведутся коллективные переговоры с внерегиональными институтами.

Поэтому региональная интеграция второго поколения имеет несколько важных характеристик:

- а) глубокая экономическая интеграция плюс политические элементы;
- б) многоуровневое управление;
- в) передача государственных полномочий на наднациональный уровень;
- г) усиление роли международно-правовой базы для национальных государств;
- д) сотрудничество по широкому кругу вопросов.

Бьорн Хеттне полагает, что основной сутью «нового регионализма» является продвижение универсальных западных ценностей, а также стандартов в области экологии и общественной безопасности.

²⁸ Telò M. Between Trade Regionalization and Deep Integration. In: M. Telò (ed. by) European Union and New Regionalism. Ashgate: 2001. Aldershot.

Рассмотрим, прежде всего, новую региональную интеграцию как инструмент обеспечения свободной и справедливой торговли в рамках отдельных группировок в части дальнейшего развития таких концепций предыдущей модели, как «формирование и перенаправление торговых потоков, полученных на основе анализа частичного равновесия воздействия отмены тарифов на благосостояние»²⁹ с последующим созданием ЗСТ и с превращением их в таможенные союзы.

Фундаментом новой теории регионализма является объединение динамических эффектов экономической интеграции, выражающееся в более глубоком взаимодействии между торговлей и инвестициями, в котором в качестве стимулов выступает «активизация институциональных механизмов».³⁰ Происходит постепенный переход от внутриотраслевой торговли к внутриотраслевым инвестициям при условии высоких транспортных издержек.³¹

Кроме того, можно привести ряд отличительных характеристик нового регионализма, в частности:

- наличие большой соседней экономики – регионального гегемона;
- наличие небольших экономик, вовлеченных в процесс односторонней либерализации и стремящихся системно взаимодействовать с региональным гегемоном;
- постепенный выход за рамки либерализации торговли товарами по направлению к услугам и инвестиционной деятельности;

Интересен вопрос о совместимости нового экономического регионализма с экономической многосторонностью, продвигаемой через ВТО.

Так, в своем исследовании Дж. Сэмпсон отмечает то, что «региональные соглашения представляют один из аспектов многоуровневого процесса интеграции и не являются выбором между региональными и многосторонними подходами». Также, по мнению Комиссара ЕС по торговле Паскаля Лами, «...основное допущение нашей торговой политики заключается в том, что у нас есть два варианта для успешной интеграции в мировую экономику: многосторонность и регионализм».³² «Регионализм и

²⁹ Там же.

³⁰ Lawrence R. Regionalism, Multilateralism and Deep Integration. 1996, | Ethier W. «Regional Regionalism», in S. Lahiri (ed.), Regionalism and Globalization Theory and Practice. 2001

³¹ Gavin B. «Trade and Investment» in The European Union and Globalization Towards Global Economic Governance. 2001.

³² Lamy P. The Geneva Consensus: Making Trade Work for All. Cambridge University Press, 2013.

многосторонность не являются взаимоисключающими, а дополняют друг друга: региональные механизмы регулируются многосторонними правилами ВТО».³³

Представляется, что многосторонняя либерализация торговли способствует глобальной торговле, однако приводит к увеличению транспортных издержек. С другой стороны, сокращение таких издержек стимулирует переход от экспортной ориентированности к прямым иностранным инвестициям. Тем самым, региональная интеграция, способствующая активизации инвестиционной деятельности, предпочтительнее дальнейшей многосторонней либерализации торговли.

Что касается вопроса «справедливости» свободной торговли, то необходимо отметить определенные выгоды нового регионализма для развивающихся стран, в частности:³⁴

- увеличение возможности перехода к плавной и постепенной интеграции в мировую экономику;
- формирование более крупных локальных рынков и повышение уровня конкуренции среди местных игроков;
- укрепление рыночных позиций развивающихся стран в ВТО;
- повышение уровня государственных инвестиций в инфраструктуру и общественные блага.

Однако, как справедливо отмечает В. Лангенхов, «...достижение таких выгод возможно только в условиях открытой национальной экономики».³⁵

Ярким примером нового регионализма является модель интеграции Европейского Союза. В Европе сложилась эффективная многоуровневая система управления с глубоким сотрудничеством между государствами, с передачей власти внутри государств и международной правовой базой. Также можно отметить распространение региональной интеграции второго поколения на другие континенты путем создания или обновления таких организаций, как: АСЕАН, МЕРКОСУР, САДК, ЭКОВАС. (ASEAN, MERCOSUR, SADC, ECOWAS) и т.д.

Впоследствии в рамках региональной интеграции второго поколения возникает идея о многомерной региональной интеграции, подразумевающей взаимодействие по ряду

³³ Lamy P. Fifth EC/Candidate Countries Ministerial Conference on Trade — Opening speech, Malta, 31 May - 1 June 2002.

³⁴ Langenhove V. «Regional Integration and Global Governance», UNUexions, August 2003, pp.1-4.

³⁵ Langenhove V. Costea A., Gavinio B. From Multilateralism to Multiregionalism. What Role for Regional Integration in Global Governance? / UNU-CRIS Occasional Papers 0-2004/5. 25 p. URL: <http://cris.unu.edu/sites/cris.unu.edu/files/O-2004-5.pdf>

направлений, среди которых политика, культура, социально-экономическая сфера, послужившие дальнейшей активизации политических и экономических усилий.

Несмотря на то, что региональная интеграция второго поколения все еще является весьма ограниченным явлением, контуры региональной интеграции третьего поколения становятся очевидными. А именно признается, что наряду с экономической и внутриполитической интеграцией возможна также интеграция во внешнеполитической сфере и, прежде всего, стремление участвовать в глобальных институтах управления и содействовать межрегиональности и глобальности.

Региональная интеграция третьего поколения

Для региональной интеграции третьего поколения характерны регионы мира, играющие значимую роль на мировой арене, то есть регионы, действующие (а) в рамках глобальных международных режимов и организаций, (б) в отношении других региональных интеграционных объединений и (в) в отношении стран, находящихся за пределами их собственного географического региона. В то время как в региональной интеграции первого и второго поколений основной областью является, прежде всего, собственная географическая зона, интеграция третьего поколения подразумевает также «внерегionalную и трансконтинентальную» деятельность, охватывающую весь мир.

По мнению Вана Лангенхофа, интеграционные процессы в разных регионах мира выполняют ряд важных функций в глобальном управлении в целом.³⁶ В частности:

- 1) содействуют миру и безопасности в регионе;
- 2) способствуют созданию благоприятных условий для развития частного сектора;
- 3) укрепляют торговую интеграцию в регионе;
- 4) способствуют развитию и укреплению институтов общественного сектора и качественного государственного управления (т.н. good governance);
- 5) способствуют снижению уровня общественной изоляции и содействуют формированию открытого для всех гражданского общества (т.н. civil society);
- 6) развивают инфраструктурные программы в поддержку экономического роста и региональной интеграции;
- 7) способствуют созданию региональных экологических программ;
- 8) укрепляют межрегиональное взаимодействие.

Перечисленные функции можно сгруппировать по трем основным направлениям: торговля, безопасность и глобальное управление.

³⁶ Langenhove V. Regional Integration and Global Governance. UNUexions, August 2003, 1-4, <http://www.unu.edu/hq/ginfo/nex/aug03-e/nex-08-03.pdf>

Интеграция второго поколения (или «новый регионализм») уже оказала влияние на остальной мир, ограниченное преимущественно региональным уровнем. Региональная интеграция третьего поколения имеет три основные характеристики, отличающие ее от предыдущих поколений.

Во-первых, в интеграции третьего поколения в большей степени присутствует институциональная среда для преодоления последствий региональной политики «вне региона». Например, Европейская конституция теоретически могла бы придать Европейскому Союзу новую субъектность и создать первую в мире региональную организацию, которая имела бы желание и была способна выступать в качестве наднациональной организации в рамках ООН.

Во-вторых, в интеграции третьего поколения регионы становятся более активными, участвуя в межрегиональных соглашениях и договорах, которые могут повлиять на значительное число отношений на глобальном уровне. После периода доминирования ЕС в этой области региональные организации со всех континентов (т.е. АСЕАН, МЕРКОСУР, САДК) начали участвовать в создании межрегиональных инициатив.

В-третьих, при региональной интеграции третьего поколения регионы становятся более активными в ООН.

Характеристики региональной интеграции третьего поколения и различия с предыдущими двумя поколениями представлены в таблице (см. таблицу 1).

Таблица 1 – Сравнение интеграции различных поколений

Признаки	Региональная интеграция I – поколения	Региональная интеграция II – поколения	Региональная интеграция III – поколения
Характер интеграции	Экономическая интеграция	Экономическая + внутривластная интеграция	Экономическая + внутривластная + внешнеполитическая интеграция
Сфера охвата	Приоритет на развитие внутренних отраслей + конкуренция с другими отраслями	Приоритет на развитие внутренних отраслей + конкуренция с другими отраслями	Приоритет на развитие внутренних отраслей + сотрудничество с другими отраслями третьих стран в формате ЦДС
Правила функционирования	В соответствии с нормами и правилами ВТО	Создание собственных политических институтов с расширенными правилами	Изменение существующих многосторонних торговых правил (challenging multilateralism)
Субъекты интеграции	Правительства / государственные компании и государственные корпорации	Транснациональные и мультинациональные корпорации	Появление новых трансрегиональных субъектов
Вопросы безопасности	Совет Безопасности ООН доминирует над государствами	Совет Безопасности ООН сотрудничает с региональными организациями в вопросах безопасности	Совет Безопасности ООН институционализирует участие регионов в управлении глобальной безопасностью

Признаки	Региональная интеграция I – поколения	Региональная интеграция II – поколения	Региональная интеграция III – поколения
Экспансивность объединения	Приоритет на внутреннее развитие / протекционистская политика	Приоритет на расширение для развития внутреннего потенциала	Приоритет межрегионального аспекта / расширение и охват новых регионов
Цели интеграции	Создание крупных единых экономических и валютных зон	Создание новых структур регионального управления	Изменение существующего международного порядка и создание «нового мирового порядка»
Задачи интеграции	Оптимизация экономических процессов	Оптимизация внутривластных процессов	Оптимизация глобальных процессов

Источник: составлено автором

Несомненно, существует тонкая грань между поколениями региональной интеграции, поскольку после интенсивной глобализации даже сугубо региональная внутренняя политика имеет тенденцию к усилению внешних взаимодействий для ряда традиционно внутренних областей.

Тем не менее, как представлено в таблице 1, основное различие заключается в том, что предыдущие поколения интеграции стремились достичь оптимизации экономических, социальных, культурных, политических и других процессов, а региональная интеграция третьего поколения преследует более широкие цели: достижение оптимизации внешнеполитических процессов и глобальных процессов управления.

После рассмотрения эволюции теоретических подходов к региональной интеграции, необходимо перейти к анализу моделей региональной интеграции, их содержанию и структурному описанию.

1.2 Концептуальные подходы к определению структуры региональной «интеграционной модели»

Региональная экономическая интеграция представляет собой сложное и многогранное явление и всегда имеет характерные черты некой модельной конструкции. Но, поскольку универсальный термин «интеграционная модель» применительно к экономической интеграции в научной литературе практически отсутствует, то его определение в основном базируется на ключевых характеристиках и классификационных признаках, а иногда на субъективном восприятии.

В мировой практике термин «интеграционная модель» в узко профессиональном смысле применяется к технологическим процессам, а также в информатике (модель интеграции данных), но не к экономической интеграции. Для характеристики особенностей и многообразия экономической интеграции часто употребляется английский термин «types of integration», т.е. виды экономической интеграции. Таким образом, можно

констатировать, что в отечественной и зарубежной литературе отсутствует единый подход и понимание данного термина применительно к экономической интеграции.

Однако, поскольку на постсоветском пространстве термин «интеграционная модель» уже укоренился для характеристики экономической интеграции, то для определения её наиболее объективной трактовки целесообразно обратиться к этимологическому значению термина «модель». В отличие от термина «интеграционная модель», термин «модель» имеет определённо устоявшееся описание. Некоторые из них перечислены ниже.

1) Российский «Глоссарий по информационному обществу» определяет термин «модель» как абстрактное представление реальности в какой-либо форме (например, в математической, физической, символической, графической или дескриптивной).³⁷

2) Американский глоссарий по моделированию, изданный координационным бюро моделирования при Минобороны США, определяет термин «модель» как физическое, математическое или иное логическое представление системы, сущности, явления или процесса.³⁸

3) В зарубежной научной литературе, посвященной моделированию сложных систем, термин «модель» определяется как представление одной или нескольких концепций, которые могут быть реализованы в физическом мире. Также указывается, что модель обычно описывает область интересов.³⁹

4) Американский ученый-теоретик в области системной организации Г. Беллингер, известный своей работой по системному мышлению и управлению знаниями, определяет термин «модель» как упрощенное представление системы в определенный момент времени и пространства, предназначенное для содействия понимания реальной системы⁴⁰.

5) Профессор Израильского технологического института «Технион» Д. Дори в своей работе, посвященной исследованию парадигмы целостных систем, определяет термин «модель» как абстракцию системы, направленную на понимание, передачу, объяснение или разработку аспектов, представляющих интерес для этой системы.⁴¹

³⁷ Глоссарий по информационному обществу / Под общ. ред. Ю.Е. Хохлова. – М.: Институт развития информационного общества, 2009. – 160 с.

³⁸ Modelling and Stimulation (M&S) Glossary. 2011. USA Department of Defense. URL: [http://www.acqnotes.com/Attachments/DoDM&S Glossary 1 Oct 11.pdf](http://www.acqnotes.com/Attachments/DoDM&S%20Glossary%201%20Oct%2011.pdf) (дата обращения: 01.12.2018).

³⁹ Friedenthal S., Moore A., Steiner R. A. Practical Guide to Systems Modeling Language. 2012. Publisher: Morgan Kaufmann. 640 p.

⁴⁰ Bellinger G. Modeling & Simulation: An Introduction // Systems Thinking. 2004. URL: <http://www.systems-thinking.org/modsim/modsim.htm> (дата обращения: 01.12.2018).

⁴¹ Dori D. Object-Process Methodology: A Holistic Systems Paradigm. 2002. Publisher: Springer-Verlag Berlin Heidelberg. 455 p.

6) Крупный американский консорциум «Object Management Group», занимающийся разработкой и продвижением объектно-ориентированных технологий и стандартов, определяет термин «модель» как селективное представление некоторой системы, форма и содержание которой выбираются на основе определенного набора проблем или интересов. Модель связана с системой явным или неявным отображением.⁴²

Исходя из рассмотренных выше определений, можно выделить два важных компонента, свойственных понятию «модель», а именно: представление системы и наличие общих интересов. Примечательно, что применительно к региональной экономической интеграции то же самое четверть века назад утверждал профессор Оксфордского университета Эндрю Харрэлл.⁴³ По его мнению, региональная интеграция возможна только при едином видении развития региона (единое политическое мировоззрение) интегрирующихся государств и их культурно-исторической общности, которая в свою очередь формирует единый цивилизационный тип людей или идентичность. С учетом проведенного анализа термин «интеграционная модель» применительно к экономической интеграции может быть предварительно определен следующим образом:

Интеграционная модель – это общее представление субъектов интеграции о системе отношений, которое способствует формированию тесных взаимосвязей (в т.ч. экономических, общественных, политических) для реализации их частных интересов.

Относительно близкий подход представлен в исследовании профессора восточно-европейских исследований Мюнхенского университета (Либман А.М., 2009), посвященном мировому и постсоветскому опыту экономической интеграции, в котором интеграционная модель определяется как сочетание субъектов интеграции; процессов их взаимодействия и институциональной среды.⁴⁴ Однако такая трактовка, в большей степени, является перечислением некоторых составляющих структуры интеграционной модели.

Интеграционная модель определяет форму институциональной организации и механизмы взаимодействия между субъектами интеграции. При этом стоит отметить, что ни одна интеграционная модель не может в полной степени гарантировать и способствовать достижению какого-либо математически измеряемого результата экономической интеграции. В другой работе, посвященной моделям экономической интеграции и

⁴² The MDA Foundation Model. 2010. Object Management Group. URL: <https://sophia.javeriana.edu.co/~cbustaca/docencia/DEAS-2015-03/documentos/ormsc-10-09-06.pdf> (дата обращения: 01.12.2018).

⁴³ Hurrell A. Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics // Review of International Studies. 1995. Cambridge University Press. P. 331-358.

⁴⁴ Либман А.М. Модели экономической интеграции: мировой и постсоветский опыт. 2009. URL: https://mpira.ub.uni-muenchen.de/19434/1/MPRA_paper_19434.pdf (дата обращения: 30.11.2018).

дизинтеграции, авторы приходят к выводу, что «интеграция представляет собой не столько результат, сколько процесс нарастающего взаимопереплетения национальных экономик». ⁴⁵

Реальные математически измеряемые результаты экономической интеграции в определенной степени достигаются лишь при желании ключевых экономических акторов (крупный бизнес, госкомпании, госкорпорации, ТНК) интегрироваться в рынки государств-партнёров. Хозяйствующие субъекты, в том числе госкомпании и госкорпорации, осуществляют выбор перспективных рынков и союзников, руководствуясь оппортунистическим поведением, согласно институциональной экономической теории транзакционных издержек, но не модельной идеологией. Таким образом, институциональные механизмы в рамках рыночной экономики не в полной мере могут оказать влияние на экономические мотивы и поведение хозяйствующих субъектов. Более того, изучая поведение экономических агентов в рамках институциональной теории, английский экономист Оливер Уильямсон в 1985 г. описал его как «оппортунистическое поведение», мотивированное очень узкими частно-предпринимательскими интересами, другими словами – эгоизмом. О. Уильямсон также допустил, что в рамках оппортунистической модели поведения экономические агенты могут намеренно наносить друг другу ущерб, в частности экономический.

Применительно к ЕАЭС важно отметить, что именно Российской Федерации и Республике Казахстан (в совокупности ~ 90% ВВП Союза) присвоен статус рыночной экономики Министерством торговли США в 2002 г. (U.S. Department of Commerce), при этом Европейский союз в 2002 г. признал этот статус только за Россией, а остальные государства-члены ЕАЭС классифицируются как страны с нерыночной экономикой (non-market economy), что определяет в известной степени модель поведения экономических субъектов.

Универсальная структура интеграционной модели на основе анализа различных видов экономической интеграции состоит из трех компонентов (см. рисунок 2.)

Источник: составлено автором

Рисунок 2 – Структура интеграционной модели

⁴⁵ Либман А.М., Хейфец Б.А. Модели экономической дезинтеграции. Интеграция и Дезинтеграция // Евразийская экономическая интеграция. 2011. №2. С. 4-18.

Субъектами экономической интеграции могут выступать как государства (правительственная интеграция сверху), так и бизнес (корпоративная горизонтальная интеграция снизу), однако создание формальных институциональных механизмов их взаимодействия всегда относится к функциям государства вне зависимости от субъектов. Следует отметить, что в последние годы всё чаще происходит корпоративная интеграция транснациональных корпораций (ТНК), создающих глобальные цепочки добавленной стоимости, движущими мотивами которых являются сугубо экономические интересы. В случаях, когда активным проводником интеграционных процессов выступают государства, то основные усилия вкладываются в создание институциональных «правил игры» и стимулов для хозяйствующих субъектов, а в основе их мотивов, в первую очередь, лежат геостратегические или геополитические интересы.

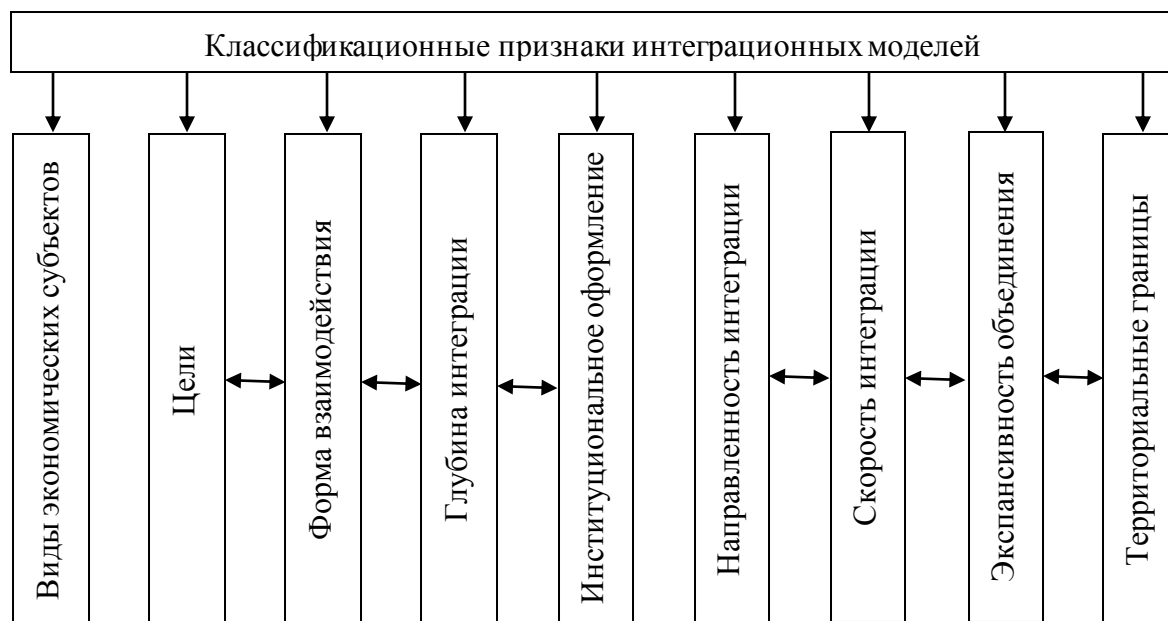
Формирование институциональных механизмов взаимодействия определяется глубиной экономических связей между субъектами и выбранной формой сотрудничества (преференциальная торговля, ЗСТ, ТС, общий рынок и др.). Они выражаются в создании координирующих, контролирующих или консультативных органов. Эти органы могут являться постоянно действующими и иметь наднациональный характер с особыми правами (например, ЕС), а также могут быть в виде комитетов и рабочих групп (например, USMCA – ранее действовавший как NAFTA).

К совокупным условиям, которые определяют структуру и форму интеграционной модели, относятся: уровень социально-экономического развития государства по основным макроэкономическим индикаторам, отраслевая структура экономики, особенности внешней торговли, специфика экономических связей с третьими странами, национальная нормативно-правовая база, международные соглашения и обязательства, наличие общих границ, политический режим (авторитаризм, диктатура, демократия, теократия,) и др. Примерами интеграции, когда из-за наличия множества специфических условий формируется нетипичный формат взаимодействия, служат непреференциальное соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР и Временное соглашение о создании ЗСТ по ограниченной номенклатуре товаров между ЕАЭС и Исламской Республикой Иран (оба соглашения подписаны 17.05.2018 на Астанинском экономическом форуме).

Так, каждый компонент представленной выше структуры интеграционной модели состоит из укрупнённых классификационных признаков, комбинация которых определяет вид экономической интеграции. В отечественной литературе представлен довольно широкий перечень классификационных признаков интеграционных форм и видов.

Например, в работе, посвященной методологии познания экономической интеграции⁴⁶, предложены десять разных подходов к классификации видов экономической интеграции, а в рамках этих подходов предлагается 25 классификационных признаков и 69 видов интеграции, на основе которых можно сформировать несколько сотен теоретических интеграционных моделей.

Исходя из анализа действующих подходов классификации интеграционных моделей, автором составлена новая обобщенная классификация, основанная на объективных признаках действующих интеграционных объединений. (см. рисунок 3)

Источник: составлено автором

Рисунок 3 – Классификационные признаки интеграционных моделей

Представляется, что для того, чтобы полностью идентифицировать интеграционный процесс, достаточно детально описать все элементы структуры интеграционной модели. Отсюда вытекает требование к совокупности элементов структуры модели быть полной системой, то есть охватывать все аспекты функционирования интеграционного объединения. Однако интеграционная модель как частный случай общего понятия «модель» должна являться некоторым упрощенным представлением реального интеграционного процесса, поскольку это представление должно позволять анализировать интеграционный процесс. Именно по этой причине в качестве детализированных составляющих рассматриваются не все возможные признаки, а именно основные признаки интеграционного объединения, которые, в свою очередь, могут быть сгруппированы в базовые элементы структуры.

⁴⁶ Курушина Е.В. Экономическая интеграция с позиций методологии научного познания (вопросы классификации) // Журнал «Фундаментальные исследования». 2013. №8. С. 1146-1150

С учетом этого предлагаемая структура интеграционной модели состоит из следующих укрупненных элементов:

- набор субъектов интеграции;
- цели и задачи интеграции;
- создаваемые (изменяемые) условия для интеграции;
- институциональная среда;
- стратегия взаимодействия с третьими странами.

Несомненно, между всеми упомянутыми выше компонентами существует тесная взаимосвязь. Рассмотрим каждый из этих компонентов более подробно.

Набор субъектов интеграции. Субъектами экономической интеграции могут выступать государства, национальный бизнес и крупные транснациональные компании (ТНК). В экономической литературе также существует системное деление видов интеграции на правительственную, домохозяйственную и корпоративную.⁴⁷ При этом их интеграционные мотивы существенно различаются. Основные мотивы национального бизнеса заключаются в создании взаимопересекающихся торговых сетей, тесных кооперационных связей и росте объемов производства; мотивы ТНК заключаются в создании глобальных цепочек добавленной стоимости (ЦДС), создании стратегических альянсов, кластеров и отраслевых союзов, получении монополистических выгод и преимуществ в том числе за счёт дешёвой рабочей силы развивающихся стран (например, государств Азии); мотивами государств, как субъектов интеграции, в первую очередь выступают геополитические и геостратегические интересы, а экономические интересы зачастую являются второстепенными, хотя и не малозначимыми. Например, основные связи в экономике ЕАЭС образуют правительства и ряд госкомпаний, в АСЕАН – крупный и средний бизнес, в Республике Корея – малый бизнес, в АТЭС, ТТИП и ВРЭП между Канадой и ЕС образуют ТНК. Несмотря на то, что перечисленные интеграционные объединения имеют существенные отличия по форме организации и взаимодействия, их основная цель заключается в либерализации торгово-экономического сотрудничества.

В свою очередь, в рамках правительственной классификации качественный состав сотрудничающих между собой государств формирует как минимум две принципиально разные модели и формат сотрудничества, а именно:

- если интегрирующие государства являются относительно гомогенными по размеру и экономическим показателям, то интеграция формируется по «линейно-стадиальной модели» поступательного развития Б. Баласса;

⁴⁷ Там же.

– если интегрирующие государства существенно отличаются друг от друга по географическим размерам и экономическому потенциалу, то интеграция формируется по модели Л.Тиндемана «ядро-периферия», поскольку страна с масштабной, доминантной экономикой является гегемоном интеграции, благодаря которой с помощью двусторонних торговых соглашений гегемон и страны-спицы экономически связываются друг с другом по принципу колеса.

Данный фактор определяет появление перекосов и дисбалансов в экономике и при более глубокой интеграции требует создание компенсационных механизмов, а также определяет институциональное взаимодействие.

В свою очередь, для траектории развития интеграции могут иметь значение не только характеристики отдельных стран объединения, но и соотношения между ними (например, степень разнородности), совокупные характеристики объединения (например, общий размер рынка, количество участников), парные характеристики (расстояние между странами, объемы и структура взаимной торговли). В целом, в рамках данного элемента структуры понимается вся совокупность информации о множестве составляющих объединение стран. При этом, в числе признаков, выделяемых в рамках данного элемента структуры, приводятся только те, которые, согласно теории, наиболее значимо влияют на процессы интеграции.

В рамках первого компонента – «Набор субъектов интеграции» рассмотрим следующие признаки:

1. Совокупный размер экономик.

Совокупный размер интегрирующихся экономик представляет собой важный признак интеграционного объединения, поскольку фактически задает размеры внутреннего рынка объединения. Для наиболее крупных интеграционных объединений в настоящее время используется специальный термин – мегарегиональное соглашение, при этом характерные примеры таких соглашений формально являются межрегиональными. В качестве показателя, характеризующего совокупный размер рынка, наиболее часто используется совокупный ВВП стран-участниц (или его доля в мировом ВВП).

Рынки большего размера теоретически характеризуются большим уровнем конкуренции, а также способствуют проявлению экономии от масштаба. Таким образом, в соответствии с механизмами проявления динамических эффектов региональной интеграции и экономии от масштаба, больший размер экономики соответствует большим перспективам роста производительности экономик.

Кроме того, значение имеет и совокупная роль интеграционного объединения в мировой экономике. В частности, более крупные региональные группировки, как правило,

имеют большую переговорную силу при обсуждении сотрудничества с внешними странами, что способствует заключению соглашений о сотрудничестве на относительно более выгодных условиях.

2. Уровень разнородности размеров экономик.

Этот признак можно рассматривать как индикатор «расстановки сил» в интеграционном объединении. Однако следует заметить, что в зависимости от формы институционального взаимодействия между странами, смещение «расстановки сил» в интеграционном объединении в сторону наиболее крупных участников может быть уменьшено или сбалансировано.

3. Уровень разнородности экономического развития стран.

Страны объединения могут различаться не только в терминах размеров рынка, но и в терминах уровней экономического развития. Этот фактор также оказывает влияние на характер течения интеграционных процессов, поскольку во многих случаях развивающиеся страны стараются избегать прямой конкуренции с развитыми государствами. При достаточно глубоком уровне интеграции это может способствовать усилению отраслевой специализации стран сравнительного преимущества, что в случае наличия существенного уровня разнородности по экономическому развитию часто будет означать специализацию менее развитых стран на товарах экономически и технологически менее сложных. В то же время близкий уровень развития интегрирующихся стран более благоприятен для усиления внутриотраслевой торговли, которая связана с потенциально меньшими потерями в одной из стран-участниц. Кроме того, в случае либерализации перемещений труда и капитала, эти факторы производства могут перетекать из менее развитых стран в более развитые, поскольку в развитых странах уровень производительности и, следовательно, уровень отдачи на эти факторы будет больше.

Состав участников определяет многие аспекты интеграционного сотрудничества. К примеру, количество участников в интеграционном объединении в существенной степени определяет структуру институционального взаимодействия между странами: при достаточно большом количестве участников процесс принятия решений целесообразно построить в виде голосования, а не консенсуса. Объединения, совокупный объем рынка которых достаточно большой, в целом будут менее склонны использовать модель открытого регионализма, поскольку потенциальные выгоды от такой политики ниже.

Уровень разнородности размеров рынка прямым образом влияет на наличие в объединении доминирующих игроков, что, в свою очередь, может оказывать влияние на институциональное взаимодействие между участниками. В частности, для более крупных игроков предпочтительной является система голосования, учитывающая размеры

экономик, тогда как малые страны предпочтут консенсус или равный учет голосов при принятии решений. Кроме того, уровень разнородности размеров экономик оказывает влияние на размер и направление потенциальных выгод от интеграции для каждой из стран, что, в свою очередь, определяет глубину (традиционную и горизонтальную) интеграционного взаимодействия.

Разнородность в уровне развития оказывает влияние на характер предпочтений стран. В частности, относительно более развитые страны в большей степени способны конкурировать с другими экономиками, что, в свою очередь, означает меньшие потенциальные потери от углубления интеграции с прочими странами. Менее развитые экономики в большей степени склонны к протекции своих рынков, что выражается как в меньшей склонности ускорять интеграционные процессы в объединении, так и в меньшей склонности вести политику открытого регионализма.

Рассмотрим признаки в рамках второго компонента интеграции.

Цели интеграции.

Цель интеграции является первым важным классификационным признаком, определяющим форму взаимодействия субъектов и способствующим дальнейшему формированию институциональных механизмов и правил. Если целью взаимного сближения субъектов является уменьшение или полное снятие торговых барьеров и наращивание взаимной торговли, то выбирается форма сотрудничества в виде преференциальной торговли или ЗСТ (например, НАФТА). Если целью интеграции является увеличение экономического благосостояния, то, согласно теории таможенных союзов лауреата нобелевской премии Джеймса Мида, именно ТС может привести к росту экономического благосостояния субъектов интеграции.⁴⁸ Однако, автор теории делал одну весьма важную оговорку, что для гарантированного достижения результата важнейшим условием является структурная взаимодополняемость интегрирующихся экономик. Таким образом, интеграция экономик с одинаковыми или схожими структурами производства и экспорта не имеет экономической целесообразности, поскольку их потребности в конечном счете не смогут быть удовлетворены.

Идентификацию целей интеграционного объединения предлагается проводить на основе текстов соглашений и договоров, формирующих интеграционное объединение. При этом важно учитывать, что помимо целей, отраженных в документах интеграционного объединения, отдельные участники могут преследовать собственные цели, которые, однако, сложно идентифицируемы на практике, поскольку они, как правило, не отражены

⁴⁸ Meade J. The Customs Union Issue. 1950. New York. P. 41-55.

ни в каких документах и стратегиях, следовательно, не могут быть надлежащим образом обоснованы. Также отметим, что на практике цели большинства интеграционных объединений могут быть сведены к нескольким достаточно общим для всех объединений формулировкам. К примеру, целью большинства объединений является обеспечение устойчивого экономического развития, рост конкурентоспособности, сохранение окружающей среды.

Вместе с тем, более широкие цели, такие как улучшение социально-экономического положения, углубление гуманитарного сотрудничества (образование, миграция), объединение научного потенциала и человеческих ресурсов, определяют не только форму интеграции, но также её глубину. Реализация подобных целей возможна лишь при наличии общего рынка, в котором действует классический принцип «четырех свобод».

Рассмотрим признаки в рамках третьего компонента интеграции.

Создаваемые (изменяемые) условия для интеграции.

Этот элемент структуры содержит в себе характеристики интеграционного объединения, отражающие основные направления интеграционных мер и действий, а также скорость их реализации. Фактически, можно говорить о том, что признаки, входящие в этот элемент структуры, представляют собой условия, совместно создаваемые участниками интеграционного объединения для того, чтобы экономики стран двигались в направлении достижения интеграционных целей. Заметим, что сам процесс интеграции может происходить как при наличии этих условий, так и при их отсутствии, тогда как создаваемые или изменяемые условия могут способствовать ускорению и замедлению интеграционных процессов в терминах движения по направлению к интеграционным целям.

1. Форма взаимодействия или «традиционная глубина».

В первую очередь, к этому структурному элементу интеграционной модели следует отнести этапы интеграционного взаимодействия в соответствии с первой, второй и третьей волной регионализма, рассмотренными в первом параграфе. Прежде всего, необходимо выделить линейно-стадиальное представление региональной интеграции Б. Баласса.⁴⁹ Несмотря на то, что данные формы интеграции были предложены в рамках теории экономической интеграции более пятидесяти лет назад, они по-прежнему сохраняют свою актуальность. Однако некоторые из предложенных форм прошли определенную эволюцию. Например, в рамках развития концепции «нового регионализма», сформировалась более расширенная форма интеграции в формате «ЗСТ плюс» (ЗСТ+).

⁴⁹ Balassa B. Types of economic integration. // In: Economic Integration: Worldwide, Regional, Sectoral. London: Palgrave Macmillan, 1976. pp. 17-40.

На сегодняшний день формат ЗСТ+ является доминирующим при создании региональных блоков, таких как ТП, ТТИП, USMCA (бывшая НАФТА), ВРЭП, АТЗСТ и других объединений, в которых главными субъектами интеграции зачастую являются ТНК.

Простейшими формами международной экономической интеграции являются преференциальная зона торговли и ЗСТ. На практике любые более продвинутые формы интеграционного сотрудничества так или иначе включают в себя либерализацию торговли. В этой связи рассмотрение возможных эффектов уместно начать именно с упоминания традиционных эффектов либерализации торговли товарами, поскольку они в той или иной степени должны проявляться в большинстве существующих интеграционных соглашений. В свою очередь, разные интеграционные модели могут приводить к выраженности эффектов изменения торговли.

При обсуждении преференциальных торговых соглашений и прочих форм международной экономической интеграции важно различать тарифную либерализацию и либерализацию в виде снижения или устранения нетарифных барьеров. На это в одной из глав книги⁵⁰ обращает внимание Р. Балдуин. В частности, если нетарифная мера является только фрикционной (*frictional barrier*, например, технические барьеры или задержки на таможне), то ее преференциальное устранение не создает потерь благосостояния. Так происходит потому, что такие меры не генерируют выручки, соответственно, при отмене меры потери государства равны нулю. Выгоды же остаются такими же, как и при снижении тарифов, в результате страны-члены ПТС обязательно выигрывают. Таким образом, интеграционные объединения, включающие в себя не только тарифную либерализацию, но и работу по снижению или устранению взаимных нетарифных барьеров, могут рассматриваться как реально более выгодные в терминах роста производительности участвующих стран. Отметим, что устранение нетарифных барьеров во внутриблоковой торговли характерно также для таможенных союзов и интеграционных объединений более глубоких этапов взаимодействия.

Влияние глубины интеграционного соглашения на внешние (третьи) страны следует признать менее однозначным. Центральным моментом здесь является то, в какой степени правила глубокого интеграционного соглашения реализованы только для участников (например, путем освобождения только участников от обременительных нормативных требований) или затрагивают также внешние страны (например, путем упрощения таможенных процедур для всех торговых партнеров).

⁵⁰ Chauffour JP, Maur JC, editors. Preferential Trade Agreement Policies for Development: A Handbook. The World Bank, 2011.

Модель Д. Винера указывает на то, что, если эти правила применяются дискриминационным образом, они создают дополнительный ущерб для третьих стран. Поскольку страны-члены теперь не должны платить ни пошлины, ни нести фрикционные издержки, они могут расширять продажи на своих рынках, даже снижать цены, тем самым нанося ущерб экспорту из третьих стран. Однако, если фрикционные барьеры будут устранены недискриминационным образом, третьи страны также выиграют от снижения сопутствующих расходов. В этих обстоятельствах третьи страны по-прежнему сталкиваются со снижением цены на аналогичные товары на рынке страны-участника, но цена, которую они фактически получают, ближе к цене рынка страны-участника. Это означает меньший эффект отклонения торговли и, следовательно, потенциально больший положительный эффект для стран интеграционного объединения.

Свобода движения факторов производства (товаров, услуг, рабочей силы и капитала) в интеграционном объединении фактически означает их большую мобильность внутри объединения, то есть более высокий потенциал роста эффективности экономики интеграционного объединения в целом. Мобильность факторов внутри объединения, стран, отраслей или даже фирм играет важную роль в проявлении эффектов либерализации в экономиках. К примеру, предположим, что в рассматриваемой стране труд и капитал не являются мобильными между отраслями. Такая предпосылка в рамках классических моделей международной торговли приводит к полному отсутствию интеграционных эффектов, поскольку нет возможности перемещения ресурсов в отрасли сравнительных преимуществ. Большой уровень мобильности факторов означает большую гибкость экономической системы, что является важным обстоятельством при изменении внешней среды.

Степень мобильности факторов может влиять на динамику развития государственного управления в странах объединения. Механизм проявления этого эффекта заключается в усилении конкуренции юрисдикций. В частности, при совершенной мобильности капитала внутри стран интеграционного объединения бизнес будет в большей степени склонен к тому, чтобы расположиться в стране с более высоким качеством государственного управления. Аналогичные рассуждения применимы и к трудовым ресурсам.

Экономический и валютный союзы являются наиболее глубокой формой экономической интеграции. Этой форме интеграции присущи дополнительные интеграционные эффекты на торговлю и, следовательно, все связанные с этим и описанные выше эффекты, например, рост производительности. Во-первых, введение единой валюты между государствами устраняет необходимость конвертации национальных валют, что

означает снижение транзакционных издержек. Во-вторых, устраняются валютные риски. В-третьих, наличие единой валюты соответствует меньшему значению информационных издержек и большей прозрачности рынков для торговых партнеров. В результате наличие общей валюты позитивно влияет на объемы взаимной торговли, следовательно, для валютных союзов можно ожидать большую выраженность эффектов, связанных с усилением международной торговли, присущих менее глубоким формам экономической интеграции.

Однако общая валюта имеет и недостатки. Основной из них – невозможность проводить самостоятельную денежно-кредитную политику на национальном уровне. Именно по этой причине теория оптимальных валютных союзов американского экономиста Р. Манделл указывает на то, что необходимым условием успешного валютного союза является синхронизированность экономических циклов стран, и желательна единая макроэкономическая политика.

В целом, необходимо отметить, что более глубокие этапы интеграции, согласно теории, будут соответствовать большей выраженности интеграционных эффектов.

2. Охват сфер сотрудничества («горизонтальная глубина»)

Практика создания региональных интеграционных объединений к началу XXI века претерпела и другие изменения. В частности, данные позволяют говорить о росте «горизонтальной глубины» интеграционных соглашений⁵¹. Термин «горизонтальная глубина» интеграции относится к охвату и количеству сфер, в которых страны-участницы соглашаются взаимодействовать. Несмотря на то, что в некоторой степени эта «горизонтальная глубина» является сонаправленной этапам интеграционного взаимодействия в классическом представлении, эти два признака не являются тождественными, поскольку на нынешнем этапе развития практики создания интеграционных объединений соглашения могут включать в себя сотрудничество по нетрадиционным в классическом представлении сферам. В силу этих причин «горизонтальная глубина» и «вертикальная глубина» должны рассматриваться как отдельные классификационные признаки интеграционных моделей.

Определение глубины интеграционного объединения по методологии Всемирного банка базируется на юридической проработанности соглашений о создании интеграционных объединений (Deep Trade Agreements Database, World Bank).⁵² Если в рамках выбранной формы взаимодействия, помимо основных критериев, присущих ей,

⁵¹ Hofmann C., Osnago , and Ruta , «Horizontal depth: a new database on the content of preferential trade agreements.», *The World Bank*, 2017.

⁵² Content of deep trade agreements [Электронный ресурс]// The World Bank Group: [сайт]. [2018]. URL: <https://datacatalog.worldbank.org/dataset/content-deep-trade-agreements> (дата обращения: 3 декабря 2018)

согласовываются дополнительные сферы и правила сотрудничества, которые подразумевают более глубокую и расширенную форму обязательств и не содержатся в соглашениях ГАТТ/ВТО (WTO-X, WTO-Plus), то такая интеграция классифицируется как глубокая. Подобные обязательства согласовываются в зависимости от степени взаимной готовности и заинтересованности. Некоторый перечень обязательств перечислен в таблице (см. таблицу 2).

Таблица 2 – Расширенные сферы ГАТТ/ВТО определяющие глубину интеграции

Сфера охвата WTO-plus	
Технические барьеры в торговле (ТБТ)	Признание прав и обязательств в рамках соглашения ВТО по ТБТ; предоставление информации; гармонизация технического регулирования; соглашения о взаимном признании
Государственные торговые предприятия (ГТП)	Создание или развитие независимого органа контроля рыночной конкуренции; недискриминация условий в отношении производства и продвижения товара; предоставление информации; признание положения статьи XVII ГАТТ (положение о ГТП)
Инвестиционные меры, связанные с торговлей	Положения касающиеся требований об использовании местного контента и эффективности экспорта ПИИ
Услуги	Либерализация торговли услугами
Сфера охвата WTO-X	
Политика конкурентоспособности	Принятие мер по запрету неконкурентного поведения бизнеса; гармонизация законодательства о защите конкуренции; создание или развитие независимого органа контроля рыночной конкуренции
Интеллектуальная собственность	Присоединение к международным договорам, которые не охвачены в соглашении ТРИПС
Инвестиции	Взаимный обмен информацией; развитие правовой базы; гармонизация и упрощение процедур; национальный режим; создание механизма разрешения споров
Движение капитала	Либерализация движения капитала. Запрет новых ограничений.
Региональное сотрудничество	Продвижение региональной кооперации; программы техподдержки

Примечание: авторский перевод с английского источника⁵³

Характерной особенностью этих соглашений является разноуровневая интеграция неоднородных стран с дифференцированными экономическими показателями и усложнённым содержанием интеграционных соглашений (формат ЗСТ++), где главными акторами и субъектами международных экономических отношений выступают не государства-члены, а транснациональные корпорации (ТНК).⁵⁴ Суть концепции разнотемпной и разноуровневой интеграции заключается в том, что формы, темпы и

⁵³ Global value chains in a changing world [Электронный ресурс] // WTO: [сайт]. [2013]. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/aid4tradeglobalvalue13_e.pdf (дата обращения: 3.декабря.2018).

⁵⁴ Воронина Т.В. Трансформация линейно-стадиальной модели международной экономической интеграции в эпоху глобализации: причины, формы, последствия. // Фундаментальные исследования. – Пенза: 2014. – №6. – С 539-543.

глубина сотрудничества избираются в зависимости от степени взаимной готовности и заинтересованности.⁵⁵

В повестку этих соглашений также входит механизм разрешения споров между инвестором (например, в лице ТНК) и государством, при этом отсутствует специальный орган по разрешению споров по типу Генерального совета ВТО, а для этого используются арбитражные суды национальных юрисдикций. Государства при этом остаются субъектами международного права, ответственными перед иностранными юридическими лицами в традиционных судебных и арбитражных инстанциях.

Ещё одной особенностью разработки и формирования этих соглашений является то, что в США, ЕС и других развитых государствах существует формализованный институт лоббизма, который регулируется рядом нормативно-правовых актов и законами, а также сложившейся практикой (механизмом) их реализации. В процессе выработки международных соглашений в сфере экономики лоббисты и представители национального бизнеса (причем не только крупнейших корпораций) принимают активное участие в подготовке и проведении консультаций и встреч с представителями своих правительств по профильным вопросам. Таким образом, на основе пакета предложений бизнеса с учетом их коммерческих интересов формируется конкретная повестка международных переговоров и определяются параметры будущего соглашения – т. н. первоначальная запросная позиция (*initial negotiating offer*).

Однако идеология соглашения и его основные положения определяются правительствами, а в случае ЕС – Комиссией Европейского союза (КЕС). Такое совмещение геоэкономических и коммерческих интересов создает основу для эффективной реализации заключенных соглашений.

Так, по данным Департамента торговли Европейской комиссии, было проведено 597 переговоров с лоббистами частного сектора, представляющими интересы ТНК и 54 тура переговоров с группами общественных интересов (NGO's) (соотношение 91% к 9%), посвященных соглашению ТТИП. Наиболее заинтересованные лобби группы это:

- Transatlantic Business Council – корпоративная лобби-группа, представляющая интересы более 70 европейских и американских ТНК;
- EFPIA – крупнейшая европейская ассоциация фармацевтической индустрии;
- BusinessEurope – федерация европейских работодателей, которая является одной из самых влиятельных лобби-групп в ЕС;

⁵⁵ Кокшаров В.А. Многоуровневая интеграция в постсоветском пространстве // Известия уральского государственного университета. – Екатеринбург: 2011. – №4(96). – С. 9-16

- European Services Forum – лобби группа, представляющая крупнейшие европейские ТНК отрасли услуг;
- European Chemical Industry Council (CEFIC) – европейский совет по химической промышленности;
- ACEA – европейская ассоциация автопроизводителей;
- FOODDRINK EUROPE – крупнейшая лобби группа пищевой промышленности.

В сферу регулирования соглашений нового типа входят, помимо всего остального, существенные вопросы, затрагивающие нетарифные барьеры в торговле (НТБ), которые в результате формирования «углублённых» интеграционных соглашений повлекут за собой институциональные изменения функционирования национальных рынков. Роль нетарифных барьеров в международной торговле за последние десятилетия существенно возросла. Под нетарифными ограничениями понимаются скрытые протекционистские барьеры в виде санитарных и гигиенических норм, технических барьеров (ТБТ), требований к упаковке и описанию товаров, административных формальностей, предотгрузочных инспекций и других формальностей, устанавливаемых национальными службами, которые, вероятно, являются дискриминационными и создают ненужные препятствия для торговли.

При этом роль тарифных барьеров как инструмента международной торговли является незначительной в результате многосторонних переговоров в рамках ГАТТ и ВТО, а средневзвешенный уровень импортных таможенных тарифов в промышленно развитых странах снизился до 3%.

Нетарифные барьеры являются частью макроэкономической политики государства. К ним относятся технические меры и нетехнические меры (см. таблицу 3).

Таблица 3 – Классификация нетарифных мер

Технические меры	Нетехнические меры
Санитарные и фитосанитарные меры (т.е. ветеринарный и карантинный контроль)	Условные торгово-защитные меры
	Лицензии, квоты, запреты и другие меры количественного контроля
	Меры контроля цен
	Финансовые меры
Технические барьеры в торговле	Меры по ограничению конкуренции
	Связанные с торговлей инвестиционные меры
	Ограничения для распространения
	Ограничения на послепродажное обслуживание
Предотгрузочная инспекция и другие формальности	Субсидии
	Ограничения на государственные закупки
	Защита прав интеллектуальной собственности
	Правила происхождения

Источник: UNCTAD.

При отсутствии возможности применения нетарифных барьеров неконкурентоспособные национальные производители развивающихся стран оказываются поглощёнными ТНК.

Таким образом, любая форма взаимодействия субъектов в рамках юридических соглашений или интеграционных объединений может иметь некоторую укрупнённую градацию по глубине сотрудничества (высокий уровень, низкий уровень).

Глубина регионального соглашения также может оказывать влияние на выраженность интеграционных эффектов. Именно это влияние является предметом изучения в работе.⁵⁶ Углубленные соглашения способствуют снижению торговых издержек между участниками за счет устранения тарифов и уменьшения фрикционных барьеров в торговле. Примерами последних являются меры защиты внутреннего рынка, такие как антидемпинговые, компенсационные и защитные меры, а также различия в национальных нормативных актах, адаптация к которым для иностранных производителей сопряжена с необходимостью нести определенные издержки. Следует также упомянуть различного рода субсидии и защиту прав интеллектуальной собственности, совместная разработка и унификация которых снижают неопределенность для нынешних и потенциальных экспортеров, следовательно, могут рассматриваться как снижение торговых издержек.⁵⁷ Это означает, что участвующие страны будут сталкиваться с большим эффектом создания торговли, что позитивно скажется на уровне благосостояния народов и конкурентоспособности экономики.

3. Скорость интеграции

Поскольку интеграция является в целом последовательным процессом, а полная реализация потенциала интегрирующих рынков требует переходного периода для адаптации, диверсификации экономик и снятия всех изъятий и ограничений, то одним из важных условий является скорость этих процессов. В свою очередь, скорость интеграции напрямую связана с понятиями «разноуровневой» или «разноскоростной» интеграции. Эти факторы определяются множеством экономических, технологических и политических предпосылок. В редких случаях ключевую роль в этих процессах могут играть нежелание государств и политического руководства форсировать или углублять экономические отношения с соседними или другими государствами.

Точное измерение скорости интеграции представляет собой трудоемкую задачу, поскольку необходимо точно идентифицировать время имплементации конкретных мер, а

⁵⁶ Mattoo A., Mulabdic A., and Ruta , «Trade creation and trade diversion in deep agreements.», *The World Bank*, 2017.

⁵⁷ Limão N., Maggi , «Uncertainty and trade agreements», *American Economic Journal: Microeconomics*, Vol. 7, No. 4, 2015. pp. 1-42.

также степень влияния этих мер на экономики. Возможность разноразмерной интеграции представляется важным свойством интеграционных объединений, поскольку в этом случае участники могут самостоятельно выбирать степень вовлеченности в интеграционные процессы, который рассматривают в качестве оптимального на данном этапе своего развития. В случае отсутствия такой возможности некоторые страны могли бы отказаться от участия в интеграционном объединении, либо, участвуя на предложенном уровне, нанести ущерб своей экономике (по крайней мере в краткосрочной перспективе), связанный с масштабным перераспределением ресурсов.

Как было упомянуто ранее, одним из примеров, демонстрирующим скорость интеграции, является эволюция Европейского экономического сообщества от общего рынка к единому рынку, по формализованным признакам, которая продолжалась 36 лет. Однако для её категоризации необходимо сопоставление с процессами в альтернативных интеграционных объединениях, поскольку этот показатель является относительным.

4. Согласованная макроэкономическая политика.

С ростом уровня интегрированности экономики стран объединения становятся в большей степени взаимозависимыми. Это в том числе означает, что политика, проводимая в одной из стран-участниц, оказывает все большее влияние на другие страны объединения. В этой связи согласованная политика является желательной мерой на более глубоких стадиях интеграции. Более того, согласованность макроэкономической политики рассматривается в теории оптимальных валютных союзов как необходимый элемент объединения, без которого невозможно формирование успешного валютного союза.

Степень согласованности может варьироваться от полной независимости экономических политик до единой политики во всем объединении (гармонизация). Промежуточным этапом следует признать согласованность политики (координация) по отдельным направлениям.

Более тесное взаимодействие стран приводит к тому, что деловые циклы этих стран становятся в большей степени синхронизированы. При этом одной из основных задач центральных банков является сглаживание бизнес-циклов, поскольку это способствует большему уровню определенности в экономике. В этих условиях согласованная макроэкономическая политика способствует более корректному учету деловых циклов стран-партнеров, оценке проводимой политики в этих странах, что потенциально положительно сказывается на эффективности макроэкономической политики и, как следствие, на значениях основных макроэкономических переменных.

В свою очередь, создаваемые условия ключевым образом влияют на конкретную форму институционального взаимодействия между странами. К примеру, если в качестве

этапа интеграции используется ЗСТ, то создание наднационального органа не требуется. В то же время создание таможенного союза подразумевает общую торговую политику по отношению к третьим странам, для чего крайне желательным является существование наднационального органа, в компетенции которого находится таможенно-тарифное регулирование. Для формирования экономического союза требуется высокая степень согласованности макроэкономической политики, тогда как одним из необходимых условий валютного союза – единство кредитно-денежной политики.

Рассмотрим признаки в рамках четвертого компонента интеграции.

Институциональная среда.

При создании интеграционного объединения и на протяжении всего времени существования интеграционного объединения участники формируют институциональную среду, в рамках которой они осуществляют взаимодействие. Эта среда задает «правила игры» в объединении на основе согласованной договорно-правовой базы, в том числе, механизмы принятия решений, механизмы разрешения споров. Важно подчеркнуть, что эта среда может определенным образом ограничивать спектр возможных действий субъектов интеграции, однако при определенных условиях может способствовать получению наибольших выгод для участников, чем при отсутствии ограничений.

В зависимости от выбранной формы интеграционного взаимодействия определяется формирование институциональных механизмов. При более простых формах интеграционного взаимодействия обычно не формируются постоянно действующие органы регулирования или управления высокого уровня. К таким формам взаимодействия относятся ПТС и ЗСТ, а для их координации обычно создаются профильные комитеты и рабочие группы. Однако продвинутые формы интеграционного взаимодействия требуют формирование постоянно действующих наднациональных органов управления с особыми правами (например, ЕАЭС, ЕС). Основные отличительные признаки и полномочия наднациональных институтов могут быть классифицированы по следующим укрупненным группам.

1. Механизмы принятия решений.

Упрощенно рассмотрение механизмов принятия решений в объединении можно свести к трем основным видам: консенсус, квалифицированное большинство, простое большинство. Важно понимать, что на практике различные вопросы могут решаться посредством применения различных механизмов взаимодействия.

Очевидно, что говорить о различиях между механизмом консенсуса или голосования большинством имеет смысл только применительно к многосторонним интеграционным объединениям.

Механизм принятия решений напрямую влияет на степень учета интересов отдельных стран при принятии решений. При консенсусе намного более низка вероятность принятия решения, которое может быть невыгодным отдельной стране, но выгодно объединению в целом. Принятие решения большинством частично решает эту проблему, однако снижает привлекательность объединения для потенциально проигрывающих стран. Это означает, что при прочих равных следует ожидать потенциально менее выраженные интеграционные эффекты для объединения в целом, но, в то же время, минимальные потенциальные потери для отдельных участников.

2. Соотношение национальных и наднациональных полномочий.

Данный критерий отражает, какие сферы политики вынесены в компетенцию наднациональных органов объединения. В свою очередь, реализация некоторых этапов интеграции невозможна или затруднительна без вынесения отдельных сфер на наднациональный уровень на основе юридически оформленных договоренностей.

Концепция наднационального органа предполагает, что при принятии решений этот орган руководствуется в первую очередь выгодами и издержками для объединения в целом, и только во вторую очередь – для отдельных членов. Соответственно, теория указывает на то, что чем больше сфер политики входит в компетенцию наднациональных органов, тем в большей степени учитываются интересы объединения в целом по сравнению с индивидуальными интересами участников. При отсутствии адекватных механизмов перераспределения выгод между участниками широкие полномочия наднациональных органов ассоциируются с большей вероятностью принятия невыгодных для отдельных стран решений, что снижает привлекательность объединения для некоторых нынешних и потенциальных членов.

3. Наличие и степень развитости компенсационных механизмов для сокращения экономических дисбалансов или потерь, возникающих как следствие интеграции (наличие перераспределительных фондов) (specific redistribution mechanisms).

Несмотря на то, что теоретически концепция механизма трансфертов является достаточно проработанной и выступает важным элементом множества моделей, на практике реализации такого рода механизмов затруднительны, поскольку не существует универсального способа расчета выгод и издержек от интеграции. Тем не менее, в том или ином виде в достаточно глубоких интеграционных объединениях отдельные механизмы реализованы. Примером являются Европейский механизм стабильности (European Stability Mechanism), а также различные механизмы распределения тарифной выручки.

Теория указывает на то, что существование корректной системы трансфертов между участниками является необходимым условием для того, чтобы интеграция была выгодной

для каждой из стран объединения. Только при существовании такого рода механизмов возможно получение максимальных выгод от интеграции, поскольку в противном случае потенциально проигрывающие страны будут склонны блокировать решения, способные нанести вред их экономикам. Следовательно, при условии отсутствия системы трансфертов следует ожидать потенциально менее выраженные интеграционные эффекты для объединения в целом, но, в то же время, минимальные потенциальные потери для отдельных участников.

Наконец рассмотрим признаки в рамках пятого компонента интеграции.

Взаимодействие с внешними (третьими) странами

Поскольку любое региональное интеграционное объединение является частью мировой экономической системы и так или иначе взаимодействует с внешними по отношению к объединению странами, то есть интеграционное объединение не является изолированной системой. Это взаимодействие может иметь свои отличительные особенности, которые отражаются на траектории движения стран к достижению интеграционных целей. В этой связи для полноты описания интеграционной модели необходимо рассматривать элемент структуры «взаимодействие с внешними странами». В целом, каждый интеграционный блок имеет свою уникальную систему связей с внешними странами, однако в качестве основных признаков этих связей в контексте рассмотрения интеграционных объединений целесообразно выделить степень открытости торговли по отношению к внешним странам, а также перспективы расширения состава участников интеграционного объединения.

1. Направленность интеграционного объединения

Направленность интеграционного объединения определяется совокупными условиями, структурой экономики и целями. Эти факторы определяют два вектора взаимодействия и блокового поведения:

- формирование закрытого типа отношений, направленных на импортозамещение и совместное развитие национальных отраслей (закрытый регионализм);
- формирование открытого типа отношений, имеющих предрасположенность к взаимодействию с третьими странами (блоками), направленных на либерализацию торговли и встраивание в глобальные ЦДС (открытый регионализм).

Самая яркая позиция по вопросу выбора направленности была сформулирована президентом Делового совета ЕАЭС В. Христенко: «В современном мире самодостаточность – это категория, несовместимая с понятием «прогресс». Участие в многочисленных и разнообразных системах отношений предоставляет свободу для маневра

и не закрывает ни одной из возможностей. Вопрос лишь в принципах осуществления такой разнонаправленной интеграции».⁵⁸

Отношения закрытого типа могут иметь отраслевую, средовую и проектную направленность. Отраслевая направленность касается совместного развития производственной кооперации, НИОКР, и подразумевает объединение материальных и нематериальных активов. Средовая направленность касается формирования связанных пространств совместной деятельности, (например, создание научной и инновационной инфраструктуры, или другой инфраструктуры). Проектная направленность подразумевает соучастие в реализации совместных инвестиционных и инновационных проектов вне блока.

Стоит отметить, что на практике точная идентификация внешней ориентированности интеграционной модели представляет собой трудновыполнимую задачу. Это верно в силу комплексности взаимодействия интеграционного объединения и внешних стран, в частности, барьеров, которые могут препятствовать усилению этого взаимодействия. К примеру, тенденция снижения импортных тарифов по отношению к внешним странам может сопровождаться повышением нетарифных барьеров в торговле.⁵⁹

В свою очередь, устранение или возведение барьеров относится к мерам или инструментам, тогда как результатом этого действия должна являться соответственно большая или меньшая открытость экономики объединения по отношению к внешним странам. В качестве показателя, отражающего открытость той или иной экономической системы, традиционно используется отношение интенсивности взаимодействия этой системы к размеру этой системы. В частности, для выявления тенденций модели открытого или закрытого регионализма уместно использовать долю оборота внешней торговли интеграционного объединения к его совокупному ВВП, а также рассматривать динамику изменения этого показателя.

Американский экономист Джейкоб Вайнер показал, что преференциальная торговая либерализация не обязательно приводит к росту эффективности экономик и повышению благосостояния.⁶⁰ В свою очередь, М. Кемп и Г. Ван в своей работе⁶¹ указали на достаточные условия для того, чтобы торговое интеграционное объединение было выгодно для стран-участников и, более того, для всего мира в целом. Эти условия включают в себя:

⁵⁸ Христенко В. Нужна ли нам интеграция? // Россия в глобальной политике. 2004. №1. С. 75-77.

⁵⁹ Характерным примером является введение утилизационного сбора для импортных автомобилей, введенное Россией сразу после присоединения к ВТО в качестве реакции на снижение пошлин на ввоз автомобилей. Только с 2014 г. утилизационным сбором стали облагаться, в том числе и отечественные автомобили.

⁶⁰ Viner J., «The economics of customs unions», *The customs union issue*, 1950. pp. 41-81.

⁶¹ Kemp M.C., Wan «An elementary proposition concerning the formation of customs unions» 1976. pp. 95-97.

полное устранение барьеров в торговле внутри интеграционного объединения; внешний тариф такой, что торговля с внешними странами остается неизменной после образования интеграционного объединения; существование механизма перераспределения выгод между участниками интеграционного объединения (паушальные трансферты). Этот результат известен как теорема Кемпа-Вана. Впоследствии А. Диксит и Н. Норман в работе⁶² доказали более строгое утверждение, в котором предпосылка о наличии механизма перераспределения между участниками была заменена на предпосылку о наличии налогов и субсидий на потребление в странах объединения.

Несмотря на то, что в реальности предпосылки теоремы Кемпа-Вана не наблюдаются в полной мере даже для самых совершенных и продвинутых интеграционных объединений, этот теоретический результат имеет важное значение для экономической политики, поскольку указывает на то, что курс на открытый регионализм является предпочтительным по сравнению с закрытым регионализмом. Содержательно, теорема Кемпа-Вана позволяет говорить о том, что для того, чтобы интеграционное объединение обязательно было выгодным для участвующих стран, необходимо одновременно с либерализацией торговли внутри объединения проводить либерализацию торговли по отношению к третьим странам.

2. Экспансивность объединения.

Практически все формы интеграции имеют потенциал для расширения путём принятия новых членов. Расширение способствует росту внутреннего рынка интеграционного объединения. Однако на практике этот процесс не является случайным, а имеет определённую последовательность. Если приоритетом интеграционного объединения является форсированное расширение, а вопросы качественного развития и углубления интеграции остаются без должного внимания, то такие объединения достаточно быстро теряют свою привлекательность и в них начинаются процессы дезинтеграции.

Последовательность усилий, направленных на внутреннее развитие или экспансию, имеет объективный характер. Любые формы интеграции имеют свои цели, по мере реализации которых они достигают определённых экономических результатов и становятся привлекательными. По мере увеличения привлекательности новые страны начинают проявлять интерес и обращаются к официальным органам с просьбой о предоставлении статуса государства-наблюдателя для дальнейшего присоединения к объединению.

Например, ЕС прошёл 2 исторические вехи: до подписания Маастрихтского договора в 1993 г. происходило углубление интеграции внутри группировки, а после

⁶² Dixit A., Victor N. Theory of international trade: A dual, general equilibrium approach. Cambridge University Press, 1980.

начался курс на расширение и принятие новых периферийных стран, которые проявляли к нему интерес. Таким образом, в рамках одного интеграционного объединения могут последовательно происходить оба процесса, но на разных этапах развития взаимодействия. В некоторых объединениях оба процесса могут происходить одновременно (например, в ЕАЭС).

На практике измерить (прогнозировать) экспансивность интеграционного объединения представляется достаточно сложной задачей. Однако, можно предложить косвенные методы измерения, которые позволят сделать качественную оценку экспансивности.

- Во-первых, отметим, что имеются примеры объединений, в интеграционном соглашении которых прописана невозможность расширения объединения (например, Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива), то есть такие объединения следует признать неэкспансивными.
- Во-вторых, важно учитывать ретроспективу расширения.
- В-третьих, для оценки экспансивности можно использовать показатель количества государств-кандидатов, а также стран-наблюдателей.
- В-четвертых, необходимо учитывать объективные географические ограничения расширения. Например, для ЕАЭС расширение на запад следует признать невозможным.

Географическое расширение интеграционного объединения может сказаться на экономиках стран-участниц посредством сразу нескольких механизмов. В частности, рост числа участников расширяет потенциал для реализации эффекта масштаба, а также прочих стандартных эффектов либерализации торговли, описанных при обсуждении этапов интеграционного взаимодействия. В то же время, в интеграционных объединениях, состоящих из относительно большого числа стран, процесс принятия решения и их реализации может быть затруднен, поскольку для принятия конкретных решений множеству участников необходимо договориться друг с другом. Характерным примером замедления интеграции в мире является отсутствие прогресса в переговорах в рамках Дохийского раунда ВТО. Кроме того, частично такую проблему можно наблюдать в ЕС и СНГ.

Сформированная институциональная среда влияет на стратегию взаимодействия с внешними странами. В частности, если в интеграционном объединении имеется единство внешней политики по отношению к третьим странам, то процесс формирования внешних тарифов будет подчиняться несколько иным закономерностям по сравнению с установлением каждой страной в отдельности уровня тарифной защиты. В целом

таможенные союзы на практике часто представляют собой форму коллективного протекционизма, что сказывается на интенсивности взаимодействия с внешними странами.

Также процесс принятия решений в интеграционном объединении может стать одним из важных факторов при оценивании возможности присоединения к объединению потенциальных членов. Например, малые страны будут менее склонны к вступлению в объединение, если процесс принятия решений в объединении смещен в сторону доминирующей страны.

3. Территориальные границы.

Ряд исследователей международной экономической интеграции уделяет особое внимание наличию общих территориальных границ объединившихся государств. Несмотря на то, что фактор территориальных границ относится к внешним условиям и является некой данностью, считается, что наиболее эффективная интеграция в таких продвинутых формах, как таможенный союз, общий рынок и экономический союз, возможен лишь при наличии общих территориальных границ. Хотя данный фактор является далеко не определяющим, но имеет важное значение. Исходя из этого фактора, интеграционные объединения имеют условное разделение на:

- региональные (пространственный подход – наличие общих границ);
- международные (отсутствие общих границ);
- трансконтинентальные (сотрудничество стран, расположенных на разных континентах. Например, ТТП, ТТИП, ВРЭП Канада-ЕС).

Резюмируя вышесказанное, важно отметить, что современные интеграционные процессы в мировой экономике всё чаще формируются за счет дифференцированных механизмов, имеют разнотемпный и разнонаправленный характер. Это в равной степени связано с геополитическими и геоэкономическими мотивами, основной целью которых, в том числе, является последующее развитие интеграции и углубление интеграционных процессов. Однако, в связи с тем, что универсального понимания интеграционной модели, также, как и самой модели, в экономической литературе нет, наиболее важным представляется определение её обобщенной структуры и классификационных признаков, комбинация которых определяет вид экономической интеграции (см. рисунок 4).⁶³

⁶³ Багдасарян К.М. Анализ модели экономической интеграции // Журнал экономической теории, 2019. – Т. 16. – №3. – С. 352-361

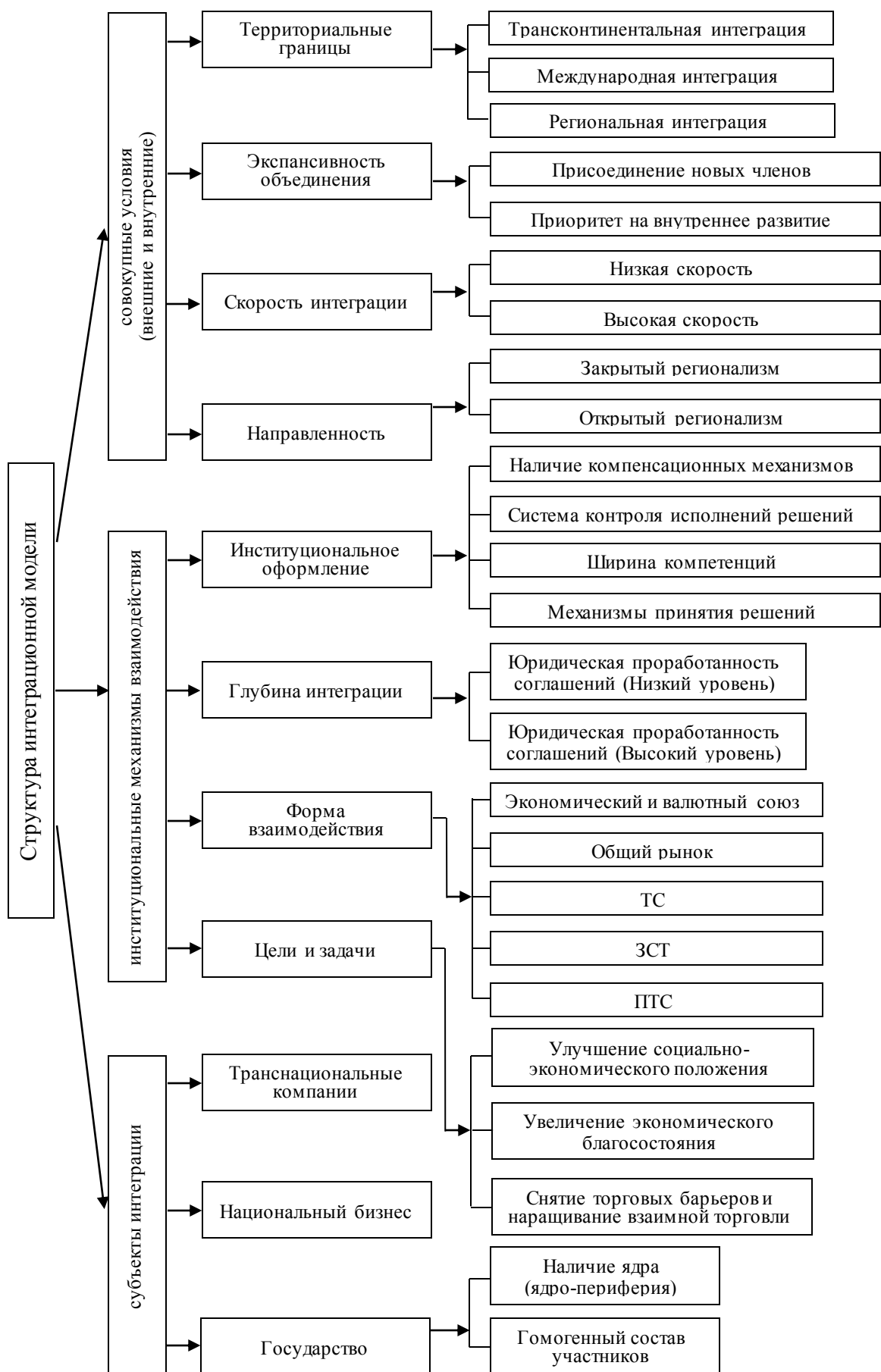

Рисунок 4 – Структура и классификационные признаки интеграционной модели

1.3 Восприятие ЕАЭС в работах зарубежных исследователей

Прежде чем перейти к анализу действующей интеграционной модели ЕАЭС, стоит обратить внимание на анализ его восприятия зарубежными (в частности, западными) исследователями.

В данном параграфе проводится обзор публикаций зарубежных исследователей, посвященных анализу формирования ЕАЭС, его идеологической составляющей, а также перспектив дальнейшего развития. Несмотря на то, что в этих работах осуществляются попытки широкого охвата взглядов исследователей интеграционных процессов из постсоветского пространства для формирования некоторой эмпирической опоры, тем не менее, их выводы отражают обобщенные взгляды отдельных западных научных школ и стран, в основном, в контексте геополитического противостояния и макроэкономических взглядов.

Теоретические подходы зарубежных исследователей к оценке формирования ЕАЭС в основном направлены на критику внешней политики России, имеют геополитический характер, а представленные ими выводы всегда указывают на незначительные экономические показатели и превалирующую над ними политико-идеологическую мотивацию.

Несмотря на то, что с момента вступления в силу договора о создании ЕАЭС прошло пять лет, в зарубежной научной литературе освещение его функционирования в основном осуществляется в политическом ключе в контексте геополитического противостояния. Среди исследователей из государств-членов Союза также есть немало критиков политической природы формирования и функционирования ЕАЭС. В основном, их можно отнести к сторонникам позитивистского европейского направления методологии, которые отрицают познавательную ценность философского исследования и базируются исключительно на эмпирических данных. Хотя их аргументы иногда противоречат даже основам позитивизма.

Одним из наиболее видных отечественных критиков ЕАЭС является Директор Центра исследований постиндустриального общества (В. Иноземцев, 2019), по мнению которого интеграционные процессы на постсоветском пространстве являются политическими играми России,⁶⁴ экономика которой стремительно идёт ко дну, а ЕАЭС является союзом утопающих, осуществляющим торговлю иллюзиями⁶⁵.

⁶⁴ Иноземцев В. Союз утопающих: вовремя ли Россия взялась строить ЕАЭС // РСМД. [2015] URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/soyuz-utopayushchikh-vovremya-li-rossiya-vzyalas-stroit-eaes/> (дата обращения: 10.01.2020)

⁶⁵ Иноземцев В. Торговля иллюзиями: что не так с евразийской интеграцией // РСМД. [2019] URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/torgovlya-illyuziyami-cto-ne-tak-s-evraziyskoj-integratsiey-podrobnee-na-rbk-https-www-rbc-ru-opini/> (дата обращения: 10.01.2020)

Необходимо отметить, что проблематика ЕАЭС не находится в центре внимания зарубежных исследователей интеграционных процессов. Основное предпочтение они отдают анализу более продвинутых региональных группировок, которые имеют своего рода исторический контраст с ощутимыми результатами и видимыми эффектами.

По мнению бельгийского исследователя (Vicari M.S., 2016), создание ЕАЭС является частью реализации Концепции внешней политики Российской Федерации, а именно пункта «IV. Региональные приоритеты внешней политики Российской Федерации».⁶⁶ Принципы формирования институциональной и законодательной базы, а также модель ЕАЭС были заимствованы из практики ЕС. Таким образом, модель ЕАЭС является «институциональным изоморфизмом». Однако развитие интеграции значительно отличается от европейской и демонстрирует существенные институциональные провалы. Если рассматривать СНГ как самый ранний этап формирования новой региональной экономической интеграции после распада СССР, основанного на принципах рыночной экономики, то его функционирование также оказалось провальным и происходило не в рамках общих правил, а в основном базировалось на перекрестных двусторонних соглашениях между Россией и другими государствами СНГ, что присуще для радиальной модели интеграции, а не линейной.

По мнению турецких исследователей, интеграционный успех ЕАЭС в долгосрочной перспективе возможен при условии исключительно экономического взаимодействия. Профессор Сердар Йилмаз (Yilmaz S., 2017) из факультета политологии и международных отношений Университета Мугла утверждает, что для этого требуется наличие приближенной структуры экономик всех государств-членов, доступная и развитая транспортная, а также энергетическая инфраструктура.⁶⁷ По его мнению государства, присоединившиеся к «россиецентричному» интеграционному объединению ЕАЭС, относятся к категории развивающихся стран, и для них крайне важно создание благоприятного инвестиционного климата, поскольку успех интеграции будет в том числе зависеть от наличия равных условий для инвесторов во всех государствах-членах. Автор также считает, что в действительности существует два Евразийских союза: первый союз – это ЕАЭС, который является реально действующим, а второй – воображаемый геополитический Евразийский союз. Геополитические амбиции данного объединения

⁶⁶ Madalina Sisu Vicari, «The Eurasian Economic Union – approaching the economic integration in the post-Soviet space by EU-emulated elements» // *Revue Interventions économiques* [Online], 55 | 2016, URL: <http://interventionseconomiques.revues.org/2823> (дата обращения: 02.09.2018)

⁶⁷ Serdar Yilmaz «Eurasian Economic Union: A Regional Economic Hegemony Initiative» // *Journal of Eastern European and Central Asian Research (JEECAR)*. Vol 4, №2 (2017). URL: <http://dx.doi.org/10.15549/jeecar.v4i2.166> (дата обращения: 02.09.2018)

направлены на реинтеграцию постсоветских стран и воссоздание СССР как нового мирового влиятельного блока, как балансирующего фактора против евро-атлантического блока и однополярного миропорядка. При этом большой проблемой ЕАЭС, с которой сталкиваются его государства-члены, является весьма низкая вовлеченность в глобальную экономику.

Испанские исследователи из Университета Малага (Podadera P. and Garashchuk A., 2016) утверждают, что все попытки России создать интеграцию постсоветских стран на протяжении двух десятков лет оказывались безуспешными и существовали лишь на бумаге.⁶⁸ Авторы выражают опасения, что в случае успеха интеграции ЕАЭС может быть трансформирован в мощный военно-политический альянс, поскольку все его члены имеют авторитарные режимы, а Россия использует регионализм как инструмент поддержки близких ей по духу режимов. Аналогичного мнения придерживается ряд других исследователей (Roy Allison⁶⁹, 2008; Kathleen Collins⁷⁰, 2009), утверждая, что основной целью постсоветского регионализма является не укрепление экономического сотрудничества между государствами, а установление «взаимной защиты» для авторитарных режимов или «изоляция» некоторых стран от внешнего демократического влияния.

Вышеуказанные авторы (Podadera P. and Garashchuk A., 2016) также утверждают, что формирование ЕАЭС соответствовало европейской модели интеграции, но в итоге приобрело некоторые особенности азиатской модели, которая является более мягкой и менее глубокой по сравнению с ЕС. Кроме того, Союз состоит из государств, которые ранее были частью одной страны, большинство населения которых, по мнению авторов, не утратило советской идентичности, что, в свою очередь, может способствовать созданию общей идентичности т.н. «common demos», что отличает ЕАЭС от других моделей интеграции.

Вместе с тем, в критике неэффективности углубления интеграции в ЕАЭС упоминается отсутствие постоянно действующего наднационального парламента (Евразийский парламент), по аналогии с европейским парламентом. Его отсутствие связывают с отсутствием прямой представительности интересов граждан Союза.

⁶⁸ Pablo Podadera Rivera, Anna Garashchuk «The Eurasian Economic Union: prospective regional integration in the post-Soviet space or just geopolitical project?» // Eastern Journal of European Studies. Volume 7, Issue 2, December 2016. URL: http://ejes.uaic.ro/articles/EJES2016_0702_RIV.pdf (дата обращения: 16.12.2019)

⁶⁹ Roy Allison «Virtual regionalism, regional structures and regime security in Central Asia» // Central Asian Survey. Vol.27, №2. 2008. URL: <https://doi.org/10.1080/02634930802355121> (дата обращения: 16.12.2019)

⁷⁰ Kathleen Collins «Economic and Security Regionalism among Patrimonial Authoritarian Regimes: The Case of Central Asia» // Europe-Asia Studies. Volume 61, 2009 - Issue 2. URL: <https://doi.org/10.1080/09668130802630854> (дата обращения: 16.12.2019)

Стоит отметить, что парламент, по сути, является политическим институтом, который выполняет непосредственно законотворческую функцию. И если большинство европейских исследователей критикуют ЕАЭС как политическое образование, то критика, мотивированная отсутствием наднационального парламента, в данном случае противоречит общему тренду.

Бельгийский исследователь (Fabienne Bossuyt, 2017) из департамента политических наук Гентского университета Фландрии в своей работе, посвященной восприятию ЕАЭС центрально- и восточноевропейскими странами, утверждает, что среди европейских государств существует политический раскол в восприятии интеграции ЕАЭС.⁷¹ В частности, Польша, Румыния и три балтийские страны воспринимают ЕАЭС резко негативно и считают интеграцию поводом для восстановления гегемонии России. Это связано с тем, что национальная и внешняя политики указанных стран находятся под сильным влиянием опыта экономической зависимости от коммунистической советской эпохи. Таким образом, исторически негативное восприятие России они проецируют на ЕАЭС.

Другая группа, состоящая из таких государств, как Словакия, Чехия, Венгрия и Болгария, видит в интеграции экономические перспективы и заинтересованы в сотрудничестве с ЕАЭС. Однако Словакия и Чехия в настоящее время придерживаются выжидательной позиции (англ. «to wait and see»). Несмотря на то, что все восточноевропейские страны имели непосредственное отношение к коммунистической советской эпохе и состояли в СЭВ, автор связывает такое дивергентное восприятие ЕАЭС энергетической зависимостью (газ, нефть, атомная энергетика) от России и желанием углубления торгово-энергетического сотрудничества.

По мнению автора, экономическое сотрудничество ЕС с ЕАЭС, в целом, будет зависеть от того, насколько восточноевропейские страны, которые ранее были частью коммунистического блока, будут активно продвигать свою внешнеполитическую и внешнеэкономическую позиции на уровень Европейской комиссии. Эти страны, по сути, отделяют «Старую Европу» от России и постсоветского пространства не только географически, но и политически и экономически (см. рисунок 5).

⁷¹ Fabienne Bossuyt «Central and Eastern European perceptions of the Eurasian Economic Union: Between economic opportunities and fear of renewed Russian hegemony» // STUDIA DIPLOMATICA 2017 • LXVIII-5. EGMONT – Royal Institute for International Relations. URL: http://www.egmontinstitute.be/content/uploads/2017/10/stud.diplom.2017-5_v1.pdf (дата обращения: 16.12.2019)

Рисунок 5 – Восточноевропейские страны отделяющие ЕС от ЕАЭС

Профессор Центра российских и евразийских исследований им. Дэвиса Гарвардского университета (Bruno S. Sergi, 2018) описывает ЕАЭС как «гибрид полуэкономики и полуполитики» и сравнивает с образом «Двуликого Януса».⁷² По мнению автора, если ЕАЭС удастся достичь экономических и политических успехов, то он составит геополитическую конкуренцию ЕС на Востоке и привлечёт к себе те европейские страны с «незападными историческими и культурными корнями», которые ищут альтернативу ЕС для поддержания развития, с сохранением независимости и политической автономии.⁷³ В работе также отмечается, что, несмотря на наличие избыточных запасов сырья (минеральных и энергетических ресурсов, сельского хозяйства и животноводства), экономические перспективы ЕАЭС имеют множество неизвестных переменных, поскольку у государств-членов Союза слабо развитый финансовый сектор и ограниченные технологические возможности.

В упомянутой работе также утверждается,⁷⁴ что ЕАЭС не может эффективно функционировать только за счёт одной страны (т. е. России), поэтому вокруг союза создается сеть ЗСТ, которая в т. ч. должна компенсировать нынешний кризис отношений с Западом. Вместе с тем, отдельное внимание уделяется независимой политике выстраивания внешнеэкономических отношений Казахстана с Китаем и ЕС, а Кыргызстану предрекается

⁷² Двуликий Янус (англ. Janus Bifrons) известен из древнеримской мифологии, как «Бог времени», который изображался с двумя лицами, обращенными в противоположные стороны – к прошлому и будущему. Одно его лицо было лицом молодого, безбородого человека, смотрящего в будущее, другое – лицо бородатого старца, обращенное в прошлое. В его честь назван месяц «январь». Однако автор исследования описывает его, как хранителя ворот и покровителя государств во время войны.

⁷³ Bruno S. Sergi «Putin's and Russian-led Eurasian Economic Union: A hybrid half-economics and half-political «Janus Bifrons» // Journal of Eurasian Studies. №9 (2018) pp.52–60. URL: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2017.12.005> (дата обращения: 16.12.2019)

⁷⁴ Там же.

«KYREXIT» не взирая на то, что результаты опроса общественного мнения в Кыргызстане показали, что более половины населения страны считают интеграцию с ЕАЭС правильным путем.

Одним из немногих исследований, представляющих реальный практический интерес, является работа автора британского университета (King's College London), в котором формирование ЕАЭС отождествляется с региональной гегемонией России в положительном историческом ключе, а его дальнейшие перспективы исследуются в контексте теории нео-грамшизма.⁷⁵ В понимании нео-грамшизма⁷⁶ гегемония базируется на четырех основных элементах, а именно: институциональная структура, материальные возможности, неуязвимость в плане безопасности (геополитика) и культурное превосходство (лидерство). По результатам исследования четырех упомянутых элементов, автором (K.Kirkham, 2016) представлены выводы, что для успешного развития ЕАЭС России не стоит копировать институциональную структуру ЕС, а нужно научиться представлять достижения интеграции как успешные усилия по созданию сильной системы всеобщего благосостояния, особо благоприятствующей ключевым социальным группам, с целью получения общественного согласия и поддержки и принятия на себя культурного лидерства. Европейские интеграционные теории интерговернментализма, неофункционализма и неoinституционализма были разработаны с учетом европейского опыта и, следовательно, не отражают евразийских особенностей, поэтому перенести институциональное содержание не представляется возможным (более детально см. «Критика теории европейской интеграции. Неолиберальная гегемония и трансформация в Европе.» Apeldoorn, Overbeek, & Ryner, 2003, p. 29).⁷⁷ В свою очередь, термин «институты» относится не только к организационным формам, но и к преобладающим кодифицированным и некодифицированным нормам поведения и ценностям.

С политологической точки зрения большинство существующих публикаций по евразийской интеграции и внешней политике России содержат четыре основных аналитических недостатка:

⁷⁵ K. Kirkham «The formation of the Eurasian Economic Union: How successful is the Russian regional hegemony?» // Journal of Eurasian Studies. №7 (2016). pp. 111–128. URL: <https://doi.org/10.1016%2Fj.euras.2015.06.002> (дата обращения: 16.12.2019)

⁷⁶ Основные идеи теории нео-грамшизма (*англ.* Neo-Gramscianism), которая изучает международные отношения и глобальную политэкономия, базируются на трудах итальянского философа и теоретика марксизма – Антонио Грамши (*англ.* Antonio Gramsci). Нео-грамшизм анализирует то, каким образом конкретные социальные силы, государства и доминирующие идейные образования определяют и поддерживают мировой порядок. Нео-грамшизм также называют «критической политэкономией» или «постклассическим марксизмом».

⁷⁷ Van Apeldoorn, E. B., Overbeek, H. W., & Ryner, M. (2003). Theories of European integration: a critique. In A. W. Cafruny, & M. Ryner (Eds.), A ruined fortress? Neoliberal hegemony and transformation in Europe (pp. 17-45). Lanham, Md: Rowman & Littlefield. <https://research.vu.nl/en/publications/theories-of-european-integration-a-critique> (дата обращения: 16.12.2019)

- 1) во-первых, гегемония определяется в рамках ранее упомянутых основополагающих позитивистских традиций, где многогранное понятие гегемонии сводится к политическому, экономическому или военному господству. Вместе с тем, известный представитель либерального направления в науке о международных отношениях, профессор политологии Принстонского университета США (Robert O. Keohane, 1984), в своей работе, посвященной возникающим противоречиям в мировой политэкономии «после гегемонии», утверждает, что гегемония – это не просто смесь материальной власти, идеологии и институтов, а репродуктивная система, в которой надстройка политических и культурных практик предопределяет социально-экономические отношения, где идеи правящего класса становятся бесспорными нормами, продуктом классового проекта;⁷⁸
- 2) во-вторых, анализ основывается на существующих теориях европейской интеграции, которые были разработаны по отношению к европейскому опыту и поэтому не отражают евразийских особенностей;
- 3) в-третьих, игнорируется роль социальных сил в достижении гегемонии;
- 4) в-четвертых, не учитывается ни конкурентная борьба между столицами, ни вертикальные социально-трудовые отношения, ни горизонтальное межклассовое соперничество.

При рассмотрении евразийской интеграции сквозь призму геополитики, стоит отметить, что теорию взаимодействия «больших пространств» (т.н. пан-регионов) разработал немецкий ученый Карл Хаусхофер применительно к континентальной Европе, который в том числе рассматривал Россию как основного союзника Германии для создания мощного евразийского (!) объединения.⁷⁹ Он определял глобальные блоки, объединенные социально-политической панидеей, как естественный процесс геополитической структуры мира. Ранее в 1897 г. Фридрих Ратцель выдвинул теорию «жизненного пространства», в которой подробно описал, что рост государства сопровождается не только развитием торговли и производства, но также развитием идей, культуры, миссионерством и активностью в различных сферах.⁸⁰

Резюмируя вышесказанное, важно отметить, что одним из основных трендов, который прослеживается в работах зарубежных исследователей, посвященных анализу формирования и функционирования действующего в настоящее время экономического

⁷⁸ Robert O. Keohane «After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy» // Princeton University Press, 1984 [312 p.]. Url: <https://www.jstor.org/stable/j.ctt7sq9s> (дата обращения: 10.01.2020)

⁷⁹ Хаусхофер К. Теория «жизненного пространства»: философский поединок. – М.: Алгоритм, 2019. 240 с.

⁸⁰ Ratzel F. Über den Lebensraum//Die Umschau. 1897. Vol.1. С. 363-366.

объединения ЕАЭС, является то, что авторы в своих работах уделяют весьма ограниченное внимание реальным экономическим вопросам Союза, либо вовсе ограничиваются общими обтекаемыми фразами. Представляется, что специалистам по международным отношениям, политической экономии, политологии и других междисциплинарных отраслей целесообразно исследовать «евразийский интеграционный процесс», «Большую Евразию» и «евразийское пространство» вне контекста, действующего на базе общего рынка интеграционного объединения ЕАЭС, для их правильной категоризации.

2 Анализ действующей интеграционной модели ЕАЭС

После распада СССР в постсоветских государствах начались фундаментальные институциональные изменения. Произошла глубокая и болезненная трансформация планово-административной экономики в рыночное хозяйство. В этих условиях менялась стратегия и тактика интеграции постсоветских стран в мировое хозяйство. В процессе этой интеграции постепенно разрывались традиционные хозяйственные (отраслевые) связи, которые были созданы в СССР. Эта интеграция сопровождалась проникновением высокоорганизованного транснационального капитала, который фактически охватил весь мир и начал определять собственные правила игры на рынках стран, даже не входящих в формируемые этим капиталом межгосударственные альянсы и объединения.⁸¹

При изменившихся правилах игры в очень сложном положении оказались страны СНГ. Глобализация выступила своеобразным вызовом, создавая необходимость региональной интеграции и развития тесных взаимовыгодных отношений на общих началах добрососедства, дружбы, доверия, взаимопонимания, основанных на историческо-культурных отношениях.

Как было отмечено в начале, глобализацию нельзя полностью считать продуктом естественного происхождения. Глобализация формировалась активными усилиями транснациональных корпораций, международных организаций и мозговых центров (т.н. think tank). Эти структуры в основном защищали частные и корпоративные интересы и практически нивелировали интересы государства и общества, перекладывая важные социальные функции государства на частный бизнес. Таким образом, планировалось подчинить и делегировать развитие всего человечества корпорациям (финансовым, промышленным, торговым и др.).⁸²

История становления региональной интеграции на постсоветском пространстве, основанной на рыночных принципах современной капиталистической системы производства и распределения, а также её институциональном формате, начинается с создания СНГ.

Содружество стало первым интеграционным объединением с момента прекращения существования Советского Союза, которое было образовано 8 декабря 1991 года в результате подписания Беловежского соглашения. Образование СНГ основывалось на исторической общности народов, связях между ними и учёте существующих двусторонних договоров, что было зафиксировано в преамбулах этого документа. Уставом

⁸¹ Нуртай Абыкаев. Устойчивое экономическое развитие и социальная модернизация в Казахстане. М., 2012, 228 с.

⁸² Павленко В.Б. Мифы «устойчивого развития». «Глобальное потепление» или «ползучий» глобальный переворот? / 2011. - 942 с.

СНГ, состоящим из 45-и статей, определены цели и задачи как всестороннее и сбалансированное экономическое и социальное развитие государств, в рамках общего экономического пространства, а также межгосударственная кооперация и интеграция.

Важным этапом усилий Российской Федерации, направленным на консолидацию постсоветского пространства – даже если считать, что многие годы отсутствовал успех, – стало подписание договора «О создании Союзного государства» между Российской Федерацией и Республикой Беларусь. Это был знаковый интеграционный проект в конкретных исторических условиях на пространстве СНГ, который должен был ознаменовать собой смену центробежных тенденций на постсоветском пространстве центростремительными. Формирование этого союза явилось многоэтапным процессом, и, поэтому немного ранее, был подписан договор «О таможенном союзе и Едином экономическом пространстве» от 26 февраля 1999 г. между Республикой Беларусь, Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Российской Федерацией (т.н. четверка). Вследствие этих договоров от 10 октября 2000 г. было создано Евразийское Экономическое Сообщество (ЕврАзЭС) и подписано новое соглашение о ЗСТ между 6 государствами.

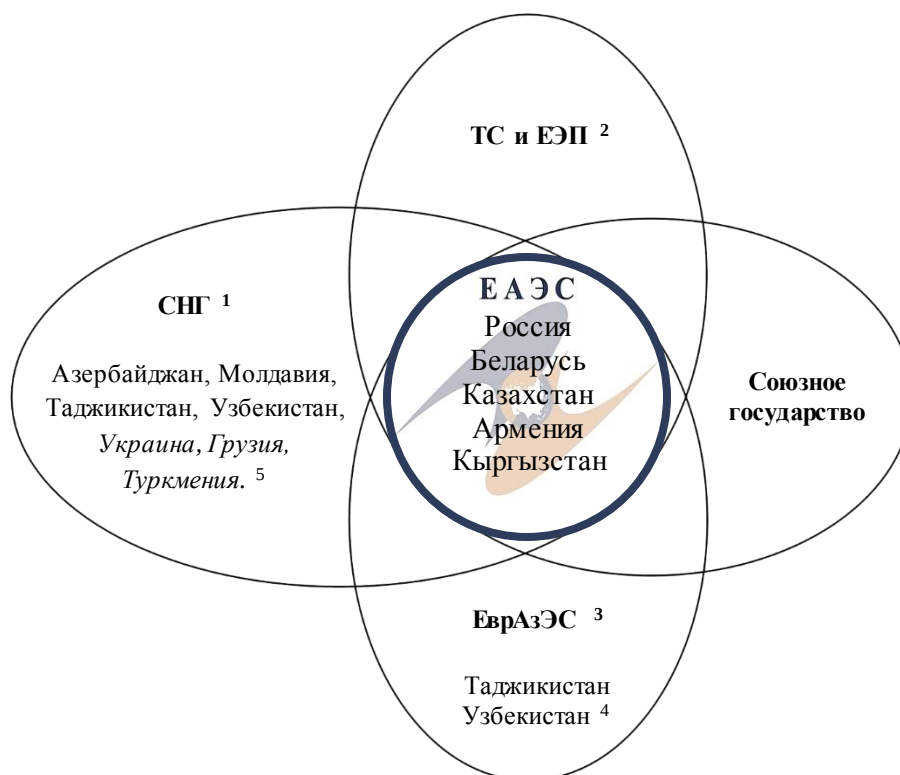
Процесс развивался, и позже был подписан новый договор «О создании единой таможенной территории и формировании таможенного союза» от 6 октября 2007 года. Приведённая ниже схема демонстрирует историю интеграционных процессов на постсоветском пространстве, начиная с 1991 г. (см. рисунок 6).

Таким образом, процесс региональной интеграции на постсоветском пространстве проходил в несколько промежуточных этапов, естественно развиваясь от простых форм сотрудничества к более сложным:

- 15.04.1994 – Соглашение о ЗСТ между 12 государствами СНГ.
- 26.02.1999 – Договор о создании ТС и ЕЭП между РФ, РБ, РК и КР.
- 08.12.1999 – Договор о создании Союзного государства между РФ и РБ.
- 10.10.2000 – Договор о создании ЕврАзЭС.
- 19.09.2003 – Соглашение о формировании ЕЭП в формате ЗСТ⁸³ между РФ, РБ, РК и Украиной.
- 06.10.2007 – Новый договор о создании ТС между 3 государствами (РФ, РБ, РК).

⁸³ В контексте рассмотрения ЕАЭС нотификация соглашения в ВТО в формате ТС была осуществлена 12 декабря 2014 г., а предыдущим этапом его формирования 18 августа 2008 г. была нотификация Соглашения о формировании Единого экономического пространства от 19 сентября 2003 г. между Россией, Украиной, Казахстаном и Беларусью в формате ЗСТ (т.е. спустя 5 лет после его подписания). См. Common Economic Zone (CEZ) / WTO. [2008]. URL: <https://rtais.wto.org/UI/CRShowRTAIDCard.aspx?rtaid=579>

- 18.10.2011 – Новое многостороннее соглашение о ЗСТ между 8 государствами СНГ.
- 29.05.2014 – Договор о создании ЕАЭС между тремя государствами (вступил в силу 01.01.2015). Сразу после вступления в силу этого договора к нему присоединились ещё два государства: Армения и Кыргызстан.

Примечания:

¹ Договор «О создании ЗСТ между странами СНГ» от 1994 г. был переподписан в 2011 г. без участия Азербайджана, Грузии и Туркменистана. (В 2010 г. к договору присоединился Узбекистан. В 2015 г. вышла из договора Украина).

² Договор «О создании ТС и ЕЭП» от 1999 г. был переподписан в 2003 г. без участия Кыргызстана, но с участием Украины. Позже в 2007 г. был снова переподписан без участия Украины.

³ ЕврАзЭС упразднено в связи с созданием ЕАЭС.

⁴ В 2006 г. Узбекистан присоединился к ЕврАзЭС. Однако, позже, в 2008 г. приостановил членство.

⁵ Туркменистан до сих пор не ратифицировал Устав СНГ и участвует в организации в качестве «ассоциированного члена».

Источник: составлено автором

Рисунок 6 – Эволюция интеграционных процессов на постсоветском пространстве с 1991 по 2015 гг.

Построенная при помощи геометрического метода кругов Эйлера (диаграмма Эйлера), схема достаточно наглядно демонстрирует эволюцию интеграционных процессов на постсоветском пространстве. На схеме видно, что ряд государств на разных этапах отказались от дальнейшей интеграции в силу центробежных тенденций. Указанные в центре круга страны, входящие в пятерку ЕАЭС, так или иначе являлись членами всех указанных на схеме интеграционных объединений.

Государства-члены ТС и ЕЭП целиком интегрировались в новую структуру ЕАЭС. Рынки СНГ и ЕврАзЭС не показали способность полностью интегрироваться как из-за структурных внутри- и внешнеэкономических преобразований, так и нежелания политического руководства стран поступиться своим суверенитетом.

В настоящее время основные интеграционные процессы на постсоветском пространстве происходят в рамках ЕАЭС, который начал функционировать с 1 января 2015 года. В следующих разделах предполагается использовать разработанное в первой главе теоретическое описание региональной интеграционной модели применительно к ЕАЭС, с акцентом на такие вопросы, как цели и задачи интеграции, институциональная среда, набор субъектов интеграции, создаваемые (изменяемые) условия для интеграции и стратегия взаимодействия с третьими странами.

2.1 Организационно-правовые аспекты функционирования ЕАЭС

ЕАЭС позиционирует себя как международная организация региональной экономической интеграции, и уже частично обладает международной правосубъектностью. Но с момента своего создания, как было отмечено в предыдущем параграфе, Союз пока заработал репутацию политизированного по мотивации интеграционного объединения, поскольку имеет относительно слабую динамику развития, а в среднесрочной перспективе – неопределённые экономические перспективы. Зачастую это связывают с отсутствием единого хозяйственного механизма из-за разнородности структур экономик её государств-членов, уровня их развития, а также с несбалансированными условиями членства во ВТО.

Важным объединяющим фактором ЕАЭС также является одновременное членство всех стран Союза в договоре о коллективной безопасности – ОДКБ, хотя прямой параллели не проводится.

Исследуя региональную интеграцию, Бьорн Хеттне писал, что по-настоящему глубокая экономическая интеграция невозможна только лишь при объединении экономических факторов. Он придавал немалое значение гуманитарным факторам, таким как: общая история, культура цивилизационная принадлежность и идентичность.

Таким образом, важно рассмотреть основные мотивы интеграции стран ЕАЭС, установленные, прежде всего, в правоустанавливающих документах (договорно-правовой базе Союза).

Цели и задачи интеграции ЕАЭС

В Договоре о ЕАЭС обозначены следующие цели:

- создание условий для совместного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения;

- стремление к формированию единого рынка товара, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза;
- всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики.

Одной из основных целей Союза, согласно договору о ЕАЭС, является стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов, то есть формирование общего рынка (в определенном смысле единой экономической системы). В настоящий момент во внутренней торговле ЕАЭС отсутствуют таможенные пошлины и, как правило, таможенные пункты пропуска, действует система единых таможенных тарифов по отношению к третьим странам.

Однако, нельзя говорить о достижении всех целей Союза. В частности, создание общего финансового рынка планируется только к 2024 году, общего рынка нефти и газа к 2025 году. В сфере торговли услугами и движения инвестициями обязывающих положений не прописано. В настоящий момент, в значительной степени можно говорить о достижении свободы перемещения трудовых ресурсов, которую можно рассматривать как первое реализованное направление принципа «четырёх свобод» (отмена требования получать разрешение на работу, отмена ограничения по защите национального рынка труда, признание документов об образовании, либерализация условий въезда и пребывания в стране трудоустройства, предоставление экстренной неотложной помощи, посещение школьных и дошкольных учреждений детьми трудящихся).

Для фактического снижения нетарифных барьеров (НТБ)⁸⁴ органами ЕАЭС ведется работа по унификации технического регулирования, санитарных и фитосанитарных норм, а также ряда других вопросов.

Таким образом, на данном этапе развития ЕАЭС можно охарактеризовать как углубленный таможенный союз с элементами общего рынка, а также с отдельными элементами экономического союза. Однако, основные цели и задачи данного интеграционного объединения значительно более амбициозны и указывают на стремление к созданию единого рынка и полноценного экономического союза.

Согласно Договору о ЕАЭС Евразийская экономическая комиссия осуществляет свою деятельность в пределах своих полномочий в рамках Союза в сфере торговой, макроэкономической, конкурентной политики, технического регулирования, регулирования санитарных и фитосанитарных норм, промышленной, агропромышленной, транспортной и энергетической политики, государственных закупок, валютной политики,

⁸⁴ По расчетам ЦИИ ЕАБР на 2015 г. издержки экспорта, связанные с НТБ, в Беларусь составляли около 40% для Казахстана и 12% для России, а из Беларуси в Казахстан около 16,3%.

финансового рынка, интеллектуальной собственности, миграционной политики, налогообложения, статистики, защиты прав потребителей, движения капитала и здравоохранения.

Таможенный союз является основой евразийской экономической интеграции. Он заработал в два этапа: 1 января 2010 года вступил в силу ЕТТ, а с 1 июля 2011 года весь таможенный контроль был вынесен с внутренних границ государств-членов на внешний контур ТС. Однако, единый Таможенный кодекс (ТК ЕАЭС), который можно рассматривать как важный элемент единства внешнеторговой политики ЕАЭС, и процесс согласования которого проходил достаточно долго и напряженно, вступил в силу только с 1 января 2018 года, то есть спустя 6,5 лет после создания таможенного союза.

Таким образом, переход от таможенного союза к экономическому союзу формально составил 5 лет, однако окончательное формирование ЕАЭС именно как экономического союза запланировано на 2025 год. Предполагается, что за период с 2015 г. до 2025 г. в ЕАЭС, в дополнение к завершению реализации принципа свободы перемещения товаров и трудовых ресурсов, будут реализованы такие элементы этапов интеграционного взаимодействия, как свобода движения услуг, капитала, общие рынки энергоресурсов, согласованная макроэкономическая политика. Соответственно, скорость евразийской интеграции составляет ориентировочно десять лет.

Договором устанавливаются правила функционирования внутреннего рынка товаров и услуг, в рамках которого государства-члены применяют ставки единого таможенного тарифа для товаров, ввозимых на территорию Союза. При этом, согласно Договору, государства-члены вправе в одностороннем порядке применять в качестве ответных мер повышенные по сравнению с ЕТТ ЕАЭС ставки ввозных таможенных пошлин, а также в одностороннем порядке приостанавливать предоставление тарифных преференций при условии, что механизмы администрирования таких ответных мер не нарушают положений настоящего Договора. Таким образом, каждое государство-член Союза имеет право на изъятия и ограничения в случае необходимости.

Кроме того, согласно статьям 46-48, ЕАЭС в целом, а при некоторых условиях и государства-члены по отдельности, имеет право на введение различных ограничительных мер (нетарифные барьеры, защитные, антидемпинговые и т.д.) в отношениях с третьими странами для защиты внутреннего рынка, но на основании соблюдения принципов гласности и недискриминации. Среди мер нетарифного регулирования предусмотрены: запрет и количественные ограничения на экспорт/импорт, автоматическое лицензирование.

Также, согласно Договору, государство, присоединившееся к Союзу, вправе применять ставки ввозных таможенных пошлин, отличные от ставок Единого таможенного

тарифа ЕАЭС, в соответствии с перечнем товаров и ставок, утверждаемым ЕЭК на основании международного договора о присоединении такого государства к Союзу.

Важно отметить, что за годы существования союза уже произошло немало событий, которые ставят под сомнение согласованность торговой политики по отношению к третьим странам государств-членов ЕАЭС. Например, Беларусь и Казахстан, а позже Армения и Кыргызстан, не присоединились к продовольственному эмбарго России, которое было введено против производителей отдельных видов продовольствия из США, ЕС, Норвегии, Австралии и Канады. Более того, с момента введения санкций наблюдался значительный рост реэкспорта санкционной продукции из ЕС через Беларусь. При этом торгово-политические санкции в отношении России частично коснулись и других членов Союза, так как их объединяет единая таможенная территория и общие правила внешнеторгового регулирования. Также после присоединения Казахстана к ВТО в 2015 году, средняя ставка ввозных таможенных пошлин для импортируемых в Казахстан товаров по отношению к третьим странам стала ниже, чем ЕТГ. Помимо этого, согласно Постановлению Правительства России от 6 июля 2018 г., были повышены торговые пошлины на импорт целого ряда товарных позиций из США, в то время как подобных мер со стороны других государств-членов ЕАЭС не вводилось.

Макроэкономическая политика Союза представлена в Разделе XIII Договора о ЕАЭС (статья 62) и является согласованной. Она предусматривает: «а) обеспечение устойчивого развития; б) формирование единых принципов функционирования экономики государств-членов и обеспечение их эффективного взаимодействия; в) обеспечение макроэкономической стабильности; г) разработку общих принципов и ориентиров для прогнозирования социально-экономического развития государств-членов».⁸⁵

Для реализации основных направлений согласованной макроэкономической политики государства-члены согласовывают меры, направленные на использование интеграционного потенциала в необходимых отраслях; принимают во внимание основные направления экономического развития Союза; разрабатывают официальные прогнозы социально-экономического развития.

По Договору о ЕАЭС, уровень и динамика экономического развития определяются при помощи следующего ряда показателей: ВВП по ППС на душу населения, темпы роста ВВП, внешнеторговый баланс, реальный обменный курс.

Приложение №15 Договора о ЕАЭС определяет меры, направленные на проведение согласованной валютной политики государствами-членами:

⁸⁵ Договор о Евразийском экономическом союзе / Правовой портал ЕАЭС. [2014] Url: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0013611/itia_05062014_doc.pdf (дата обращения: 20.01.2020)

- координация политики обменного курса национальных валют государств-членов;
- создание условий для конвертируемости национальных валют, проведения взаимных расчетов в национальных валютах, обеспечения прямых взаимных котировок национальных валют и т.д.

Как было сказано выше, обеспечение полноценной координации согласованной макроэкономической политики является одной из ключевых задач развития ЕАЭС. Однако, четко прописанных критериев реализации данного механизма на практике на данный момент не существует.⁸⁶

Согласно Договору о ЕАЭС, доминирующему субъекту в рамках Союза запрещается ограничивать и ущемлять интересы других участников рынка (монопольная цена, изъятие товара с целью роста цены, навязывание контрагенту невыгодных экономических условий договора, препятствие доступу на рынок товаров других субъектов и др.). Также для компаний, торгующих в рамках ЕАЭС, действует запрет на недобросовестную конкуренцию: распространение ложных сведений, манипуляции с информированием о качестве товаров, некорректное сравнение товаров. Помимо всего прочего, запрещены любые виды сговора, которые могут привести к различным видам экономической дискриминации и различные вертикальные соглашения за исключением тех, что представлены в приложении к Договору.

Несмотря на то, что на данном этапе развития интеграции отсутствует единый антимонопольный орган ЕАЭС, в странах Союза наличие такого национального органа обязательно. Это необходимо для содействия проведения конкурентной политики в рамках Союза. Вместе с тем, в рамках функционирования ЕЭК создан департамент антимонопольного регулирования.⁸⁷

В соответствии с Основными направлениями промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС от 8 сентября 2015 года, определен список чувствительных товаров, т.е. товаров с высоким уровнем конкуренции в рамках экономики ЕАЭС. В данный перечень попали легковые и грузовые автомобили, ткани и нити, одежда, предметы одежды, прочие изделия из натурального меха, комбайны, тракторы, с/х оборудование, стальной прокат,

⁸⁶ ЦИИ ЕАБР, 2017

⁸⁷ Среди основных функций данного департамента можно выделить следующие: надзор за соблюдением единых принципов и правил конкуренции, анализ антимонопольного законодательства государств-членов Союза, взаимодействие с органами государственной власти участников в Союзе, рассмотрение заявлений о нарушении правил конкуренции. Департамент антимонопольного регулирования ЕЭК рассматривает заявления о нарушении конкуренции и, в случае необходимости, направляет его в национальные антимонопольные органы.

стекло и трубы. Государства-члены ЕАЭС ведут скоординированную конкурентную политику по данным товарным позициям и информируют друг друга о направлениях реализации национальной политики по отношению к ним.

Отметим, что конкурентная политика ЕАЭС не распространяется на естественные монополии, среди которых можно выделить рынок нефти, нефтепродуктов, газа, ж/д и авиаперевозки, и электроэнергетику.

Институциональная среда

Согласно 8 статье Договора о ЕАЭС группировка состоит из четырех органов: «1) Высший Евразийский экономический совет (ВЕЭС); 2) Евразийский межправительственный совет (МПС); 3) Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК); 4) Суд Евразийского экономического союза (Суд ЕАЭС)».

При этом важно отметить, что единственным наднациональным органом в ЕАЭС является ЕЭК, а ВЕЭС и МПС являются скорее межнациональными органами.

Евразийская экономическая комиссия является основным регулирующим органом ЕАЭС с февраля 2012 года. Основными задачами ЕЭК являются обеспечение условий для развития и функционировании ЕАЭС и проработка предложений по дальнейшему интеграционному взаимодействию. Согласно Договору о ЕАЭС «ЕЭК осуществляет свою деятельность, основываясь на принципах обеспечения взаимной выгоды, равноправия и учета национальных интересов, экономически обоснованных решений, открытости, гласности и объективности».⁸⁸ Компетенции ЕЭК распространяются на следующие сферы: таможенно-тарифное регулирование, техническое регулирование, санитарные и фитосанитарные нормы, установление торговых режимов с третьими странами, статистика внешней торговли, макроэкономическая политика, конкурентная политика, субсидирование промышленности и сельского хозяйства, энергетическая политика, функционирование естественных монополий, государственные закупки, инвестиционная политика, транспортная политика, валютная политика, интеллектуальная собственность, финансовый сектор, миграция рабочей силы.

Совет ЕЭК осуществляет общее регулирование процессов интеграции и руководство деятельностью Комиссии и состоит из заместителей глав правительств государств-членов (по одному из каждой страны). Совет ЕЭК в своей работе опирается на Коллегию Комиссии, являющуюся исполнительным органом ЕЭК и формирующуюся из представителей государств-членов ЕАЭС по принципу равного представительства сторон.

⁸⁸ Договор о Евразийском экономическом союзе / Правовой портал ЕАЭС. [2014] Url: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0013611/itia_05062014_doc.pdf (дата обращения: 20.01.2020)

В пределах своих полномочий ЕЭК может принимать решения, обязательные к исполнению, а может давать рекомендации, имеющие необязательный характер. Однако некоторые сферы остаются за пределами наднациональных компетенций. Ниже перечислены основные компетенции и полномочия наднационального органа ЕАЭС (см. таблицу 4).

Таблица 4 – Основные компетенции наднационального органа в ЕАЭС по состоянию на 2019 г.

Компетенция	Наднациональный характер компетенции в ЕАЭС	Степень реализации наднациональных компетенций	Характер принимаемых актов
Таможенно-тарифное регулирование	Исключительная	Высокая	Обязывающий
Применение защитных мер	Исключительная	Высокая	Обязывающий
Установление торгового режима в отношении третьих стран	Совместная	Ограниченная	Обязывающий
Нетарифное регулирование	Совместная	Высокая	Обязывающий
Техническое регулирование	Совместная	Высокая	Обязывающий
Применение санитарных, ветеринарных и фитосанитарных мер	Совместная	Высокая	Обязывающий
Таможенное регулирование	Совместная	Высокая	Обязывающий
Торговля услугами и инвестиции	Совместная	Ограниченная	Индикативный
Макроэкономическая и валютная политика, Регулирование финансовых рынков, Налоги и налогообложение, Конкуренсная политика, Энергетическая политика, Естественные монополии, Государственные закупки и др.	Координационная	Ограниченная	Индикативный

Источник: составлено автором

Так, например, координация торговли услугами и вопросов инвестиций наднациональных компетенций Союза в рамках соглашений с третьими странами в настоящий момент не предусмотрена. Также, согласно XV разделу Договора, регулирование предпринимательской деятельности, учреждение юридических лиц и инвестиционная деятельность на территории ЕАЭС остаются привилегией государств-членов. Помимо этого, при создании ЗСТ с третьими странами, ЕЭК имеет мандат лишь на обсуждение блока торговли товарами, в то время как вопросы инвестиций и торговли услугами остаются в компетенции государств-членов.

Отметим, что в сферах торговой политики, таможенного и технического регулирования (статья 53 Договора о ЕАЭС) ЕЭК может принимать акты прямого действия, которые обязательны для исполнения всех государств-членов.

Согласно приложению №27 Договора о ЕАЭС полномочия ЕЭК в промышленной сфере распространяются только в рамках консультативной поддержки и координации деятельности государств-членов (содействие обмену информации, формированию совместных площадок для обсуждения, разработке совместных программ и проектов, мониторинг Основных направлений промышленного сотрудничества, изучение мирового опыта развития промышленности и т.д.).

Полномочия Комиссии в сфере защиты прав потребителей также имеют рекомендательный характер. В сфере энергетики ЕЭК осуществляет мониторинг за исполнением формирования общих рынков нефти, нефтепродуктов и газа. Основные компетенции Комиссии при проведении государствами-членами согласованной макроэкономической политики, согласно Приложению №14 Договора о ЕАЭС, следующие: мониторинг макроэкономических показателей, разработка рекомендаций для стабилизации экономической ситуации в странах-участниках Союза, анализ влияния принимаемых решений на поведение экономических субъектов и др.

В состав Евразийского межправительственного совета входят премьер-министры государств-членов. Среди основных направлений деятельности Совета выделяются:

- одобрение проектов бюджета Союза;
- обеспечение контроля за исполнением Договора о ЕАЭС и решений ВЕЭС;
- рассмотрение вопросов ЕЭК, по которым не было достигнуто консенсуса;
- отмена или изменение решений, принятых ЕЭК.

ВЕЭС – высший орган ЕАЭС, состоящий из глав государств-членов и отвечающий за рассмотрение наиболее принципиальных вопросов деятельности Союза, определение стратегии интеграционного объединения, направлений и перспектив развития интеграции. Высший совет принимает решения о вступлении новых членов, принятии бюджета, создании органов, назначении должностных лиц и курирует международные отношения ЕАЭС.

Суд ЕАЭС является постоянно действующим судебным органом союза, который расположен в г. Минск (Беларусь). Он не является международным арбитражным судом и не занимается имущественными спорами. В компетенцию Суда ЕАЭС входят споры по вопросам реализации договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках группировки и решений её органов. С целью равного представительства, Высшим советом назначаются по двое судей от каждого государства-члена.

Заметим, что в Договоре о ЕАЭС прямо не указаны прямые компетенции Суда при рассмотрении дел, связанных с реализацией международных договоров. Однако, Суд ЕАЭС выполняет консультационные функции при рассмотрении положений международных

договоров Союза с третьими странами. Основная проблема Суда ЕАЭС – преобладание национального права над правом Союза в случае конфликта между ними.

Согласно Договору о ЕАЭС, решения, распоряжения и рекомендации Совета Комиссии принимаются консенсусом. Решения, распоряжения и рекомендации Коллегии Комиссии принимаются квалифицированным большинством или консенсусом. Высший Совет определяет перечень чувствительных вопросов, по которым решения Коллегии Комиссии принимаются консенсусом. По нечувствительным вопросам возможно принятие решения на основе квалифицированного большинства голосов (две трети голосов от общего числа членов Коллегии Комиссии).

Решения и распоряжения ВЕЭС и Евразийского межправительственного совета принимаются на основе консенсуса. Однако эти решения требуют прохождения соответствующих процедур ратификации на национальном уровне и не обладают приоритетом на национальном законодательстве.

ВЕЭС имеет право изменять или отменять решения, принятые ЕЭК и межправительственным советом. Решения Высшего совета, ратифицированные парламентами стран-участниц, носят программный и обязательный характер. Кроме того, ВЕЭС рассматривает вопросы, по которым Комиссией не достигнут консенсус.

Комиссия в составе ЕЭК имеет право применять систему штрафов в случаях нарушения правил конкуренции на трансграничных рынках, антимонопольного законодательства и за предоставление неверной информации. Итоговое решение выносит Суд ЕАЭС. Впервые штрафные санкции в ЕАЭС были применены в сентябре 2017 года за нарушение антимонопольного законодательства.⁸⁹

По сообщению пресс-службы Суда, «в период с 1 января 2015 года по 30 июня 2016 года ПАО «Новолипецкий металлургический комбинат» (НЛМК) и ООО «ВИЗ-Сталь» злоупотребляли доминирующим положением в сегменте электротехнической анизотропной стали, избирательно предоставляя неравные условия покупателям из стран Союза. Общий размер штрафов для данных компаний составил 217 млн.руб.»

Вместе с тем необходимо выделить один из самых главных барьеров, препятствующий свободному движению товаров в ЕАЭС, в частности, принцип национального резидентства. Так, например, Республика Казахстан не соглашается отменять принцип национального резидентства, когда декларации на товары нужно подавать в таможенные органы государства, в котором зарегистрирован бизнес. Если

⁸⁹ ЕЭК впервые применила штрафы за нарушение антимонопольного законодательства / ЕЭК. 2017. URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2017/09/28/EEK-vpervye-primenila-shtrafy-za-narushenie-antimonopolnogo-zakonodatelstva> (дата обращения: 10.01.2018)

казахстанская компания решит поставлять товары из Европы в Россию, то не сможет задекларировать их в Беларуси, то есть сразу при ввозе на территорию союза. В Беларуси перевозчик должен поместить товар под процедуру таможенного транзита для доставки в Казахстан. При этом нужно подтвердить оплату таможенных пошлин. Затем уже в Казахстане импортер декларирует товар, оплачивает пошлины по ставкам единого таможенного тарифа и налоги (НДС) по ставкам казахстанского законодательства. И после всех этих процедур товар можно везти в Россию. НДС, который платится в Российской Федерации, возмещается продавцу в Казахстане после подтверждения оплаты этого налога в России. Такая схема, несомненно, является очень запутанной, которая усложняет работу и таможенным органам, и бизнесу. При отмене принципа резидентства не пришлось бы тратить время и деньги на транзитную перевозку товара и его возвращение, а все документы можно было бы оформить в любой стране ЕАЭС. С другой стороны, казахстанские эксперты считают, что отмена принципа резидентства в ЕАЭС способствует созданию схем по уклонению от уплаты налогов.

В этой связи возникает потребность не только регулирующих, но также контрольно-надзорных органов для пресечения недобросовестных схем по уклонению от налогов для равномерного экономического развития государств-членов. Однако правительства государств-членов Союза пока не готовы отказаться от части своих полномочий и тем самым уступить часть государственного суверенитета в пользу надгосударственных органов. Такие межгосударственные органы с надгосударственными функциями гипотетически наделены правом принимать решения по вопросам, касающимся организации, без согласования с правительствами государств-членов.

2.2 Экономические аспекты функционирования ЕАЭС

ЕАЭС занимает территорию в 20 млн.км² (28% от общей территории Земли), на которой проживает примерно 182,6 млн. человек (2,5% от мировой численности населения), производит 2,25% глобального ВВП (1,92 трлн. долл. США) в год⁹⁰, удельный вес в мировой торговле составляет 2,5%⁹¹ что показывает большую диспропорцию между потенциальным и фактическим состоянием экономик государств-членов в глобальном хозяйстве.⁹²

⁹⁰ Номинальный ВВП 2018 [электронный ресурс] / Всемирный банк <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (дата обращения: 28.01.2020)

⁹¹ Merchandise: Intra-trade and extra-trade of country groups by product, annual, 2018 [электронный ресурс] / UNCTAD statistics. URL: <http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx> (дата обращения: 28.01.2020)

⁹² Багдасарян К.М., Макаров А.И., Пахомов А.А. Государства АСЕАН во внешнеэкономической политике России на современном этапе: новые возможности и ограничения (Препринт НИР РАНХиГС за 2017 г.) / SSRN. [2018]. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3169756> (Дата обращения: 21.06.2020)

Экономические показатели деятельности ЕАЭС в динамике за пять лет представлены в таблице (см. таблицу 5).

Таблица 5 – Динамика экономических показателей ЕАЭС за период 2015-2019 гг. (млрд.долл. США)

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019	
ВВП ¹	1615	1483	1816	1910	1892	↑
ВВП по ППС ²	4184	4200	4492	4805	5003	↑
Экспорт товаров ³	374,1	308,3	386,9	490,6	459,3	↑
Импорт товаров ³	205,4	201,1	247,3	262,8	273,8	↑
Экспорт услуг ⁴	55,8	55,0	64,0	72,2	83,7	↑
Импорт услуг ⁴	98,2	83,8	97,0	104,6	-	↑
Торговые соглашения с третьими странами (кол-во подписанных)	0	1	0	2	2	↑
Доля внутренней торговли (в % от общей торговли) ⁵	13,5 %	14,4 %	14,6 %	13,7 %	14,2	↑

Источники:

1. GDP, current prices / IMF (WEO, 2019). URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/>
2. Евразийский экономический союз в цифрах. Краткий статистический сборник 2020 г. / ЕЭК. [2020]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Brief_Statistics_Yearbook_2020.pdf
3. На основе данных Статистических сборников ЕЭК за соответствующие годы (Внешняя торговля товарами. Статистика Евразийского экономического союза. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/Pages/default.aspx
4. Экспорт и импорт услуг / ЕЭК (Департамент статистики | Финансовая статистика). [2020] URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/Pages/ex_im_services.aspx
5. Об итогах взаимной торговли товарами (аналитический обзор) / ЕЭК. [2020]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/

С момента создания Таможенного союза трех стран в 2011 г. доля государств, входящих в ЕАЭС в общемировом ВВП колебалась в пределах от 1,9% (2016 год) и до 3,4% (2013 год) (см. таблицу 6).

Таблица 6 – ВВП стран ЕАЭС в 2011-2019 гг. (млрд.долл. США)

Страна	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Армения	10,8	10,6	11,1	11,6	10,5	10,5	11,5	12,4	13,4
Беларусь	61,8	65,7	75,5	78,8	56,4	47,7	54,4	59,6	62,6
Казахстан	192,6	208,0	236,6	221,4	184,4	137,3	159,4	179,3	170,3
Кыргызстан	6,2	6,6	7,3	7,5	6,7	6,8	7,6	8,1	8,3
Россия	2051,6	2210,2	2297,1	2063,7	1368,4	1284,7	1577,5	1657,5	1640,0
ЕАЭС	2322,4	2501,2	2627,7	2379,3	1621,7	1485,1	1819,4	1917,1	1894,6
Мир	73534,9	75097,2	77229,0	79098,6	74757,3	75840,2	80501,4	85909,8	86599,0
Доля ЕАЭС	3,1 %	3,3 %	3,4%	3,0 %	2,2 %	1,9%	2,3%	2,2%	2,2%

Источник: Номинальный ВВП за соответствующие годы [электронный ресурс] / Всемирный банк <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (дата обращения: 28.01.2020)

Несмотря на присоединение Армении и Кыргызстана в 2015 г., доля ЕАЭС в общемировом ВВП снизилась по сравнению с 2011-2014 гг., что связано, в первую очередь, с существенным падением номинального ВВП Российской Федерации, вызванным сильным падением мировых цен на нефть, девальвацией рубля (т.н. валютный кризис 2014–

2015 гг., когда за второе полугодие 2014 г. курс рубля по отношению к доллару США упал с 33 до 80 руб./долл.) и ростом инфляции до 15~20%,

Доминирующее положение в ЕАЭС в терминах вклада в совокупный ВВП занимает Российская Федерация. В частности, доля России в совокупном ВВП ЕАЭС по ППС в долларовом эквиваленте составила 84,4%. Порядка 10,5% приходится на Казахстан и менее 5% составляет суммарная доля Беларуси, Армении и Кыргызстана. Распределение долей по общей численности населения выглядит похожим образом: почти 80% приходится на Россию, 10% на Казахстан и 10% на остальных участников Союза.

Если по размеру рынка Российская Федерация занимает доминирующее положение в Союзе, то по уровню экономического развития различия с остальными государствами-членами выглядят не столь существенными. Например, начиная с 2015 г. высокую позицию в ЕАЭС по величине ВВП на душу населения по ППС занял Казахстан. На 2018 г. значения для данного показателя составляют 27549 долл. США для Казахстана и 29266 долл. США для Российской Федерации. За последние 7 лет индикатор ВВП на душу населения в Республике Беларусь показывал устойчивый рост и к 2018 г. достиг 20003 долл. США. Однако, в то же самое время, экономики Армении и Кыргызстана существенно отстают по среднему ВВП по ППС от остальных стран Союза⁹³.

В рамках представленного в первой главе теоретического описания модели региональной интеграции представляется целесообразным рассчитать уровень разнородности размеров экономик⁹⁴ стран ЕАЭС, который может быть оценен при помощи расчета коэффициента вариации на основе ВВП стран-участниц⁹⁵ (см. таблицу 7).

Таблица 7 – Расчет уровня разнородности размеров экономик стран ЕАЭС по годам

Год	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Коэффициент вариации	1.916379	1.917908	1.892674	1.870370	1.806153	1.864107	1.884036

Источник: рассчитано автором

При сравнении полученных данных с аналогичными данными других группировок (см. ПРИЛОЖЕНИЕ А), видно, что этот показатель выше среднего. Уровень разнородности размеров рынка прямым образом влияет на наличие в объединении доминирующих игроков, что, в свою очередь, может оказывать влияние на институциональное

⁹³ World Economic Outlook Database, April 2019 [электронный источник] // IMF. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2019/01/weodata/index.aspx> (дата обращения: 02.07.2019)

⁹⁴ Уровень разнородности размеров экономик можно рассматривать как индикатор «расстановки сил» в интеграционном объединении. Однако следует отметить, что в зависимости от формы институционального взаимодействия между странами, смещение «расстановки сил» в интеграционном объединении в сторону наиболее крупных участников может быть уменьшено или полностью устранено.

⁹⁵ Представляет собой отношение стандартного отклонения ВВП, отнесенное к среднему значению.

взаимодействие между участниками. Теоретически, для более крупных игроков предпочтительной является система голосования, учитывающая размеры экономик, тогда как малые страны будут предпочитать консенсус или равный учет голосов при принятии решений. Кроме того, уровень разнородности размеров экономик оказывает влияние на размер и направление потенциальных выгод от интеграции для каждой из стран, что, в свою очередь, определяет глубину (вертикальную и горизонтальную) интеграционного взаимодействия.

Если говорить про уровень разнородности экономического развития стран-участников ЕАЭС, то он может быть оценен при помощи расчета коэффициента вариации на основе ВВП на душу стран участников (см. таблицу 8).

Таблица 8 – Расчет уровня разнородности экономического развития стран-участников ЕАЭС по годам

Год	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Коэффициент вариации	0.7300589	0.7476083	0.7326596	0.6831148	0.6369884	0.5910567	0.6262092

Источник: рассчитано автором

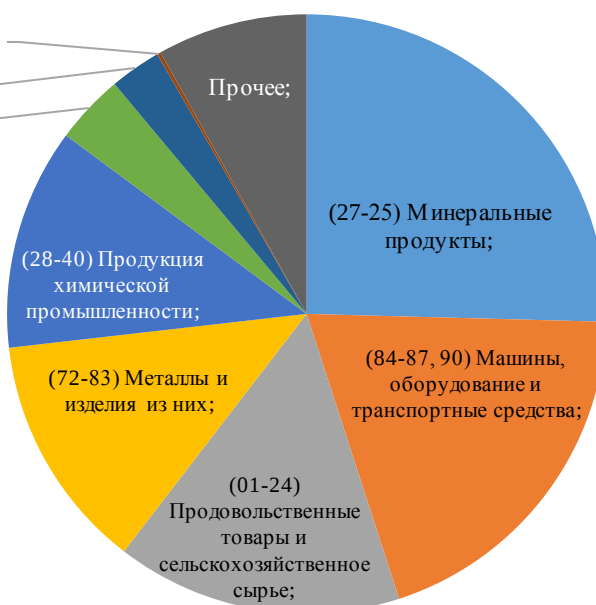
Полученные данные также являются выше средних по другим рассмотренным группировкам, представленным в таблице (см. ПРИЛОЖЕНИЕ А), что теоретически свидетельствует о большой разнородности предпочтений государств-членов ЕАЭС.

В структуре взаимной торговли государств-членов ЕАЭС более 25% занимают минеральные продукты (см. рисунок 7). В целом ЕАЭС можно отнести к интеграционному объединению с моноцентрической структурой. В объединении четко прослеживается доминирование России размером рынка, а также объемом внутриблоковой торговли.

(41-43) Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них;

(44-49) Древесина и целлюлозно-бумажные изделия;

(50-67) Текстиль, текстильные изделия и обувь;

Примечание:

1. в скобках указан код по ТН ВЭД
2. Источник: Статистика внешней и взаимной торговли / ЕЭК. 2019. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/intra/Documents/2019/11/I201911_3_1.pdf (дата обращения: 03.02.2020)

Рисунок 7 – Структура взаимной торговли государств-членов ЕАЭС по укрупненным товарным группам за 2019 г.

Необходимо также отметить, что в ЕАЭС создаётся интеграция государств, базирующаяся на классической линейно-стадиальной модели поступательного развития Б. Баласса, выдвинутая более полувека назад, которая на фоне современных всеобъемлющих экономических и торговых соглашений, по мнению В. Лангехова (Van Langenhove – директор Института европейских исследований в Брюсселе), как было отмечено в первой главе, представляет собой первое поколение (волну) региональной интеграции. В ряде отечественных исследований отмечается неконкурентоспособность этой модели, которая определяет скорость и формат заключения новых форм торгово-экономических соглашений с различной интенсивностью кооперационных и институциональных связей. По мнению Ректора Уральского федерального университета (Кокшаров В.А., 2011), «Европейский тип региональной интеграции был абсолютно неприменим к России и другим государствам-членам СНГ».⁹⁶

Вместе с тем, несмотря на политическую установку руководства государств-членов ЕАЭС, углубление экономической интеграции на данном этапе не происходит ожидаемыми темпами и не оправдывает ожиданий как отечественных экспертов, так и зарубежных. К экономическим факторам этого процесса относится отсутствие ресурсной комплементарности, поскольку экономики государств-членов союза не являются взаимодополняемыми в плане ресурсного обеспечения, качества производственных сил и технологического развития. При этом мотивы, которыми руководствовались её члены при вступлении в союз, у всех государств разные.

Так, например, Казахстан заинтересован в развитии транспортного коридора между Западным Китаем с одной стороны, Европейским союзом и Россией с другой; киргизская экономика в большей степени завязана на Китай, поэтому нахождение в ЕАЭС, в первую очередь, рассматривается как рынок труда для своих мигрантов. Армянское руководство также рассматривает ЕАЭС в качестве рынка труда для своих мигрантов, но, вместе с тем, высшим политическим руководством Армении несколько раз была высказана идея о том, что они стремятся сделать Армению мостом между ЕС и ЕАЭС, ссылаясь на более благоприятные торговые условия с ЕС в рамках соглашений о GSP+ и Всеобъемлющем

⁹⁶ Кокшаров В.А. Многоуровневая интеграция в постсоветском пространстве // Известия уральского государственного университета. – Екатеринбург: 2011. – №4(96). – С. 9-16

соглашении о партнёрстве с ЕС. Беларусь, в целом, заинтересована в сохранении статуса *quo*, поскольку является главным бенефициаром интеграции. Если к вышеперечисленным факторам добавить еще и существенно разную отраслевую структуру экономик стран ЕАЭС, то станет очевидно, что устранение нетарифных барьеров внутри интеграционной группировки сопряжено с определенными трудностями не только экономического характера, но также и политического, учитывая, что у каждого отдельного решения всегда есть как поддержка со стороны определенных корпоративных и бизнес-групп (в том числе и на уровне правительств), так и оппозиция со стороны части делового сообщества с противоположными интересами.⁹⁷ Одной из причин этого является сформировавшийся в переходный период постсоветского общества бюрократическо-олигархический капиталистический уклад. Формирование такого институционального устройства постсоветского общества, определяющего траекторию хозяйственного развития стран постсоветского пространства за весь ее исторический жизненный цикл, объясняет теория раздаточной экономики.⁹⁸

Все указанные выше факторы препятствуют развитию интеграционного процесса, в том числе процессу устранения нетарифных барьеров внутри объединения. Исследования, проведенные Институтом экономической политики имени Е.Т. Гайдара и Норвежским институтом международных отношений (NUPI) относительно устранения нетарифных барьеров внутри ЕАЭС⁹⁹, показывают существенный макроэкономический эффект для Армении, Беларуси и Кыргызстана и небольшой выигрыш для Казахстана и России, а именно рост внутреннего товарооборота примерно на 25%.

Согласно работам Центра исследований международной торговли Института прикладных экономических исследований РАНХиГС основной проблемой интеграции внутри ЕАЭС на данном этапе интеграционного развития является доминирование перераспределительного мотива над производительным.¹⁰⁰ Это объясняется заинтересованностью России по тем или иным соображениям (в том числе, возможно, и неэкономическим) в его расширении, в привлечении новых членов за счет передачи части своих ресурсов партнерам по интеграционному объединению.

⁹⁷ Кнобель А.Ю., Вакульчук Р. «Интеграция: Кому нужны барьеры» // Газета «Ведомости». № 4214 от 30.11.2016

⁹⁸ Бессонова О.Э. Раздаточная экономика как российская традиция // В сборнике: Хрестоматия по руссиеведению РАН. ИНИОН. Центр руссиеведения; Отв. ред. Глебова И.И.. Москва, 2015. С. 49-64.

⁹⁹ Кнобель А., Липин А. Бег без барьеров [электронный ресурс] / ВЕДОМОСТИ. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/02/04/626746-beg-barerov> (дата обращения: 02.07.2019)

¹⁰⁰ Кнобель А.Ю. Евразийский экономический союз: перспективы развития и возможные препятствия / Вопросы экономики. 2015. № 3. С. 87-108.

В этом случае остальные участники заинтересованы в интеграции по причине перераспределения ресурсов в их пользу (Baier, Bergstrand, 2004). Согласно Теореме Кемп-Вана¹⁰¹ данный фактор является индикатором того, что на современном этапе интеграционного развития ЕАЭС происходит лишь формирование продвинутого таможенного союза, но не экономического.

В силу преимущественно сырьевой ориентации своего экспорта, экономики государств-членов ЕАЭС не являются в значительной степени конкурентными и взаимодополняемыми, что свидетельствует лишь о начальной стадии становления глубоко интегрированного таможенного союза, но пока ещё не экономического союза.

Общепризнан тот факт, что качественные резервы «текущего» технологического уклада практически исчерпаны. По-видимому, это является причиной того, что попытки создания интеграционной группировки, исходившие из возможностей данного уклада, не приводят к принципиальному изменению соответствующих усилий участников группировки. Высокотехнологичные отрасли в общей структуре ЕАЭС не входят даже в первую десятку видов экономической деятельности. Отечественные исследователи (Кузьмина Е.М., 2017) также отмечают, что: «при рассмотрении отраслевого развития промышленности государств-членов, машиностроительные и высокотехнологические отрасли, которые определены как приоритетные для ЕАЭС, не являются основными драйверами роста».¹⁰²

Множество отечественных исследований, основанных на эконометрических расчетах, свидетельствуют о том, что снятие таможенных пошлин на торговлю между государствами-членами теоретически приведет к расширению их взаимной торговли. Однако в реальности расширению взаимной торговли препятствуют не только пошлины, но и торговые конфликты между партнерами по интеграционному объединению. По информации Россельхознадзора России такая ситуация в российско-белорусских отношениях в рамках Союзного государства произошла в декабре 2014 г., когда «Россия обвинила Беларусь в контрабанде европейских продуктов, а Беларусь – Россию в нарушении норм Таможенного союза, так как она запретила поставки мясной и молочной продукции с ряда белорусских предприятий».¹⁰³ Ситуация была настолько острой, что обе страны выставили таможенные посты на общей границе. Аналогичной «торговой войной»

¹⁰¹ Murray C. Kemp and Henry Y. Wan, Jr. (1976). "An elementary proposition concerning the formation of custom unions" // *Journal of International Economics* 6 (1976) 95-97. North-Holland Publishing Company.

¹⁰² Кузьмина Е.М. АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА: Экономическое развитие стран ЕАЭС и перспективы экономической интеграции до 2025 г. / Российский совет по международным делам. Москва, 2017. – 24 с.

¹⁰³ Ограничения на ввоз [электронный ресурс] / Россельхознадзор. URL: <http://www.fsvps.ru/fsvps/importExport/belarus/restrictions.html> (Дата обращения: 08.05.2017)

в российско-казахстанских отношениях стала девальвация рубля в конце 2014 г. Российские продукты резко подешевели в долларовом эквиваленте, и появилась угроза для роста цен отечественных потребителей, что способствовало введению эмбарго на вывоз российских товаров в Казахстане.

С теоретической точки зрения, как было упомянуто ранее, таможенный союз может способствовать повышению общего экономического благосостояния государств, если их рынки являются взаимодополняемыми и рассматриваются как основные.

Перспективы создания подобного механизма возможны лишь на следующем технологическом витке, поскольку качественные резервы текущего «пятого» технологического уклада практически исчерпаны и в системе международной конкурентоспособности проигрышны.¹⁰⁴

В настоящее время ЕЭК ведет целенаправленную работу по преодолению разобщенности интересов внутри Союза и продвижению к формированию скоординированной или общей политики в различных сферах экономики. До 2025 г. ЕАЭС для укрепления интеграционных связей придется решать ряд ключевых задач. Одной из важнейших задач является преодоление противоречий реальной торговой политики государств и единой таможенной территории, связанных с нетарифными ограничениями, четким выполнением правил происхождения товаров. Таким образом, товар будет считаться произведенным на территории страны СНГ или ТС, если он подвергнут достаточной переработке или стоимость материалов иностранного происхождения не превышает 5% цены конечного товара.¹⁰⁵

Согласно классической линейно-стадиальной модели поступательного развития интеграционных объединений Б. Баласса формирование полноценного экономического союза, как самой высокой стадии экономической интеграции, подтверждается наличием основных критериев и инструментов (институтов), например, таких как единая макроэкономическая политика, унифицированное законодательство и единая валюта.

С учётом договоренностей лидеров ЕАЭС в 2017 году о намерениях создания нескольких общих (товарных и секторальных) рынков к 2025 году, перспективой следующего этапа формирования Союза может стать создание единой расчётной единицы

¹⁰⁴ Глазьев С.Ю. Сопряжение Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и инициативы «один пояс – один путь» как основа построения Большого Евразийского Партнерства и перехода к новому мирохозяйственному укладу // В сборнике: Новая экономика: институты, инструменты, тренды. Материалы всероссийской научно-практической конференции. В 3-х частях. Под редакцией О.В. Пилипенко, С.Ю. Глазьева, А.Э. Айвазова, А.Г. Зайцева, Н.В. Спасской, Е.В. Такмаковой. 2019. С. 5-31.

¹⁰⁵ Кузьмина Е.М. АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА: Экономическое развитие стран ЕАЭС и перспективы экономической интеграции до 2025 г. / Российский совет по международным делам. Москва, 2017. – 24 с.

(по аналогии с ЭКЮ, использовавшейся в Европе в 1979-1998 гг. для расчётов внутри ЕС до введения евро или переводного рубля в СЭВ).¹⁰⁶

При этом надо понимать, что единая расчётная единица еще не является единой валютой. Государства-члены ЕАЭС могут использовать национальные валюты, но для обслуживания торговых потоков и облегчения взаиморасчётов российская сторона предлагает пользоваться рублём, взамен международных валют.

Таким образом, могут снизиться транзакционные издержки при конвертации иностранных валют. Среди государств-членов ЕАЭС еще существуют разногласия по вопросу создания единой расчётной единицы, а Казахстан и Кыргызстан активно выступают за создание новой криптовалюты вместо предлагаемого Россией рубля.¹⁰⁷ По мнению бывшего Президента Казахстана, «ни одна национальная валюта, включая такую мощную, как рубль, не годится на роль единой валюты».¹⁰⁸

По данным Банка России, доля расчетов в российской валюте в мире не превышает 1%, и по этому показателю Россия входит во второй десяток стран. В ЕАЭС эта доля составляет 60-80%. При этом в ЦБ признают, что рубль доминирует только в двусторонних сделках с участием России, прежде всего, в сфере экспорта по энергоносителям. В сделках между другими государствами пока преобладает американский доллар.

Только после успешного внедрения единой (региональной) расчётной единицы к 2025 году, можно предположить, что в перспективе возможно создание условий для введения единой валюты ЕАЭС.¹⁰⁹ С созданием единой союзной валюты группировка частично получит общие очертания экономического союза. Следует также отметить, что отказ от национальной валюты имеет массу проблем и противоречий экономического и политического характера. Для реализации этой цели необходима договорённость государств-членов об организации надгосударственного управления обращением единой валюты (т.е. надгосударственная система налогообложения¹¹⁰, надгосударственные дотации и субсидии, надгосударственная политика и её экономическое обеспечение), в

¹⁰⁶ В ЕАЭС предложили создать «расчетный инструмент Шелкового пути» [электронный ресурс] / Евразийский банк развития. URL: https://eabr.org/press/comments/v-eaes-predlozhili-sozdat-raschetnyy-instrument-shelkovogo-puti/?sphrase_id=2157

¹⁰⁷ Киргизия выпустит криптовалюту под добычу золота [электронный ресурс] / Вести Экономика. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/86758> (дата обращения: 15.06.2017)

¹⁰⁸ Назарбаев: ни одна нацвалюта не годится на роль единой валюты в ЕАС [электронный ресурс] / РИА Новости. URL: <https://ria.ru/interview/20111119/492544502.html> (дата обращения: 11.08.2017)

¹⁰⁹ Максим Орешкин: единая валюта ЕвразЭС может быть создана не ранее 2025 г. [электронный ресурс] / Портал внешнеэкономической информации (ved.gov.ru), Москва, 2 августа 2017. URL: <http://www.ved.gov.ru/news/23109.html> (Дата обращения: 10.08.2017)

¹¹⁰ COUNCIL DIRECTIVE 2006/112/EC of 28 November 2006 on the common system of value added tax / European Union. [2006]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32006L0112&from=GA> (Дата обращения: 10.08.2017)

результате чего государствам-членам придётся отказаться от части экономического и политического суверенитета в пользу такого общего эмиссионного центра.

Исходя из приоритетов развития ЕАЭС до 2025 г., достигших по результатам договорённостей лидеров ЕАЭС в 2017 г., предполагается создание нескольких общих рынков, что, по сути, является промежуточным этапом развития интеграции от таможенного союза к экономическому союзу. Единая макроэкономическая политика, являющаяся атрибутом экономического союза, частично проявляется лишь в скоординированной политике АПК. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что даже к 2025 г. ЕАЭС не будет проявляться как полноценный экономический союз, а скорее, как общий рынок.

Вместе с тем, Наталья Волчкова (директор НИИ «Центр экономических и финансовых исследований и разработок» (ЦЭФИР) по прикладным исследованиям) в своем выступлении на Гайдаровском форуме 2017 обратила особое внимание на цепочки добавленной стоимости (ЦДС). Она подчеркнула, что «низкая диверсификация экспорта и низкая вовлеченность в ЦДС является проблемой для всех стран ЕАЭС». По словам эксперта, «чем сильнее страна вовлечена во внешнюю торговлю, чем выше ее положение в цепочке, тем больше производство добавленной стоимости. При этом интеграция дает новые возможности для диверсификации экспорта государств-членов ЕАЭС».

Исследования учёных Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», использовавших вычислительную методологию на основе межстрановых таблиц «затраты–выпуск», позволяющих получить сравнительно достоверную количественную оценку этих утверждений, проанализировали положение России в глобальных цепочках создания стоимости. На основе полученных показателей межстрановых версий этих таблиц можно делать некоторые выводы.¹¹¹

Во-первых, несомненно, между повышением конкурентоспособности экспорта и долей добавленной стоимости в соответствующих отраслях существует взаимосвязь. Высокая доля добавленной стоимости наблюдается в сфере добычи полезных ископаемых (69 %), в отраслях промышленности с большой долей НИОКР (59 %), а также в образовании (70 %).

Во-вторых, повышение конкурентоспособности достигается за счет отраслей как с высокой, так и с низкой долей добавленной стоимости в зависимости от специфики и разных факторов (инновационность, спрос, рынки).

¹¹¹ Мурадов К.Ю. Встроена ли Россия в глобальные цепочки создания стоимости? // Вестник НГУЭУ. 2015. № 4. С. 92-117.

Применительно к ЕАЭС, на данном этапе развития (с учётом товарной структуры экспорта в страны дальнего зарубежья) повышение совокупной конкурентоспособности его экономики на глобальном рынке может быть достигнуто, прежде всего, при развитии высокотехнологичных отраслей промышленности с большой долей НИОКР либо экспорта наукоёмких услуг (телекоммуникационные, космический транспорт, R&D). Продукция местной обрабатывающей промышленности с высокой степенью переработки не может иметь высокую долю добавленной стоимости на глобальном рынке и быть конкурентоспособной. Такая продукция может быть конкурентной только на внутреннем рынке ЕАЭС и СНГ в силу уровня их экономического развития. Существующая структура экспорта ЕАЭС также не способствует повышению его глобальной конкурентоспособности и развитию внутренней экономики, поскольку глобальный сырьевой рынок перенасыщен. Развития можно достигнуть при создании производств с большой долей НИОКР, продукция с высокой добавленной стоимостью которых также способствует экономическому росту. Это представляется возможным при создании прорывных инновационных технологий широкого гражданского применения на новом технологическом витке развития национальной экономики.

Следует отметить ряд нерешенных в настоящий момент проблем, которые мешают переходу на более глубокие уровни координации монетарной политики. Среди них высокая инфляция и волатильность процентных ставок отдельных государств-членов, разные режимы монетарной политики в странах Союза и высокая волатильность валютных курсов.¹¹²

Что касается валютной и денежно-кредитной политик, то они существенно различаются в государствах-членах ЕАЭС. Например, в России, Беларуси и Кыргызстане имеет место гибкий валютный курс. Армения, в свою очередь, использует режим валютного коридора и ограничивает колебания драма в пределах 2%. Казахстан же в 2015 г. девальвировал тенге и объявил о переходе к режиму таргетирования инфляции с плавающим курсом.

Таким образом, несмотря на стремление стран-участниц ЕАЭС к осуществлению согласованной макроэкономической политики, к настоящему моменту существует ряд обстоятельств экономического и внешнеэкономического характера, которые препятствуют углублению сотрудничества по данному направлению.

¹¹² Демиденко М., Коршунов Д., Карачун О., Миксюк А., Пелипась И., Тоцицкая И., and Шиманов Г., «Денежно-кредитная политика государств-членов ЕАЭС: текущее состояние и перспективы координации.», Совместный доклад Евразийской экономической комиссии и Евразийского банка развития. Москва: ЕЭК., 2017.

В настоящее время ЕАЭС только в начале пути, старт которого выпал на экономически и политически сложное время. Таким образом, эксперты из ЕЭК не считают возникающие разногласия между странами-участниками серьёзными проблемами, а склоняются к тому, что это временные трудности в начале создания полноценного экономического союза. Формирование экономического союза предусматривает наряду с общим таможенным тарифом и свободой передвижения товаров и факторов производства координацию макроэкономической политики и унификацию законодательств в ключевых областях – валютной, бюджетной, денежной.

Спустя пять лет после начала функционирования ЕАЭС, по-прежнему остается актуальным вывод о том, «что на данном этапе своего развития ЕАЭС не является полноценным экономическим союзом, а скорее проявляет себя больше как продвинутая форма таможенного союза с дополнительными функциями (ТС+). Его функционирование не столько может изменить структуру национальных экономик государств-членов, и таким образом вывести их на более высокий уровень в мировой хозяйственной системе, а, прежде всего, изменить количественные торговые показатели и направления их потоков. На данном этапе ЕАЭС не столько стремится к стабильному положению своих государств-членов на международных товарных рынках, в силу своей технологической неконкурентоспособности, сколько к экономическому росту в мировой системе хозяйственных отношений за счёт увеличения торговли».¹¹³ На этом фоне будущее ЕАЭС зависит от многих факторов, в том числе от договорённостей по вопросам нетарифных барьеров, наращивания темпов взаимной торговли, развития и расширения внутреннего рынка, а также технологического прорыва.

Содействие фактора ВТО на интеграцию в ЕАЭС.

Представляется целесообразным рассматривать деятельность в ВТО в двух аспектах, во-первых, в качестве фактора воздействия на реализацию национальной внешнеэкономической политики, и, во-вторых, как правовую основу развития интеграционных процессов в рамках СНГ и ЕАЭС. При этом необходимо учитывать членство в ВТО ряда государств постсоветского пространства (включая страны Балтии), а также «соискательство» таких государств, как Азербайджан, Беларусь и Узбекистан, за исключением Туркмении.

Тем самым большая часть экономического пространства СНГ в значительной степени включена в сферу действия многосторонней торговой системы. Однако на

¹¹³ Багдасарян К.М. Позиции стран Евразийского экономического союза в мировой экономике на современном этапе. Вестник Университета (ГУУ). – М.: Издательский дом «Государственный университет управления». – 2016. – №9. С. 58-65.

практике приходится говорить об отсутствии значимых достижениях стран СНГ в ВТО, включая участников ЕАЭС. Во многом это связано со слабостью и уязвимостью позиций России и ее партнеров по ЕАЭС в глобальной торговле и мировой экономике. В этой связи необходимо говорить о важности консолидации усилий всех государств ЕАЭС в ВТО в части усиления макроэкономических показателей, так как именно они являются основой переговорной позиции в ВТО каждого члена этой организации.

Вместе с тем в настоящее время отсутствует достаточная координация позиций стран СНГ, включая государства-члены ЕАЭС при обсуждении текущей работы ВТО, также нескоординированными и несогласованными оказались и процесс присоединения, и условия членства партнеров по СНГ, и даже ЕАЭС. В результате экономические потери понесли, как и Россия, так и другие участники ЕАЭС. Одна из проблем связана с условиями членства Казахстана в части тарифных уступок в ВТО, а именно, размывание Единого таможенного тарифа (ЕТТ) ЕАЭС за счет значительных изъятий, в частности, возможность неконтролируемого ввоза (реэкспорта) на территорию России товаров из Китая и ряда других государств дальнего зарубежья. В результате эта система изъятий привела к тому, что экспортеры стран Таможенного союза научились использовать разницу таможенных ставок и различия в национальном налогообложении (например, ставка НДС в России составляет 18%, Казахстане – 12%, Беларуси – 20%). В этой связи, как справедливо отмечает И. В. Андропова, «ввозить товары (особенно китайские) через казахстанскую территорию стало выгодней, учитывая низкий уровень налогов, акцизов и других сборов в Казахстане, удобную транспортно-логистическую сеть.»¹¹⁴ Аналогичная неопределенная ситуация в сфере ЕТТ существует у Армении (по 770 пониженным тарифным позициям в рамках обязательств в ВТО) и Кыргызстана – около 170 ставок.¹¹⁵

Данная несогласованность значительной части тарифных позиций (оформленных как изъятия из ЕТТ) представляет собой яркий пример игнорирования работы на предыдущих этапах в ЕЭК по консолидации обязательств в ВТО государств-членов ЕАЭС, в частности, отсутствие единой позиции в ходе их переговоров о присоединении, отсутствие комплексного сравнительного анализа с учетом соответствия базовым критериям ВТО создания Таможенного союза, а затем и ЕАЭС. Также стоит отметить существующие расхождения по другим обязательствам в ВТО стран ЕАЭС, в частности,

¹¹⁴ Андропова И.В. Внешнеэкономическая безопасность Российской Федерации: новые угрозы и их нейтрализация в условиях ускоренной Евразийской интеграции. / Докторская диссертация. – М.: 2015, РАНХиГС. с. 228

¹¹⁵ См. Приложение 4 к Договору о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (Подписан в Минске 10.10.2014); см. Статью 1 к Договору о присоединении Кыргызской Республики к Договору о ЕАЭС от 29 мая 2014 г. (в ред. от 2. марта 2015 г.).

либерализация доступа на рынки услуг, поддержка сельского хозяйства, а также системные вопросы (например, субсидирование), которые требуют детального изучения и анализа.

Такой анализ необходим для достижения главной цели ЕАЭС, заключающейся в обеспечении свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также проведении скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики. В этой связи автором предлагается сводная сравнительная таблица базовых параметров условий и обязательств в ВТО участников ЕАЭС (см. таблицу 9).

В таблице 9 представлены обобщенные показатели по всем четырем блокам обязательств в ВТО каждой страны ЕАЭС. Однако, если брать более детальный уровень, например, в сфере тарифного регулирования, где возможны линейные сравнения, то даже здесь представляется целесообразным дополнительное сопоставление доли неадвалорных тарифных ставок, количества и параметров тарифных квот, числа принятых т.н. секторальных инициатив, дифференцированная разбивка минимальных и максимальных ставок пошлин и т.д. Однако, ключевое положение заключается в безусловном выполнении конкретных положений Соглашений ВТО в части соответствия национального законодательства и его правоприменения присоединяющейся страной.

Таблица 9 – Базовые условия присоединения стран-членов ЕАЭС к ВТО

Страна	Конечный уровень связывания импортных таможенных тарифов (средневзвешенный, %)			Конечный уровень поддержки сельского хозяйства (субсидии)	Обязательства по услугам (количество подсекторов)	Обязательства по системным вопросам в Докладе РГ (количество обязательств)
	Все товары	С/х товары	Промышленные товары			
Кыргызстана	7.5	12.6	6.7	De minimis 5%	136	29
Армения	8.5	14.7	7.6	De minimis 5%	106	39
Россия	7.6	11.2	7.1	4,5 млрд. долл. в год	122	163
Казахстан	6.1	7.6	5.9	De minimis 8.5%	116	118
Беларусь	–	–	–	–	–	–

Источник: Багдасарян К., Пахомов А. Проблемы участия государств ЕАЭС в деятельности ВТО // Экономическое развитие России. 2016. Т. 23. № 11. С. 31-37.

Что касается Республики Беларусь, то здесь также существует комплекс системных проблем. Процесс присоединения белорусской стороны вызывает особый интерес и озабоченность, потому как получение этой страной членства в ВТО на несбалансированных условиях (причем не по вине Беларуси) усугубит функционирование ЕАЭС и перспективы его дальнейшего развития.

Несмотря на некоторую приостановку работы по присоединению Республики Беларусь по политическим причинам с 2006 г., в последнее время наблюдается оживление

переговорного процесса, но кардинальных результатов пока не достигнуто, и сохраняется неопределенность по фискальным обязательствам.

В сложившихся обстоятельствах в качестве основы переговорной позиции Беларуси (как члена ЕАЭС), будет выступать не продуманная национальная политика, а действующие обязательства России и Казахстана. Это значительно упрощает переговорный процесс для ведущих стран-членов ВТО и достижение ими желаемых уступок и результатов по расширению и углублению обязательств Беларуси, а соответственно – всех государств ЕАЭС.

Существует еще одна серьезная системная проблема – соответствие ранее созданного Таможенного союза и «формирующегося» ЕАЭС (уже как экономического союза) базовым нормам и правилам ВТО, а также специальным трактовкам в соглашениях организации в отношении построения и функционирования интеграционных объединений.¹¹⁶ Указанные претензии в той или иной степени предъявляются и другим странам ЕАЭС, в частности, низкая транспарентность деятельности ЕАЭС, размытость границ регулирования на национальном и наднациональном уровнях (полномочия ЕЭК), а также другие проблемы (ЕТТ, новый Таможенный кодекс, переговоры по созданию ЗСТ, процедуры расследования и применения защитных мер).¹¹⁷

В данном контексте речь идет не только о традиционных отсылках к статье XXIV ГАТТ-94 «Территориальное применение – пограничная торговля – таможенные союзы и зоны свободной торговли», но и Договоренности о толковании статьи XXIV ГАТТ-94 и других базовых документах ВТО. В этой связи руководство ЕЭК разработало соответствующую программу действий,¹¹⁸ в рамках которой будут приняты меры для приведения правовой системы Союза и решений его органов в соответствие с Соглашениями ВТО. Однако стоит отметить отсутствие конкретных договоренностей о целях и задачах совместных действий в ВТО и единой торговой политике ЕАЭС. Эта же проблема – несоответствие нормам ВТО – затрагивает создание ЗСТ с третьими странами.

Представляется, что первоначальная стратегическая задача ЕЭК в отношении ВТО – получение статуса постоянного наблюдателя в организации (как форма достижения

¹¹⁶ Ранее Россия уведомила Секретариат ВТО о своем участии в интеграционных процессах по формированию ЗСТ СНГ, ЕврАзЭС, ЕЭП и ЕАЭС. Такие же нотификации сделали и другие члены ВТО – участники ЕАЭС. Однако эти обращения о признании соответствия нормам и правилам организации находятся в процессе длительного рассмотрения.

¹¹⁷ WTO Trade policy review: Russian Federation, 28 and 30 September 2016, Concluding remarks by the Chairperson. «Russia Hits Back at U.S., EU During Its First WTO Trade Policy Review» / *Inside U.S. Trade*, Vol. 34, No. 39 - October 7, 2016, Wash., p.9

¹¹⁸ Приложение N 31 «О функционировании Евразийского Экономического Союза в рамках многосторонней торговой системы» к Договору о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 08.05.2015). В рамках Союза к соответствующей проблематике применяется Договор о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы от 19 мая 2011 г.

международной правосубъектности ЕАЭС) – остается труднодостижимой в том числе по политическим причинам. Без получения такого статуса многие содержательные вопросы совместной деятельности в ВТО стран Союза практически не осуществимы.

Вместе с тем пассивное участие в ВТО государств-членов ЕАЭС сохраняется. Так, ни государства Союза, ни СНГ в целом не провели каких-либо совместных мероприятий и не подготовили общих инициатив к важному мероприятию – Министерской конференции ВТО в Нур-Султане, которая должна была пройти 8-11 июня 2020 г.

Конференция ВТО была перенесена из-за пандемии коронавируса COVID-19.

2.3 Взаимодействие ЕАЭС с третьими странами

В этом разделе рассматриваются два направления взаимодействия с ЕАЭС: первое – вступление в ЕАЭС и второе – создание ЗСТ.

Что касается первого направления, то согласно 108 статье Договора о ЕАЭС, Союз открыт для вступления в него новых стран, разделяющих его цели и принципы при условиях, которые были ранее согласованы всеми государствами-членами союза. В то же самое время, никаких формальных критериев, которым должны удовлетворять страны, вступающие в ЕАЭС, не предусмотрено.

Потенциал расширения интеграционного объединения зависит от множества факторов, среди которых можно выделить членство в ВТО, наличие налаженной логистики, относительную территориальную близость. Стоит заметить, что из-за напряженной политической ситуации западные страны нельзя рассматривать в качестве потенциальных новых членов ЕАЭС. Расширение на Восток в сторону Китая и Японии также маловероятно.

Соответственно, потенциальными членами ЕАЭС могут выступать страны СНГ, с которыми исторически существует преференциальный режим торговли и относительно тесное экономическое сотрудничество. Однако, например, членство Азербайджана возможно лишь при условии снятия блокады Армении. Узбекистан, Туркмения и Азербайджан, в свою очередь, даже не являются членами ВТО, что может оказать определённые трудности для объединения. Молдавия не имеет общей границы с ЕАЭС и фактически находится в блокаде со стороны Украины. Грузопотоки по реке Днестр также контролируются украинской пограничной службой. Вместе с тем Молдавия является ассоциированным членом ЕС и её потенциальное участие в ЕАЭС будет основано на существенных ограничениях и изъятиях.

Таким образом, на настоящий момент потенциальными членами на вступление в союз следует признать Таджикистан и Узбекистан, что также подтверждается авторскими

расчётами, представленными в следующей главе (см. главу 3).¹¹⁹ Уже сейчас можно говорить о том, что Таджикистан достаточно тесно связан с экономиками стран ЕАЭС, в особенности с Казахстаном и Россией.¹²⁰ В то же время, Таджикистан является активным участником ряда евразийских структур (ОДКБ, ЕАБР).

Евразийский Банк Развития¹²¹ указывает два основных плюса от вступления Таджикистана в ЕАЭС: рост инвестиций в страну и приток денежных переводов мигрантов. Согласно оценкам ЕАБР, потенциальный рост ВВП за счет инвестиций даст дополнительные 1,6 п. п. годового роста ВВП, а рост денежных переводов – 1 п.п. Также с учетом эффектов от трансфера технологий, повышения конкуренции, роста капиталовложений совокупный эффект роста потенциального ВВП может составить порядка 3,5 п.п. в год.

Процесс рассмотрения вступления Таджикистана в ЕАЭС идет с 2015 г. На данном этапе проработки этого вопроса оцениваются возможные последствия вступления для экономики Таджикистана. Этим занимается специально созданная в 2015 г. рабочая группа при Министерстве экономического развития и торговли Республики Таджикистан.¹²² Однако, на данный момент каких-либо результатов обсуждения все еще не обнародовано.

Что касается второго направления взаимодействия, то ЕАЭС расширяет направления сотрудничества со странами дальнего зарубежья, активизируя формат внешней торговли (вне границ торгового союза) в формате соглашений о создании ЗСТ. Декларируемой целью расширения такого формата является интеграция Союза в глобальную систему мировой торговли, а также его позиционирование как самостоятельного и влиятельного субъекта международного права. Однако можно предположить, что причиной такой высокой активности ЕАЭС на данном направлении является ограниченность внутреннего рынка, который не способствует её эффективному функционированию в региональном масштабе.

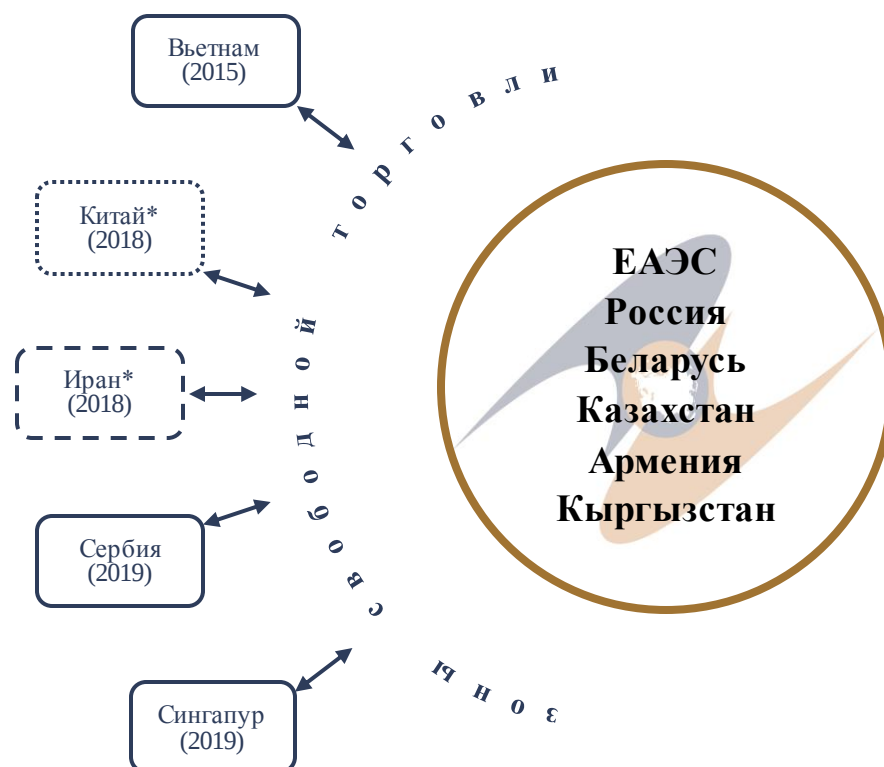
В настоящее время ЕАЭС стремится активно проводить переговоры со странами дальнего зарубежья, прежде всего с государствами Азии, по созданию с ними ЗСТ. Данная политика реализуется в рамках полномочий ЕЭК, которая является постоянно действующим наднациональным регулирующим органом ЕАЭС (см рисунок 8).

¹¹⁹ Винокуров Е.Ю., Коршунов Д.А., Перебоев В.С., Цукарев Т.В. Евразийский экономический союз. Санкт-Петербург: ЦИИ ЕАБР, 2017.

¹²⁰ На Казахстан приходится порядка 32% экспорта Таджикистана, а доля России и Казахстана в таджикском импорте 21% и 14% соответственно на 2017 г., согласно данным ИТС за 2017 г., и уступает лишь Китаю (39%).

¹²¹ Демиденко М.В. Оценка экономического эффекта присоединения Таджикистана к ТС и ЕЭП. Санкт-Петербург. 2013.

¹²² Винокуров Е.Ю., Коршунов Д.А., Перебоев В.С., Цукарев Т.В. Евразийский экономический союз. Санкт-Петербург: ЦИИ ЕАБР, 2017.

Примечания

1. Непреференциальное соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве.
2. — — — Временное соглашение, ведущее к образованию ЗСТ.
3. Источник: составлено автором

Рисунок 8 – Торговое взаимодействие ЕАЭС со странами дальнего зарубежья

Одним из главных факторов, обуславливающим сближение, в т. ч. с государствами Азии, являются проблемы углубления внутренней интеграции в самом ЕАЭС, что требует поиска и реализации новых направлений взаимодействия стран-участниц группировки.

Кроме того, в связи с торгово-политическими санкциями, Россия – как интеграционное ядро ЕАЭС – сталкивается с ограниченным выбором перспективных партнеров. Так, Россия ещё в рамках Таможенного союза планировала создать совместную ЗСТ «тройка» с Новой Зеландией и государствами Европейской ассоциации свободной торговли (Исландия, Норвегия, Швейцария и Лихтенштейн). Однако в 2014 г. эти переговоры были заморожены по причине введения торгово-политических санкций.

Особым случаем торгово-экономических взаимоотношений, имеющим скорее политический характер, является сотрудничество с Сербией.

*Республика Сербия (Сербия).*¹²³

¹²³ Для справки: в 2009 г. Сербия подала заявку на вступление в ЕС, в 2012 г. получила официальный статус государства-кандидата, а в 2014 г. приступила к переговорам о присоединении к ЕС. Если переговоры завершатся тем, что Сербия пополнит ряды государств-членов ЕС, она столкнется с необходимостью, расторгнуть ССТ с ЕАЭС в пользу общей торговой политики ЕС. В таком случае не исключено, что

На момент создания ЕАЭС государства-члены ранее созданного Таможенного союза (Беларусь,¹²⁴ Казахстан¹²⁵ и Россия¹²⁶) имели действующие двусторонние соглашения по ЗСТ с Республикой Сербией, в связи с чем требовалась их унификация в евразийском формате и переоформление в договор на многостороннем уровне. Несмотря на то, что данные переговоры отчасти носили технический характер, хотя существуют и содержательные проблемы, на протяжении долгого времени они оставались замороженными, поскольку внешнеэкономическая политика Сербии носит разнонаправленный характер, балансируя между европейским и евразийским векторами.¹²⁷

Однако, несмотря на указанные проблемы, 25 октября 2019 г. в Москве было подписано региональное торговое соглашение между ЕАЭС и его государствами-членами с одной стороны, и Республикой Сербия с другой стороны (Соглашение ЕАЭС-Сербия).¹²⁸

Примечательно, что в 2018 г. товарооборот ЕАЭС с Сербией составил 2288 млн.долл. (1105 млн.долл. – экспорт и 1184 млн.долл. – импорт).¹²⁹ Среди государств-членов ЕАЭС ведущим партнёром Сербии является Россия: в 2018 г. доля России в общем объёме товарного импорта ЕАЭС из Сербии составляла 91,7%, а в общем объёме товарного экспорта ЕАЭС в Сербию – 91,5%. В то же время экспорт отдельных товаров (грузовых автомобилей, стальных прутков, тракторов) приходится преимущественно на Беларусь.

По мнению экспертов из Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России (ВАВТ), с точки зрения глубины «Соглашение ЕАЭС-Сербия всё же заметно проигрывает соглашениям ЕАЭС-Вьетнам и ЕАЭС-Сингапур, т.к. почти не идёт дальше регулирования вопросов торговли товарами в контексте ГАТТ-94. Любые противоречия между положениями Соглашения ЕАЭС-Сербия и нормами Марракешского

денонсация Соглашения ЕАЭС-Сербия будет сопровождаться предоставлением компенсации со стороны Сербии и ЕС за прекращение режима свободной торговли.

¹²⁴ Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Сербия о свободной торговле между Республикой Беларусь и Республикой Сербия (Минск, 31.03.2009)

¹²⁵ Соглашение о свободной торговле между Правительством Республики Казахстан и Правительством Республики Сербия (Астана, 07.10.2010)

¹²⁶ Соглашение между Правительством России и Союзным Правительством Союзной Республики Югославии о свободной торговле между Россией и Союзной Республикой Югославией (Белград, 28.08.2000); Протокол между Правительством России и Правительством Республики Сербии об изъятиях из режима свободной торговли и правилах определения страны происхождения товаров к Соглашению между Правительством России и Союзным Правительством Союзной Республики Югославии о свободной торговле между Россией и Союзной Республикой Югославией от 28 августа 2000 г.

¹²⁷ Сербия-ЕАЭС: перспективы интеграции в рамках зоны свободной торговли. Рабочая тетрадь № 37/2016 / [Я.Д. Лисоволик, Е.С. Чимириш]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2016. – 28 с.

¹²⁸ Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Сербией, с другой стороны [электронный ресурс] / ЕЭК. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/Pages/Соглашение-с-Сербией.aspx> (дата обращения: 22 ноября 2019)

¹²⁹ Внешняя торговля ЕАЭС по странам [электронный ресурс] / ЕЭК. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Documents/2018/12-102019/E201812_2_1.pdf (дата обращения: 22 ноября 2019)

соглашения об учреждении ВТО разрешаются в пользу последних, при этом Сербия членом ВТО пока не является.»¹³⁰

Ориентация соглашения исключительно на торговлю товарами не в полной мере отвечает его преамбуле, согласно которой стороны стремятся создать не только условия для свободного перемещения товаров, но и условия для свободного перемещения капитала, что скорее можно рассматривать как декларативные положения. Среди целей соглашения также говорится о достижении финансовой стабильности государств-членов. Тем не менее, намерения сторон относительно интеграции в финансово-инвестиционной сфере остались не раскрыты в тексте соглашения.

Что касается активизации торгового сотрудничества ЕАЭС с государствами Азии, то важным фактором этого процесса является их относительная географическая близость, сложившаяся логистика, а главное – экономический рост и хозяйственный потенциал этих стран.¹³¹

Внешнеэкономический курс России «разворот на Восток» впервые был озвучен после Саммита АТЭС Владивосток-2012, который впервые проходил в России на острове Русский.¹³² В последние годы принято считать, что этот курс вызван ограниченностью перспективных партнеров по причинам торгово-политических ограничений Запада против России, однако эти ограничения появились двумя годами позже, а именно в 2014 г. «Разворот на Восток» вызван реальной ситуацией в глобальной экономике и быстрым ростом экономики Азиатского региона по отношению к экономикам других регионов. При этом ряд азиатских государств демонстрируют желание сотрудничать с ЕАЭС и являются привлекательными партнерами как динамично развивающиеся экономики с быстрорастущими внутренними рынками.

Следует отметить, что в настоящее время позиции России и других членов ЕАЭС в международной экономике и глобальной торговле в целом достаточно слабы и уязвимы. Однако азиатские партнеры в настоящее время являются странами с разным экономическим и внешнеторговым потенциалом, что необходимо учитывать при проведении переговоров по ЗСТ (см. таблицу 10).

¹³⁰ О новых зонах свободной торговли с участием ЕАЭС. Соглашение ЕАЭС–Сингапур // Мониторинг актуальных событий в области международной торговли № 39. ВАВТ. [2019]. URL: [http://www.vavt.ru/materials/site/77705783cfeca84a432584bf00392575/\\$file/Monitoring_39.pdf](http://www.vavt.ru/materials/site/77705783cfeca84a432584bf00392575/$file/Monitoring_39.pdf) (дата обращения: 10.01.2020)

¹³¹ Багдасарян К.М. Азиатский вектор интеграционной повестки Евразийского экономического союза // Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран. Памяти Л.И. Рейснера: Ежегодник 2018. – М.: ИВ РАН, 2018. – С.130-139

¹³² Пресса России: «разворот на Восток» российской экономики / BBC Russian. 2012. URL: https://www.bbc.com/russian/russia/2012/09/120910_rus_press (дата обращения: 10.02.2020)

Таблица 10 – Основные макроэкономические показатели отдельных стран Азии за 2019 г.

Страна	Объем ВВП (млрд долл. США) ¹	Экспорт товаров (млрд долл. США) ²	Импорт товаров (млрд долл. США) ²	Экспорт услуг (млрд долл. США) ²	Импорт услуг (млрд долл. США) ²	Темпы роста ВВП за 2015-2019 (в %) ¹
Россия	1640	443	248	64	94	0,6
КНР	14140	2486	2135	266	525	6,6
Индия	2940	324	514	204	176	7,3
Ю.Корея	1630	604	535	103	133	2,7
Таиланд	529	252	248	81	55	3,5
Иран	458	105	49	10	17	0,1
Израиль	387	61	76	49	30	3,3
Сингапур	362	412	370	182	184	2,6
Египет	302	27	72	23	18	4,7
Вьетнам	284	243	236	15	18	6,6

Источники:

1 – по данным МВФ (nominal GDP in current prices | real GDP growth)

2 – по данным ВТО за 2018 г. (merchandise trade | total services trade)

Помимо внутриэкономических проблем этому также способствует их позиция (вес) во Всемирной торговой организации ВТО. Поэтому консолидация деятельности всех государств-членов ЕАЭС на основе норм и правил ВТО имеет первостепенное значение в реализации задач единой торговой политики Союза для качественного улучшения её торговых и экономических показателей.¹³³

В основе этих соглашений, прежде всего, снижение уровня применяемых импортных тарифов и нетарифных мер, а также ряда других положений по либерализации торговых режимов на основе норм и правил ВТО.¹³⁴

На данном этапе интеграционного развития ЕАЭС не столько стремится к стабильному положению государств-членов на международных рынках товаров и услуг в силу своей низкой технологической конкурентоспособности, сколько к расширению своих позиций в системе мирового хозяйства за счёт увеличения объемов преференциальной торговли. Таким образом, ЕАЭС активно использует любую возможность для начала переговоров о создании ЗСТ с т.н. третьими странами (или группами стран).¹³⁵

В настоящий момент ЕАЭС имеет пять действующих соглашений с третьими странами, а именно: соглашение о ЗСТ с Вьетнамом, Сингапуром, Сербией, а также временное торговое соглашение (с ограниченным уровнем либерализации сроком на 3 года)

¹³³ Багдасарян К.М. Проблемы участия государств ЕАЭС в деятельности ВТО / А.А. Пахомов, К.М. Багдасарян // Экономическое развитие России, Vol. 23, No. 11, ноябрь 2016. pp. 31-37.

¹³⁴ Пахомов А.А. Тарифные переговоры в рамках присоединения России к ВТО // Внешняя торговля. – М.: 2000. – №2 – С. 34-38.

¹³⁵ Багдасарян К.М. Возможности сближения между Евразийским экономическим союзом и Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии / А.А. Пахомов, К.М. Багдасарян // Вестник университета (ГУУ). – М.: Издательский дом «Государственный университет управления». – 2017. – №11. С. 105-114

с Ираном и непреференциальное соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве, которое не предусматривает отмены таможенных пошлин, с Китаем.

Согласно данным, приведённым в периодическом докладе PWC 2017 г. «World in 2050»,¹³⁶ при отсутствии торговых барьеров в мировой торговле на долгосрочную перспективу и глобальных цивилизационных угроз или катастроф, росту мировой экономики до 2050 г. будут способствовать растущие рынки развивающихся стран (emerging countries) Азии. Прежде всего, группы «Е7»,¹³⁷ что способствует перемещению центра глобальной экономики из Европы в быстрорастущие экономики азиатского региона.

По расчётам экспертов РАНХиГС, суммарный макроэкономический выигрыш для России от ЗСТ, подразумевающий взаимное обнуление импортных пошлин (как научное допущение) исключительно в торговле товарами, составит с Южной Кореей около 4 млрд долл. США, с АСЕАН – примерно 5 млрд долл., со странами ШОС – около 10 млрд долл. и с ЕС – от 30 до 40 млрд долл. ежегодно.¹³⁸

Однако не все так просто и быстро. Проведение переговоров и согласование интересов всех сторон являются сложным и многоэтапным процессом. Необходимо учитывать специфику и структуру каждого этапа. Многоэтапность включает в себя исследование о целесообразности заключения соглашения, создание совместной исследовательской группы (СИГ), выработку единой переговорной позиции с конкретной страной, проведение нескольких раундов переговоров, ратификацию в странах участницах, а также множество бюрократических процедур внутри ЕЭК и также странах-членах Союза. При этом ранее упомянутые партнеры по переговорам, как правило, имеют большой опыт переговоров и применения соглашений по ЗСТ, и им не требуется многоэтапного согласования.

Социалистическая Республика Вьетнам (Вьетнам).

Первым государством, с кем было заключено соглашение о ЗСТ, стал Вьетнам, как наиболее важный политический и экономический партнер России в регионе ЮВА. Соглашение было подписано 29 мая 2015 г. и вступило в силу после ратификации всеми договаривающимися сторонами 5 октября 2016 г.

¹³⁶ The World in 2050. Summary report. February 2017 [электронный ресурс] / PricewaterhouseCoopers LLP (PWC). URL: <https://www.pwc.com/gx/en/world-2050/assets/pwc-world-in-2050-summary-report-feb-2017.pdf> [Дата обращения: 23.02.2017].

¹³⁷ Определение группы стран E7, состоящей из семи крупных растущих экономик было дано экономистами компании PWC John Hawksworth и Gordon Cookson в 2006 г. В группу входят страны БРИК + Мексика, Индонезия и Турция.

¹³⁸ Синельников-Мурылев С.Г., Кнобель А.Ю., Кадочников П.А. Открытость российской экономики как источник экономического роста // Вопросы экономики. – Москва: 2016. – № 12. – С. 26-42.

Данное соглашение мотивировано, в частности, желанием России нарастить товарооборот с Вьетнамом до 10 млрд долл. к 2020 г., а также получить за счет организации промсборки опосредованный доступ на рынки АСЕАН. В свою очередь, экономические интересы Вьетнама заключаются в расширении рынков сбыта своей традиционной продукции.

Россия в рамках этого Договора также имеет отдельное соглашение с Вьетнамом в сфере «Торговля услугами, капиталовложения и перемещение физических лиц». При этом, как отмечено в обзоре ЕЭК, «гарантируемые данным Соглашением условия доступа услуг и поставщиков услуг являются более либеральными, чем предусмотрено обязательствами России и Вьетнама в рамках ВТО».¹³⁹

Так, уже в 2017 г. в целом прирост экспорта товаров России составил 25,3% и 24,7% – по импорту. Во Вьетнаме – 21,4 и 21,0% соответственно. Однако двусторонний товарооборот между странами расширялся темпами почти на 50% выше общего роста (хотя здесь есть элемент т.н. демонстрационного эффекта): динамика прироста российского экспорта во Вьетнам увеличилась на 38,7%, а импорта – на 34,8%. При этом вьетнамский ввоз в Россию рос опережающими темпами по преференциальным товарным позициям, зафиксированным в соглашении по ЗСТ. По другим сферам взаимодействия существенного прогресса не зафиксировано.

Распоряжением Евразийского межправительственного совета (ЕМПС) №16 от 27 октября 2016 г. были приняты решения о начале торговых переговоров с рядом государств о заключении соглашения о ЗСТ (либо ПТС) а именно: С Арабской Республикой Египет, Государством Израиль, Республикой Индией, Исламской Республикой Иран, Китайской Народной Республикой, Республикой Сербией и Республикой Сингапур.¹⁴⁰

Китайская Народная Республика (Китай).

В рамках XI Астанинского экономического форума 17 мая 2018 г. ЕАЭС и КНР подписали Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве. Оно является непреференциальным и не предусматривает отмены таможенных пошлин, (т.е. не затрагивает вопросы снижения тарифов и сокращения нетарифных мер), а его целью является повышение эффективности регуляторных принципов и среды для бизнеса договаривающихся сторон. Вместе с этим соглашение закрепляет правосубъектность

¹³⁹ Обзор ключевых положений Соглашения о свободной торговле между ЕАЭС и Социалистической Республикой Вьетнам [Электронный ресурс]. // Евразийская экономическая комиссия: [сайт]. [2017]. – URL: [http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Обзор Соглашения о свободной торговле между странами ЕАЭС и Вьетнамом.pdf](http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Обзор%20Соглашения%20о%20свободной%20торговле%20между%20странами%20ЕАЭС%20и%20Вьетнамом.pdf). – Загл. с экрана. (дата обращения: 23.октября.2017).

¹⁴⁰ Правовой портал [Электронный ресурс]. // Евразийский экономический союз: [сайт]. [2017]. – URL: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/Pages/AllDocuments.aspx#>. – Загл. с экрана. (дата обращения: 22.октября.2017).

ЕАЭС, повышает транспарентность, а также закладывает основу для активизации торгово-экономического сотрудничества между ЕАЭС и КНР, который является приоритетным партнёром для большинства участников Союза.

Спустя полтора года с момента подписания, а именно 25 ноября 2019 г. настоящее Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР вступило в силу.¹⁴¹

В рамках сотрудничества с Китаем рассматривается участие государств-членов ЕАЭС в реализации цивилизационного проекта Экономический проект Шелкового пути (ЭПШП). Поскольку важнейшей задачей проекта является снятие инфраструктурных ограничений для торговли и выстраивание системы связанных транспортно-логистических коридоров, то для ЕАЭС ЭПШП в основном является инфраструктурным проектом, и в среднесрочной перспективе возможные выгоды от этого проекта ожидаются от участия в совместном строительстве объектов инфраструктуры.

Следует отметить, что инициатором создания транспортной артерии ЕПШП является Китай, при этом основные торгово-транспортные пути пролегают в обход России. Риторика политического руководства Китая свидетельствует о том, что они не намерены строить инфраструктуру для России и других стран ЕАЭС, а сотрудничество должно строиться исключительно на идеологии равноправного беспроигрышного партнёрства “win-win”. Таким образом, Россия должна проделать очень серьёзную работу, в частности, по модернизации Байкало-Амурской и Транссибирской магистралей, а также обеспечить безопасность передвижения грузов и скорость.¹⁴²

Арабская Республика Египет (Египет).

Перспективное соглашение расширенного формата ЗСТ+ ЕАЭС с Египтом обещает большие экономические выгоды для всех сторон, особенно для России. Данный формат соглашения подразумевает принятие дополнительных обязательств, опережающих условия сотрудничества членов в рамках «классической» ЗСТ. В частности, проект договора предусматривает либерализацию в сфере торговли услугами, обмен инвестициями и рабочей силой, охрану прав интеллектуальной собственности, таможенное, техническое, санитарное и фитосанитарное регулирование, конкурентную политику, доступ к рынку госзакупок, кооперацию, урегулирование споров и др.

¹⁴¹ Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР вступило в силу / ЕЭК. 2019. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/25-10-2019-5.aspx> (дата обращения: 03.02.2020)

¹⁴² Транссибирская магистраль, построенная при императоре Николае II, до сих пор остаётся основным транспортным хабом, связывающим восточную и западную части России. Средняя скорость продвижения составов по Транссибу составляет 11,7 км/ч.

Поскольку Египет является крупнейшим потребителем российской пшеницы (четыре миллиона тонн в год), то в рамках дальнейшего сотрудничества Россия планирует строительство объектов зерновой инфраструктуры на египетской территории. Кроме этого, у ЕЭК имеется большой портфель проектов, который он может предложить Египту. Например, планируется строительство атомной станции в Ад-Дабаа на побережье Средиземного моря (за счет российских кредитов).

В рамках преференциального сотрудничества организуется специальная промышленная зона (ОЭЗ) в Восточном Порт-Саиде, где планируется размещение отделений или филиалов предприятий автомобилестроения, нефтехимии, энергетики, медицины и строительных материалов из России и стран ЕАЭС. Реализация этих планов откроет новые логистические возможности и может способствовать дальнейшей бизнес-экспансии отечественных компаний не только в Египет, но также на Ближний Восток и в Африку.

Однако следует учесть, что большинством экономических агентов, присутствующих на египетском рынке, являются американские и европейские компании. Таким образом, для ограничения рынка от новых конкурентов создаются искусственные барьеры технического и административного характера, затрудняющие доступ российских товаров на египетский рынок. Одним из главных условий для участия в Египетских тендерах является наличие американского или европейского сертификата соответствия, что препятствует продвижению российского экспорта в Египет.

Исламская Республика Иран (Иран).

Иран относится к числу традиционных партнёров России, но не является членом ВТО (что осложняет подписание договора о создании ЗСТ в «классическом» виде), поэтому с самого начала речь шла о разработке некоего преференциального соглашения, «ведущего к образованию ЗСТ».

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 апреля 2018 г. №739-р был одобрен проект Временного соглашения, ведущего к образованию ЗСТ между ЕАЭС и его государствами-членами с одной стороны, и Исламской Республикой Иран с другой стороны. Соглашение предусматривает образование ЗСТ по ограниченной номенклатуре товаров и подлежит ратификации, так как содержит правила, отличные от предусмотренных российским законодательством.¹⁴³

¹⁴³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 апреля 2018 г. №739-р «О подписании Временного соглашения, ведущего к образованию зоны свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Исламской Республикой Иран, с другой стороны» [электронный ресурс] / Правительство России. URL: <http://static.government.ru/media/files/RpcZVW1ktAxOT4uavg8blvcUcvAc92zE.pdf>

На иранском рынке существует немало нетарифных ограничений, которые создают определённые сложности в разработке соглашения, и поэтому важно договориться о прозрачности процедур их применения. Сказывается и влияние международных санкций, прежде всего, со стороны США, на развитие экономики и внешнеэкономические связи страны.

По результатам визита президента Ирана Хасана Роухани в Россию в марте 2017 г., была достигнута предварительная договорённость по подписанию соглашения «нефть в обмен на товары» (oil-for-goods) по продаже России 100 тысяч баррелей нефти в сутки, а за год – порядка 5 миллионов тонн.¹⁴⁴ Взамен Россия будет поставлять Ирану товары на 45 миллиардов долларов, прежде всего товары для железных дорог, железнодорожные вагоны, большие грузовики, автобусы, продукцию авиационной промышленности, самолёты «Sukhoi Superjet» и оборудование для аэродромов.¹⁴⁵

Экономические выгоды России и других государств-членов ЕАЭС от соглашения о ЗСТ с Ираном будут заключаться в возможности участия в освоении месторождений нефти и газа в Иране, в частности российскими нефтегазовыми компаниями «Зарубежнефть» и «Росгеология». Россия также является крупнейшим поставщиком зерна – например, по данным ФТС России, в 2015 году Иран закупил 1,523 миллиона тонн российской пшеницы и меслин.

В итоге, временное торговое соглашение с ограниченным уровнем либерализации сроком на три года было также подписано 17 мая 2018 г. в рамках XI Астанинского экономического форума, а вступило в силу спустя полтора года – 27 октября 2019 г.¹⁴⁶

В рамках соглашения стороны договорились снизить импортные пошлины на товарные категории, составляющие 50% объема взаимной торговли, а также соблюдать основополагающие принципы ВТО. Настоящее соглашение включает 862 кода товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности (ТН ВЭД): 502 кода с «евразийской» стороны и 360 кодов – с иранской. По истечению срока данного соглашения предполагается заключить между сторонами новое полноформатное соглашение о ЗСТ.¹⁴⁷

¹⁴⁴ Russia may buy 5 million tons of Iran's oil per year [электронный ресурс] / Iranian Students News Agency. URL: <http://en.isna.ir/news/95121811893/Russia-may-buy-5-million-tons-of-Iran-s-oil-per-year> (дата обращения: 08.05.2017)

¹⁴⁵ In Moscow, Medvedev will meet with Iranian President Rouhani [электронный ресурс] / Russia news today. URL: <http://chelorg.com/2017/03/27/in-moscow-medvedev-will-meet-with-iranian-president-rouhani/> (дата обращения: 08.05.2017)

¹⁴⁶ Сегодня вступило в силу временное соглашение о ЗСТ между ЕАЭС и Ираном / ИА Исламской Республики (IRNA). 2019. URL: <https://ru.ima.ir/news/83532532/Сегодня-вступило-в-силу-временное-соглашение-о-ЗСТ-между-ЕАЭС> (дата обращения: 03.02.2020)

¹⁴⁷ Подписано Временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли между ЕАЭС и Ираном [электронный ресурс] / Евразийская экономическая комиссия. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/17-05-2018-1.aspx> (дата обращения: 01.06.2018)

Республика Сингапур (Сингапур).

Третье полноформатное соглашение о ЗСТ между ЕАЭС и его государствами-членами с одной стороны, и Сингапуром с другой стороны, было подписано 1 октября 2019 г. на заседании Высшего Евразийского экономического совета, которое проходило в г. Ереване (Армения).¹⁴⁸

С момента начала переговоров между сторонами в 2016 г. прошло четыре раунда согласований, последний из которых завершился в Сингапуре в июне 2018 г. Сложности переговорного процесса определялись высокой степенью либерализации внешней торговли товарами в Сингапуре (средний импортный тариф в стране близок к нулю), в связи с чем акцент делался на либерализацию торговли услугами.

Сингапур является одним из крупнейших мировых торговых портов, третьим по величине мировым центром по нефтепереработке и четвертым мировым производителем полупроводников. Поскольку основой сингапурской экономики является оказание разнообразных услуг (транспортных, погрузо-разгрузочных, складских, информационно-коммуникационных, торговых, услуг по переработке товаров и их реэкспорту, финансовых, туристических, рекреационных и др.), то основные вопросы сотрудничества преимущественно охватывают торговлю услугами и касаются поощрения и защиты инвестиций между обеими сторонами.

От заключенного Соглашения Сингапур, в первую очередь, ожидает получить высокие технологии и инвестиции. Значительный рост торговли традиционными минерально-сырьевыми товарами, зерном и военно-промышленной продукцией отечественных компаний и государств-членов ЕАЭС имеет сомнительные перспективы. Важную роль в экономике Сингапура играют транснациональные корпорации, поэтому доступ на местный рынок товаров отечественных производителей представляется весьма ограниченным, исходя из существующих конкурентных преимуществ иностранных товаров.

Вместе с тем, подписанное соглашение, по сути – пакет документов, предусматривающий формирование Рамочного соглашения о комплексном сотрудничестве и ряда соглашений, включающих меры по открытию рынков. Обязательства государств-членов ЕАЭС подразумевают единый режим торговли товарами в отношении третьих стран и координацию в торговле услугами. В соответствии с этим, одновременно было заключено соглашение о формировании ЗСТ в части торговли товарами между Сингапуром, ЕАЭС и

¹⁴⁸ Соглашение о свободной торговле с Республикой Сингапур (2019) [электронный ресурс] / ЕЭК.
URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/Pages/Соглашение-с-Сингапуром.aspx> (дата обращения: 22 ноября 2019)

государствами-членами Союза. Соглашения о торговле услугами и инвестициям будут заключены на двустороннем уровне. В настоящее время такое соглашение подписано только с Республикой Арменией.¹⁴⁹

На момент заключения соглашения с ЕАЭС по большинству товарных позиций Сингапур (как было отмечено ранее) практически обнулил¹⁵⁰ ввозные таможенные пошлины по отношению ко всем членам ВТО, исключение составили алкогольные напитки и табак.

В части нетарифного регулирования ряд положений соглашения между ЕАЭС и Сингапуром можно считать более продвинутыми. Как и другие соглашения о формировании ЗСТ, договоренности между Сингапуром и ЕАЭС базируются на нормах и правилах ВТО. Тем не менее, в ряде случаев рассматриваемое соглашение содержит положения ВТО+ и ВТО-Х, теоретически выходящие за рамки договоренностей на многостороннем уровне.

Стоит отметить, что в силу высокой конкурентоспособности сферы услуг, которая является основой сингапурской экономики, выгоды для ЕАЭС, где этот сектор не получил должного развития, от сотрудничества могут оказаться переоцененными и ограниченными, что требует дополнительной проработки реализации потенциала Союза в этой сфере.

Государство Израиль (Израиль).

В 2016 г. были начаты переговоры о создании ЗСТ между государством Израиль и ЕАЭС. Первый раунд переговоров состоялся 27 апреля 2018 г.: стороны обсудили меры торговой защиты, правила определения происхождения товаров, таможенное сотрудничество, разрешение споров, технические барьеры в торговле, санитарные и фитосанитарные меры, государственные закупки и другие вопросы торговли товарами.

Эксперты ЕАЭС считают, что израильские сельхозпроизводители могут нарастить свое присутствие на российском рынке. Однако подписание данного соглашения требует большого количества времени, поскольку между государствами-членами ЕАЭС пока не выработана единая официальная переговорная позиция для проведения этих переговоров.

Согласно заявлению израильского посла в России (Гарри Корен) от 13 февраля 2018 г. между Израилем и ЕАЭС достаточно много позитивного потенциала. Однако посол

¹⁴⁹ Armenia - Singapore Agreement on Trade in Services and Investment (2019) [электронный ресурс] / ЕЭК. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaties/treaties-with-investment-provisions/4906/armenia---singapore-agreement-on-trade-in-services-and-investment-2019-> (дата обращения: 22 ноября 2019)

¹⁵⁰ Tariffs and imports: Summary and duty ranges (Singapore) [электронный ресурс] / WTO. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/daily_update_e/tariff_profiles/SG_e.pdf (дата обращения: 22 ноября 2019)

подчеркивает израильское преимущество в области торговли услугами, в том числе в сфере высоких технологий.

Республика Индия (Индия).

В рамках переговоров по созданию ЗСТ между ЕАЭС и Индией также рассматривается подписание расширенного соглашения нового типа (ЗСТ плюс).¹⁵¹ В настоящее время осуществляется активная работа не только над проработкой соглашения о свободной торговле, но также над новым соглашением о взаимной защите инвестиций.¹⁵²

Работа совместной исследовательской группы (СИГ) ЕАЭС и Индии была начата в 2015 г. По оценкам ЕЭК, взаимная либерализация торгового режима приведет к росту ВВП всех стран ЕАЭС и Индии. В частности, суммарный прирост ВВП в странах ЕАЭС прогнозируется в краткосрочной перспективе до 1,5 млрд долл. и в долгосрочной перспективе – до 3 млрд долл.

В июне 2017 г. в рамках Петербургского международного экономического форума было объявлено о начале официальных переговоров по заключению ЗСТ. Следует отметить, что индийский рынок является достаточно непредсказуемым, непрозрачным, определенно сложным и своеобразным в связи с культурно-исторической особенностью ведения бизнеса и политикой экономического развития Индии после получения независимости. Для участия компаний государств-членов ЕАЭС в крупномасштабных индийских проектах в сфере экономики необходимо уделить особое внимание тому факту, что рынок Индии является лидером в мире по применению ограничительных мер.

Так, по данным центра исследований экономической политики «Global Trade Alert», в период с ноября 2008 г. и по июнь 2015 г. Индией было применено 270 ограничивающих торговлю мер (тарифных и нетарифных) по отношению к странам БРИКС (81 ограничительная мера к России).¹⁵³

По информации международного фонда развития «The Asia Foundation», помимо технических барьеров в торговле (ТБТ), нотифицированных в ВТО, на уровне индийских штатов также существуют локальные нетарифные барьеры для импортеров, которые находятся в неведении центрального правительства. В Индии каждый штат напоминает отдельную страну, часто с собственным языком, культурными обычаями и

¹⁵¹ Индию приглашают в зону ЕАЭС [Электронный ресурс]. // «Коммерсантъ»: [сайт]. [2017]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3313463>. – Загл. с экрана. (дата обращения: 23.октября.2017).

¹⁵² ЕАЭС и Индия прорабатывают соглашение о создании зоны свободной торговли / ТАСС. 2020. URL: <https://tass.ru/ekonomika/7520875> (дата обращения: 04.02.2020)

¹⁵³ BRICS Trade Strategy: Time for a Rethink [электронный источник] / Global Trade Alert. URL: www.globaltradealert.org/reports/download/22 (дата обращения: 02.05.2018)

предпочтениями. Сборы и импортные пошлины на уровне разных штатов в Индии также могут различаться.

Индия декларирует, что её вмешательство на государственном уровне в торговую политику является намеренным шагом для достижения роста производства и экспорта продукции сельского хозяйства, высокотехнологичной продукции, а также товаров, которые имеют важную роль в региональных цепочках добавленной стоимости (ЦДС).

По мнению индийский экспертов (Shoaib Khan, 2020) из Центра центральноевразийских исследований Университета Мумбаи,¹⁵⁴ существуют преимущества от заключения ЗСТ с ЕАЭС, а именно:

- а) товарооборот между сторонами в ближайшей перспективе может вырасти на 30-40% от текущего уровня в зависимости от глубины либерализации тарифов;
- б) увеличение торговли с Россией и другими членами ЕАЭС повысит перспективы индийской торговли, которая сейчас находится в отрицательной зоне впервые с 2013 г., согласно Глобальному торговому барометру DHL. За три месяца накануне сентября 2019 г. индекс GTV для Индии упал на четыре пункта – до 49, из-за вялой трансокеанской торговли;
- в) увеличение индийского экспорта сельскохозяйственной, пищевой и текстильной продукции, включая готовую одежду, а также химической, фармацевтической и другой продукции. В свою очередь, Индия заинтересована в передовых технологиях, например, в авиастроении, судостроении, металлургии, химической промышленности или в создании «умных городов»;
- г) к 2024 г. торговля между Индией и Россией может вырасти с 10 млрд.долл. до намеченных 30 млрд.долл. и позволит вывести Индию на рынки Центральной Азии.
- д) в полной мере будет использоваться международный транспортный коридор Север-Юг, который соединяет Мумбаи с иранским портом Чабахар и направляется на восток в Афганистан и на север – в Азербайджан и Россию.

Республика Корея (Южная Корея).

Между ЕЭК и Министерством промышленности, торговли и энергетики Южной Кореи был подписан Меморандум о сотрудничестве от 27 ноября 2015. В настоящее время, в рамках СИГ¹⁵⁵ между двумя сторонами ведутся экспертные консультации по созданию ЗСТ.

¹⁵⁴ Индия сближается с ЕАЭС для выхода на рынки Центральной Азии – индийский эксперт / «Евразия Эксперт». 2020. URL: <http://eurasia.expert/indiya-sblizhaetsya-s-eaes-radi-rynkov-tsentralnoy-azii/> (дата обращения: 04.02.2020)

¹⁵⁵ Необходимо отметить, что Россия создавала СИГ с Ю.Кореей еще в 2006 г., но продолжения эта идея тогда не получила. Южнокорейские эксперты имеют большой опыт в реализации ЗСТ.

Южная Корея не раз демонстрировала желание углублять партнерство именно с Россией. Для южнокорейской стороны одним из главных аргументов сближения является снижение таможенных пошлин. На данный момент Южная Корея является шестым по величине торговым партнером России, на нее приходится 3,6% внешнеторгового оборота.

Однако более 90% экспорта ЕАЭС в Южную Корею приходится на Россию, в основном это нефть, сельскохозяйственные продукты, минеральное сырье и металлы. Напротив, основу импорта составляет широкий спектр промышленной продукции. Стоит отметить, что на текущем этапе развития ЕАЭС не может в значительных объемах предложить Южной Корее несырьевой экспорт. Сырьевая производственная структура ЕАЭС слабо перекрывается с высокотехнологичной производственной структурой Ю.Кореи, а в трансграничных производственных цепочках предприятия ЕАЭС занимают низшие звенья, то есть добывают сырье и производят его первичную обработку.

Как представляется, наибольшие перспективы при создании ЗСТ имеет инвестиционная, а не торговая деятельность. Искключительно торговый проект не удовлетворит интересы ЕАЭС, ведь общий рынок государств-членов не выдержит конкуренции с продукцией из Южной Кореи – особенно он может «пострадать» от поставок автомобильной техники.

Королевство Таиланд (Таиланд).

В настоящее время также ведутся экспертные консультации и оцениваются возможности создания ЗСТ с Таиландом. В сентябре 2016 г. ЕЭК получила официальный запрос от таиландской стороны о начале совместного исследования о целесообразности образования ЗСТ с ЕАЭС. Однако в настоящее время переговоры все еще находятся на уровне обсуждения создания СИГ. Обе стороны соглашения ждут друг от друга выхода на новый уровень бизнес сотрудничества, который способен вызвать содержательный рост торговых показателей. Таиланд, в частности, как и другие быстрорастущие страны, ожидает от сотрудничества с ЕАЭС инвестиций, современных технологий или возможность создать новые производственные ЦДС. Однако при этом в трансграничных производственных цепочках предприятия ЕАЭС занимают низшие звенья, то есть добывают сырье и производят его первичную обработку, а в Таиланде и особенно в Республике Корея происходит превращение этого сырья в полуфабрикаты и готовую продукцию.

Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

Ещё одним потенциальным партнером Союза по преференциальной торговле является группировка АСЕАН. О потенциале формирования ЗСТ между ЕАЭС и группировкой говорилось на саммите Россия-АСЕАН в Сочи 20 мая 2016 г.¹⁵⁶

По результатам саммита, в пункте 20 Сочинской декларации¹⁵⁷ стало предложение «О создании ЗСТ с АСЕАН», которое выглядит как шаг, продиктованный необходимостью для ЕАЭС встроиться в систему мегарегиональных торговых блоков в азиатском регионе, возможно с прицелом на Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП). Такое сотрудничество создаст условия для встраивания бизнеса ЕАЭС в существующие ЦДС в регионе ЮВА. Однако, по мнению некоторых российских экономистов, между данной декларацией и существующей деловой практикой пока лежит пропасть.¹⁵⁸

В настоящее время большинство стран АСЕАН¹⁵⁹ относятся к динамично развивающимся государствам мира, которые обладают значительным природно-экономическим потенциалом и обширным внутренним рынком, а также формируют общее экономическое пространство в рамках группировки и выходят на новый уровень интеграции с основными зарубежными партнерами.

Ассоциация является одним из наиболее успешно развивающихся на базе ЗСТ+ региональных объединений в мире. Важно отметить, что Ассоциация – это политическая, экономическая и культурная региональная межправительственная организация стран с особой моделью интеграции. При этом основным инициатором сотрудничества с АСЕАН является Россия, но будет реализовано практически полностью ЕЭК, в силу ее наднациональных компетенций в данной сфере. Сближение с Ассоциацией в определенной мере стимулируется подписанием двух соглашений по ЗСТ с Вьетнамом и Сингапуром, а в перспективе и с другими странами АСЕАН.

По мнению некоторых российских экспертов, от сотрудничества со странами ЕАЭС и, в частности, с Россией, АСЕАН в первую очередь надеется получить технологии. Однако более 50% российского экспорта в эти страны Юго-Восточной Азии составляют энергоресурсы, продукция химической промышленности и сельского хозяйства.

¹⁵⁶ Пахомов А.А. Возможности сближения между Евразийским экономическим союзом и Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии / А.А. Пахомов, К.М. Багдасарян // Вестник университета (ГУУ). – М.: Издательский дом «Государственный университет управления». – 2017. – №11. С. 105-114

¹⁵⁷ Сочинская декларация «На пути к взаимовыгодному стратегическому партнерству» [электронный ресурс] // Саммит Россия – АСЕАН. URL: <http://russia-asean20.ru/load/194715> (дата обращения: 22.10.2017)

¹⁵⁸ Ремчукова В.К. Что мешает торговле между ЕАЭС и АСЕАН [электронный ресурс] / Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/ideas/2016-06-03/5_asean.html (дата обращения: 03.06.2016)

¹⁵⁹ Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) образована 8 августа 1967 г. в Бангкоке. Первоначально в нее вошли т.н. некоммунистические страны - Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд и Филиппины. Позднее к ним присоединились Бруней-Даруссалам (1984 г.), Вьетнам (1995 г.), Лаос и Мьянма (1997 г.), Камбоджа (1999 г.). Статус наблюдателя имеют Папуа - Новая Гвинея и Восточный Тимор.

Теоретическая заманчивость широкого сотрудничества с азиатскими странами и реализации их потенциала способствовала переоценке возможностей ЕАЭС и в определенной мере искажила реальные возможности сотрудничества. Таким образом, осуществление задуманных интеграционных планов ЕАЭС в полном объеме видится весьма затруднительным, особенно при практической реализации достигнутых договоренностей.

С учётом современного состояния развития Союза, представляется, что главным двигателем интеграционных процессов является Россия. Другие страны (за исключением, Казахстана) по разным причинам не столь заинтересованы в глобальном сближении с государствами Азии. Поэтому в ближайшее время целями сближения с третьими странами могут выступать геополитические и геостратегические мотивы российской стороны.

Необходимо учитывать, что освоение рынков стран Азии – процесс сложный, требующий больших усилий, знаний специфики этих государств и особенности азиатской культуры ведения бизнеса. Это предполагает системные действия с долгосрочным эффектом и отказ от традиционного проектно-ориентированного подхода с кратковременным результатом. Азиатский рынок является сильно фрагментированным, а успех на нем невозможен без постоянного присутствия, поэтому странам ЕАЭС предстоит еще много сделать, чтобы реализовать намеченные цели интеграции в этом регионе.

Европейский Союз.

По мнению директора Центра интеграционных исследований ЕАБР (Винокуров Е.Ю., 2016), особое внимание следует уделять сотрудничеству ЕАЭС-ЕС в формате ЗСТ. При создании такой зоны необходимо формирование комплексного соглашения, которое будет покрывать значительно более широкий круг вопросов, чем стандартное соглашение о ЗСТ. Эксперт объясняет это тем, что «узко сформулированная ЗСТ не выгодна ни России, ни Казахстану, поскольку обе страны экспортируют преимущественно сырье. Нужно структурировать многочисленные «фрагменты», исходя из асимметричных интересов сторон. Пакет соглашений должен охватывать множество сфер: от торговли товарами и услугами до свободы передвижения капитала и трудовых ресурсов, безвизового режима, развития трансграничной и транзитной инфраструктуры, взаимного признания технических стандартов и др.»¹⁶⁰ По сути предложенная форма сотрудничества с ЕС больше напоминает таможенный союз.

¹⁶⁰ Винокуров Е.Ю. Каким должен быть диалог между ЕС и Евразийским союзом [электронный ресурс] / Газета РБК. «Выпуск № 234 (2490) (1612) от 16 декабря 2016». URL: <http://www.rbc.ru/newspaper/2016/12/16/58526a0b9a7947e2dd8f8773>

Также необходимо отметить подписанное в 2017 г. в рамках «Восточного партнёрства» Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве (CEPA - The Comprehensive and Enhanced Partnership Agreement) между Республикой Армения с одной стороны и ЕС, Европейским сообществом по атомной энергетике (Евроатом) и её государствами-членами с другой стороны.¹⁶¹ Данный документ является рамочным соглашением по развитию всего спектра двусторонних отношений с акцентом на экономику, но не предусматривает создания ЗСТ. Теперь Армения является единственным государством, которое одновременно входит в ЕАЭС и ОДКБ и имеет рамочное соглашение с ЕС.¹⁶² Соглашение также не отменяет преференциальный режим торговли GSP+ (Generalised Scheme of Preferences), что позволяет ряду армянских производителей легко выходить на европейские рынки.

Раздел торгового сотрудничества является наиболее объемной частью всего Соглашения ЕС-Армения. Его основная правовая база – ГАТТ-1994 и Соглашение о ВТО. В рамках торгового сотрудничества стороны обязуются не дискриминировать на своих рынках товары друг друга, будь то через заградительные импортные пошлины, квоты, лицензии или другие ограничения, а также не применять заградительных пошлин для экспорта собственных товаров. Также стороны выражают готовность устранять технические преграды для торговли, сотрудничать в санитарном и фитосанитарном контроле.

Представляется, что заключение множеств пересекающихся соглашений, в т. ч. о создании ЗСТ, уводит от решения ключевых задач формирования и совершенствования деятельности ЕАЭС. Переговоры о создании ЗСТ с третьими странами и группировками являются по сути второстепенным направлением работы, реализация которых может дать, как правило, незначительный эффект (прирост торговли с третьими странами), а содержательные проблемы функционирования Союза отодвигаются на второй план.

В таком активном распространении региональных торговых соглашений известный американский экономист Дж. Бхагвати увидел вполне реальную угрозу многосторонней международной торговой системе. По его мнению, множественность пересекающихся и

¹⁶¹ Comprehensive and enhanced partnership agreement between the European union and the European atomic energy community and their member states, of the one part, and the Republic of Armenia, of the other part [электронный ресурс] / Council of the European Union. URL: <http://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-12525-2017-ADD-1/en/pdf> (дата обращения: 19.08.2018)

¹⁶² В рамках экономического сотрудничества с ЕС Армения должна предпринять дополнительные шаги для развития эффективной рыночной экономики и, там, где это возможно, сближать регулирование с европейским. В свою очередь ЕС будет содействовать стабильной макроэкономической политике Армении, в том числе работе Центробанка по стабильности цен, валютного курса и финансовой системы. Стороны также обязуются сотрудничать во внутреннем контроле и аудите госсектора, в том числе налоговой системы, а также в сборе и обмене статистическими данными.

накладывающихся друг на друга региональных торговых соглашений образует «клубки спагетти» (spaghetti bowls), чреватых хаосом.¹⁶³

В исследованиях профессора Гарвардского университета (Alberto Alesina, 2005), посвящённых оценке влияния размеров стран и степени их открытости с точки зрения участия во внешней торговле на общественное благосостояние (в рамках теоретической модели) и экономический рост (при проведении эмпирических расчетов), следуют однозначные выводы о том, что в условиях повышения активности внешней торговли торговых союзов с третьими странами (вне границ торгового союза) и глобального снижения ставок таможенных пошлин (обеспечиваемого, в том числе и правилами ВТО), позитивные экономические эффекты внутри торговых союзов снижаются.¹⁶⁴

Вместе с тем международная экономическая интеграция всегда осуществляется исходя из наличия множества уникальных условий и факторов. Однако в научной литературе всегда осуществляются попытки группировать их по типам, видам, моделям и другим укрупнённым признакам.

Как было указано ранее, интеграционная модель определяется некоторым набором классификационных признаков, при комбинации которых можно получить несколько десятков уникальных моделей. В связи с этим сопоставление особенностей модели ЕАЭС с рассматриваемыми действующими интеграционными объединениями целесообразно осуществлять по конкретным классификационным признакам.

Основные признаки, которые определяют создание и функционирование того или иного интеграционного объединения – юридическая форма взаимодействия и общие цели. Например, такие объединения как НАФТА и Тихоокеанский Альянс функционируют на базе соглашения о ЗСТ, однако условия взаимодействия их государств-членов существенно отличаются. Внешняя политика НАФТА никогда не была направлена на расширение и углубление формы интеграции, при этом Тихоокеанский Альянс готов к расширению и углублению интеграции. В связи с чем по ряду классификационных признаков эти два объединения отличаются, хотя, как уже было отмечено, их функционирование осуществляется в рамках соглашения о ЗСТ.

Ряд интеграционных объединений, которые представлены в таблице (см. ПРИЛОЖЕНИЕ А) функционирует в форме таможенного союза. Очевидно, что таможенный союз является более продвинутой формой интеграции чем ЗСТ, но при этом все интеграционные объединения, действующие в этом формате, имеют разные цели,

¹⁶³ Bhagwati J. The World Trading System at Risk. Princeton (NJ), 1991

¹⁶⁴ Alesina, Alberto & Spolaore, Enrico & Wacziarg, Romain, 2005. «Trade, Growth and the Size of Countries» Handbook of Economic Growth, in: Philippe Aghion & Steven Durlauf (ed.), Handbook of Economic Growth, edition 1, volume 1, chapter 23, pages 1499-1542 Elsevier.

глубину, институциональное оформление, скорость, стратегию и экспансивность. В таких объединениях, как КОМЕСА и Центральноамериканская интеграционная система (ЦАИС), не сформирован общий рынок с присущими ему принципами свободного перемещения «четырёх факторов», а существующие органы управления не имеют наднациональных полномочий. В МЕРКОСУР и ССАГПЗ помимо таможенного союза, также в определенной степени функционирует общий рынок, но с разным уровнем развития. Институциональная структура этих объединений представлена в более широком виде, но также без наднациональных полномочий.

Несмотря на то, что ЕАЭС и ЕС функционируют на основе рамочного соглашения о таможенном союзе и представлены в базе нотифицированных региональных торговых соглашений ВТО как таможенные союзы с дополнительными соглашениями об экономическом сотрудничестве, глубина взаимодействия государств-членов в рамках этих объединений существенно отличается от вышеперечисленных.

Отметим, что все рассмотренные объединения в формате ТС снизили интенсивность взаимодействия с внешними странами в 2017 г. по сравнению с 2011 г. Наибольшим образом импорт из третьих стран упал в ЦАИС, тогда как для ЕС это показатель практически не изменился. Для ЕАЭС наблюдается значение 0,88, что указывает на снизившуюся интенсивность импорта из третьих стран (см. ПРИЛОЖЕНИЕ А).

Резюмируя вышесказанное, важно отметить, что современные интеграционные процессы в мировой экономике всё чаще формируются за счет дифференцированных механизмов и имеют разноскоростной и разнонаправленный характер, а их сравнение целесообразно проводить по классификационным признакам.

Следует отметить, что на определенных этапах развития интеграционных процессов также присутствует т.н. демонстрационный эффект (быстрые показатели успеха). Заключая разного рода соглашения о ЗСТ со странами дальнего зарубежья, ЕАЭС прикладывает активные усилия, чтобы добиться положительного экономического эффекта, и, таким образом, оказать определенное психологическое воздействие на другие страны, которые, конечно, следят за происходящими изменениями. Реальный экономический эффект различных преобразований удастся проследить лишь в динамике за несколько лет при наличии адекватной статистики и фактологических данных.

Данная ситуация ориентирует экспертное сообщество не на обсуждение проблем совершенствования деятельности ЕАЭС, изменения структур их экономик, выстраивания экономических и кооперативных связей как таковой, а на поиск теоретических ответов по улучшению РТС и усилению их позитивных эффектов для торговли, таким образом

переводит дискуссию из экономической в большей степени в бюрократическую или политологическую плоскость.

3 Формирование индекса региональной интеграции стран ЕАЭС

3.1 Обзор методик по оценке региональной интеграции

Динамическое развитие интеграционных процессов значительно повысило интерес к количественной оценке уровня и степени интеграции. При этом особенность этой сферы исследования заключается в том, что современные подходы к региональной экономической интеграции приводят к общему мнению о том, что это сложное и комплексное явление, включающее различные подходы и механизмы для взаимодействия между странами.

Результатом применения разных по своей содержательной сущности методик по расчету региональной интеграции являются интеграционные эффекты, характеризующие различные направления экономического развития конкретных страны. Это особенно важно для наднациональных регулирующих органов и координационных органов стран-участниц, потому как предоставляет возможность оценить процесс интеграционного взаимодействия в комплексе с позиции эффективности и результативности принятых мер¹⁶⁵ и определить сферы и области, отстающие в интеграционном развитии.

Все это повышает актуальность оценки уровня и степени интеграции для определения перспективности направлений развития стран-участниц интеграционных объединений, формирования общих приоритетов, выстраивания межстранового диалога для осуществления более глубокой интеграции.

Важным требованием к измерению уровня региональной экономической интеграции является специфичность показателя для каждой из стран интеграционного объединения. Иными словами, предлагаемый показатель интеграции должен иметь такую структуру, которая позволит на основе экономических показателей рассчитать для рассматриваемой страны уровень её интеграции в группу конкретных стран. Кроме того, индекс должен отражать основные аспекты международной экономической интеграции, а также быть доступен для расчета для широкого множества стран мира.

В этой связи предлагается изучить сложившийся опыт составления индекса экономической интеграции (Азиатско-тихоокеанский региональный интеграционный индекс (ARCI), индекс региональной интеграции в Африке (ARII), индекс Европейского Союза (EU Index), а также индекс ЕЭК.

Азиатско-тихоокеанский региональный интеграционный индекс (Asia-Pacific Regional Cooperation and Integration Index – ARCI)

¹⁶⁵ Система индикаторов интеграции как инструмент анализа функционирования региональных интеграционных объединений / ЕЭК, 2019 // http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/developDocs/Documents/Индикаторы_интеграции.pdf (дата обращения: 10.12.2019)

В 2017 г. в Отчете об экономической интеграции в Азии, подготовленном Азиатским банком развития, был представлен новый сводный индекс – Индекс регионального сотрудничества и интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе (ARCI) – для оценки степени регионального сотрудничества и интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе.¹⁶⁶ Цель ARCI – оценить степень интеграции каждой экономики в экономику региона, выявить сильные и слабые стороны многочисленных факторов региональной интеграции, отслеживать прогресс всесторонним и систематическим образом.

ARCI включает 26 показателей, которые измеряют аспекты региональной интеграции по шести направлениям: интеграция торговли и инвестиций (trade and investment integration), интеграция денег и финансов (money and finance integration), региональные производственно-сбытовые цепочки (regional value chains), инфраструктура и связь (infrastructure and connectivity), свобода перемещения людей (free movement of people), а также институциональная и социальная интеграция (institutional and social integration). Каждое направление было разбито на несколько индикаторов (см. таблицу 11).

Таблица 11 – Состав индекса ARCI

Индекс	Индикатор	
I. Интеграция торговли и инвестиций	1	Доля внутрирегионального экспорта товаров в общем экспорте товаров
	2	Доля внутрирегионального импорта товаров в общем импорте товаров
	3	Индекс интенсивности внутрирегиональной торговли
	4	Доля внутрирегиональных притоков ПИИ в общем притоке ПИИ
	5	Доля внутрирегиональных входящих и исходящих потоков ПИИ к общему потоку входящих и исходящих ПИИ
II. Денежная и финансовая интеграция	6	Доля внутрирегиональных трансграничных долевого обязательств (cross-border equity liabilities) в общей сумме трансграничных долевого обязательств
	7	Доля внутрирегиональных трансграничных обязательств по облигациям в общей сумме трансграничных обязательств по облигациям
	8	Попарная дисперсия ставок по депозитам, усредненная по регионам, по сравнению с усредненной по всему миру
	9	Попарная корреляция доходности капитала, усредненная по регионам, за вычетом усредненной по всему миру
III. Региональные цепочки добавленной стоимости (ЦДС)	10	Соотношение между усредненным индексом взаимодополняемости торговли по региональным торговым партнерам и усредненным индексом дополняемости торговли по всем торговым партнерам
	11	Соотношение между усредненным индексом концентрации торговли по региональным торговым партнерам и усредненным индексом концентрации торговли по всем торговым партнерам
	12	Доля внутрирегионального экспорта промежуточных товаров в общем объеме внутрирегионального экспорта товаров
	13	Доля внутрирегионального импорта промежуточных товаров в общем объеме внутрирегионального импорта товаров

¹⁶⁶ Asian Development Bank (ADB). 2017. Asian Economic Integration Report 2017: The Era of Financial Interconnectedness: How Can Asia Strengthen Financial Resilience? Manila. <https://aric.adb.org/aeir>

Индекс	Индикатор	
IV. Инфраструктура и связь	14	Соотношение между усредненными торговыми затратами (average trade cost) по региональным торговым партнерам и усредненными торговыми затратами по всем торговым партнерам
	15	Соотношение между усредненным индексом связности прямой доставки по региональным торговым партнерам и усредненным индексом связности прямой доставки по всем торговым партнерам
	16	Индекс эффективности логистики (в целом)
	17	Индекс ведения бизнеса (в целом)
V. Свобода движения людей	18	Доля внутрирегиональной исходящей миграции в общей исходящей миграции
	19	Доля внутрирегиональных туристов в общем количестве туристов (въездные и выездные)
	20	Доля внутрирегиональных денежных переводов в общей сумме денежных переводов
	21	Доля других азиатских стран, которым не требуется въездная виза
VI. Институциональная и социальная интеграция	22	Доля других азиатских стран, с которыми подписаны соглашения о свободной торговле
	23	Доля других азиатских стран, которые имеют посольство
	24	Доля других азиатских стран, с которыми подписаны инвестиционные соглашения
	25	Доля других азиатских стран, с которыми подписаны соглашения об избежании двойного налогообложения
	26	Культурная близость с другими азиатскими странами по сравнению со всеми другими странами мира

Источник: Asia-Pacific Regional Cooperation and Integration Index/ Asia Regional Integration Center. [2017]. URL: https://aric.adb.org/pdf/aeir/AEIR2017_7_asia-pacific-regional-cooperation-and-integration-index.pdf

Формирование индекса состояло из двух этапов: во-первых, были рассчитаны шесть субиндексов основных направлений как средневзвешенные значения составляющих их показателей; во-вторых, был сформирован общий индекс как средневзвешенное значение полученных шести субиндексов.

Согласно методологии Х. Ху и К. Пака¹⁶⁷ на каждом этапе веса индексов определялись на основе анализа главных компонент (РСА) – многомерного статистического метода, обычно используемого для создания составных индексов, который объединяет набор переменных для извлечения максимально общей информации из отдельных индикаторов. Согласно Р. Лоусону (Lawson and Gwartney) такая процедура особенно подходит, когда каждый индикатор измеряет различные аспекты составного индекса.¹⁶⁸ Анализ главных компонент также рекомендуется, когда каждое измеряемое направление основано на небольшом числе показателей (т. е. 3–10).¹⁶⁹

¹⁶⁷ Huh, Hyeon-Seung, and Cyn-Young Park. 2017. “Asia-Pacific Regional Integration Index: Construction, Interpretation, and Comparison» ADB Economics Working Papers Series No. 511. <https://www.adb.org/publications/asia-pacific-regional-integration-index>

¹⁶⁸ Gartner, J., & Lawson, R. (2001). Economic freedom of the world: 2001 annual report. <http://www.freetheworld.org/>.

¹⁶⁹ Organization for Economic Co-operation and Development (OECD) (2008). Handbook on constructing composite indicators: Methodology and user guide. European Commission. Paris: OECD.

Вместе с тем индекс ARCII был основан на данных за один год (2013), отчасти потому, что данные за другие годы были не доступны и не охватывали многие малые островные страны в Тихом океане. Одногодичный ARCII также отразил некоторые сложности достижения консенсуса по наилучшему подходу к созданию согласованных по времени весов для составления показателей, которые могут внезапно стать доступными или отсутствовать со временем. Тем не менее, одногодичный ARCII не обладал способностью улавливать динамический характер региональной интеграции.

Методология Х.Ху и К. Пака была несколько расширена для возможности отслеживания прогресса в региональном сотрудничестве и интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также с целью повысить надежность и простоту интерпретации индекса. В частности, при создании ARCII были использованы панель нормализации и панель PCA, которые помогли лучше отследить эволюцию индекса во времени и выявлять различные факторы региональной интеграции во времени. Уточнение методологии – преобразование процентилей нормализованных значений индикатора – также дает более надежные индексы.

Индекс региональной интеграции в Африке (Africa Regional Integration Index – ARII)

В начале 2016 г. Комиссия Африканского союза, Африканский банк развития и Экономическая комиссия ООН для Африки,¹⁷⁰ объявив региональную интеграцию приоритетом развития для Африки, разработали Индекс региональной интеграции Африки для отслеживания прогресса стран-членов в достижении общих целей региональной интеграции. Еще одной целью индекса стала возможность выявления пробелов и информационной поддержки политических решений в части выполнения обязательств по региональной интеграции.¹⁷¹

Индекс региональной интеграции в Африке имеет пять основных измерений: торговая интеграция (Trade integration), региональная инфраструктура (Regional infrastructure), продуктовая интеграция (Productive integration), свободное перемещение людей (Free movement of people) и финансовая и макроэкономическая интеграция (Financial integration and macroeconomic convergence). Эти компоненты разделены на 16 показателей, выбранных на основе наличия данных и их чувствительности – прямой или косвенной – к региональной интеграции в Африке (см. таблицу 12).

¹⁷⁰ African Union Commission, African Development Bank, & UN Economic Commission for Africa (2016). African development bank, and UN economic commission for Africa. Methodology for calculating the Africa regional integration index (ARI). <http://www.integrate-africa.org/>.

¹⁷¹ Africa Research Bulletin (2015). Economics, financial and technical series, vol. 51 Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell. 12.

Таблица 12 – Индекс региональной интеграции стран Африки

Индекс	Индикатор	
I. Композитный индикатор - Торговая интеграция	1	Уровень ставок таможенных пошлин на импорт
	2	Доля внутрирегионального экспорта товаров (% ВВП)
	3	Доля внутрирегионального импорта товаров (% ВВП)
	4	Доля от общей внутрирегиональной торговли товарами (% от общей торговли внутри региона)
II. Композитный индекс Региональная инфраструктура	5	Индекс развития инфраструктуры
	6	Доля внутрирегиональных рейсов (полетов)
	7	Общая региональная торговля электроэнергией (нетто) на душу населения (абсолютное значение)
	8	Средняя стоимость роуминга
III. Составной индекс продуктовой интеграции	9	Доля внутрирегионального экспорта промежуточных товаров (% от общего объема внутрирегионального экспорта товаров)
	10	Доля внутрирегионального импорта промежуточных товаров (% от общего объема внутрирегионального импорта товаров)
	11	Индекс взаимодополняемости торговли товарами
IV. Составной индекс свободного передвижения людей	12	Ратификация страной протокола региона о свободном передвижении людей
	13	Доля стран-членов региона, гражданам которых не требуется виза для въезда:
	14	Доля стран-членов региональных экономических сообществ, граждане которых могут получить визу по прибытии
V. Составной индекс финансовой интеграции и конвергенции макроэкономической политики	15	Региональная конвертируемость национальных валют
	16	Разница в уровне инфляции (на основе Гармонизированного индекса потребительских цен (HICPI))

Источник: Africa Regional Integration Index. Report 2016 / Africa Regional Integration Index. [2016]. URL: https://www.integrate-africa.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/ARII-Report2016_EN_web.pdf

ARII является одновременно «статической картиной», средством действия и предупреждения. Индекс характеризуется несколькими измерениями: аналитическим, которое пытается максимально точно определить состояние региональной интеграции на уровне стран регионального экономического сообщества, и оперативным измерением, позволяющим заинтересованным сторонам содействовать региональной интеграции в целях развития Африки. Этот индекс предназначен для предоставления директивным органам на всех уровнях (национальном, региональном и международном), предприятиям и другим заинтересованным сторонам, работающим в направлении региональной интеграции в Африке, надежной и независимой информации, которая позволяет им:

- оценить степень региональной интеграции каждой страны и регионального экономического сообщества;
- определить сильные и слабые стороны процесса интеграции с помощью анализа профилей составного индекса;
- отследить тенденции во времени;

ARIИ призван стать полным, прагматичным, практическим и мотивирующим показателем экономической и коммерческой составляющих региональной интеграции в Африке.

Составной индекс отдельного направления рассчитывается как простое среднее значение нормализованных индикаторов этого направления. Это подразумевает, что индикаторы должны иметь одинаковый вес. Общий составной индекс региональной интеграции рассчитывается с использованием нормализованных составных индексов пяти направлений с использованием простого среднего арифметического.

Составной индекс каждого направления предполагает равные веса его индикаторов. Измерения с использованием высококоррелированных показателей подразумевают двойное взвешивание в комбинированном индексе ARIИ. Поэтому корреляции показателей были протестированы для каждого измерения (с использованием коэффициента корреляции Пирсона), и были выбраны только показатели с низким уровнем корреляции.

Необходимо отметить несколько важных различий индекса азиатского индекса ARCII и африканского ARIИ. Во-первых, ARCII включает в себя измерение трансграничных инвестиционных потоков и взаимосвязанности финансовых рынков в региональной интеграции. Например, субиндекс для торговли и инвестиций отражает потоки прямых иностранных инвестиций, что соответствует широкому признанию в литературе важности связей между торговлей и ПИИ. В частности, в Азии создание местных экспортных платформ в рамках региональной цепочки поставок является основной движущей силой ПИИ¹⁷². Во-вторых, субиндекс «деньги и финансы» вбирает в себя количественные и ценовые показатели рыночных связей. Индикаторы фиксируют трансграничные потоки инвестиций в акции и облигации и корреляции доходности акций, а также конвергенцию трансграничных процентных ставок, связанных с денежно-кредитной политикой.

В условиях финансового дерегулирования и либерализации в последние десятилетия валютные и финансовые рынки все больше взаимосвязаны на региональном и глобальном уровнях, и ожидается, что интеграция в этой области будет играть важную роль в общей экономической интеграции. В-третьих, азиатский индекс ARCII также учитывает

¹⁷² Asian Development Bank (ADB) (2016). Asian economic integration report: What drives foreign direct investment in Asia and the Pacific Manila, Philippines: Metro

международные соглашения с зарубежными странами, связанные с инвестициями и финансами. Ни один из этих компонентов не присутствует в Африканском индексе региональной интеграции.

В-четвертых, еще одна оригинальная особенность ARCII заключается в построении составного индекса. Африканский индекс использует среднее арифметическое значение для формирования общего индекса и индексов отдельных направлений, при котором все компоненты имеют одинаковый вес. Это равное взвешивание хорошо работает, если показатели некоррелированы и все размерные подиндексы основаны на одинаковом количестве показателей. Однако, если некоторые показатели сильно коррелируют, объединение этих переменных с равными весами, вероятно, приведет к двойному учету в составном индексе.

Кроме того, когда составные индексы направлений опираются на сильно отличающееся количество индикаторов, пропорциональное взвешивание будет означать больший вес для направлений, связанных с большим количеством индикаторов. Это может привести к несбалансированной структуре в составном индексе.¹⁷³ Метод анализа главных компонент не подвержен этим недостаткам, поскольку использует корреляционную структуру данных для исправления перекрывающейся информации среди индикаторов.

Индекс Европейского Союза (EU-Index)

Среди интеграционных объединений наиболее существенно в вопросе разработки системы показателей, оценивающих уровень и влияние интеграции, продвинулся Европейский Союз.

Европейская интеграция – это многоуровневый процесс, состоящий из существенных различий в условиях и возможностях индивидуального участия государства-члена ЕС. Следовательно, общие утверждения о национальном уровне европейской экономической интеграции очень расплывчаты. Индекс ЕС предлагает уникальную основу, поскольку теперь национальные различия можно проиллюстрировать одним статистическим показателем. Между государствами-членами обнаруживаются большие неоднородности в отношении общей европейской экономической интеграции и различных субиндексов. Используя кластерный анализ, можно показать, что экономические неоднородности в ЕС сочетаются с сильной и даже растущей кластеризацией его членов, что ставит под сомнение нынешние и будущие шаги европейской интеграции (см. таблицу 13).

¹⁷³ Organization for Economic Co-operation and Development (OECD) (2008). Handbook on constructing composite indicators: Methodology and user guide. European Commission. Paris: OECD.

«Индекс ЕС» – сводный показатель, измеряющий степень европейской экономической интеграции в отдельных государствах-членах ЕС на ежегодной основе, который может использоваться для оценки уровня интеграции страны за определенные годы или для анализа того, отстало ли государство-член от общей скорости интеграции. Порядок ранжирования между членами ЕС дает первое представление о степени экономической неоднородности, связанной с усилиями и возможностями членов в осуществлении европейской интеграции. В соответствии с теорией положительной и отрицательной интеграции показатели индекса ЕС выбираются так, чтобы отражать измерение «единый рынок» ЕС с одной стороны, и измерение «соответствие законодательству ЕС и европейским институтам» с другой. Кроме того, два других эффекта обычно вытекают из экономической теории и европейской политики в связи с только что упомянутыми аспектами интеграции в ЕС: «экономическая конвергенция» и «однородность между государствами-членами»¹⁷⁴ и симметричное развитие их деловых циклов.¹⁷⁵

Тем самым, было определено четыре измерения европейской экономической интеграции, охватывающих в общей сложности 25 индикаторов: единый рынок ЕС (для товаров, услуг, капитала и рабочей силы); однородность ЕС (степень экономической конвергенции); симметричность (деловых циклов) ЕС; и соответствие ЕС (институциональное участие и соблюдение *acquis communautaire*).

Индикаторы единого рынка ЕС

Единый рынок Европейского Союза обеспечивает свободное перемещение товаров и услуг внутри ЕС (внутриевропейская торговля). Он также пытается обеспечить эффективное внутриевропейское движение капитала и рабочей силы, тем самым улучшая распределение факторов производства внутри ЕС. Степень этих рыночных отношений и сделок была проанализирована двумя различными способами: сумма внутриевропейского импорта и экспорта страны в процентах от ее валового внутреннего продукта (ВВП) (так называемая «открытость ЕС»), и как процент от его общей (глобальной) суммы импорта и экспорта (так называемая «важность ЕС»).

Движение капитала отражается накопленными (внутри ЕС, внутренними и внешними) ПИИ. Мобильность рабочей силы измеряется иностранными европейскими работниками как процент от всех местных работников (открытость ЕС) и как процент от

¹⁷⁴ De la Fuente, A. (2002). 'On the Sources of Convergence: A Close Look at the Spanish Regions'. *European Economic Review*, vol. 46, pp. 569–599.

¹⁷⁵ Aguiar-Conraria, L., Martins, M.M.F. and Soares, M.J. (2013). 'Convergence of the Economic Sentiment Cycles in the Eurozone: A Time-Frequency Analysis'. *Journal of Common Market Studies*, vol. 51, pp. 377–398.

всех иностранных работников в этой стране (важность ЕС). Выезжающие работники не рассматривались из-за ограниченной доступности данных.

Индикаторы однородности ЕС

Несмотря на неоднозначную связь между интеграцией и конвергенцией, большая однородность между странами будет считаться косвенной мерой более высокой интеграции.¹⁷⁶ Показатели, которые были использованы для анализа однородности ЕС (или степени конвергенции), являются наиболее важными макроэкономическими детерминантами в этом отношении: реальный ВВП на душу населения, покупательная способность, затраты на рабочую силу в час, согласованные долгосрочные процентные ставки (государственные облигации со сроками погашения около десяти лет), коэффициенты государственного долга (в процентах от ВВП) и скрытые ставки налога на капитал и потребление. Каждый показатель измеряется относительно среднего арифметического значения остальных стран-членов ЕС. Численность населения каждой страны учитывается при расчете среднего арифметического.

Индикаторы симметричности ЕС

Еще один косвенный стандарт интеграции – это высокая степень синхронизации бизнес-циклов в разных странах. Чем больше товаров и факторов рынка интегрированы, тем больше сходства между производственными структурами и структурами торговли (внутриотраслевая торговля). Страны также подвергаются воздействию внешних потрясений. Более того, общая монетарная или фискальная политика может дать симметричный экономический стимул. Таким образом, симметрия бизнес-циклов указывает на то, что экономика в значительной степени определяется общими внешними шоками, и что они сильно взаимосвязаны.¹⁷⁷ Интеграция рынка посредством расширения внутриевропейской торговли, а также институциональной интеграции – например, в рамках валютного союза – должна снизить риск асимметричных шоков, что подразумевает повышенную симметрию деловых циклов между государствами-членами.¹⁷⁸

Симметричность ЕС измеряется с помощью наиболее распространенных показателей при анализе совместного движения деловых циклов: темпы роста ВВП, уровень инфляции, изменение безработицы и чистые заимствования правительства. Попарные корреляции между показателями страны и средним значением остальных стран-

¹⁷⁶ JÖRG KÖNIG. Measuring European Economic Integration. Dissertation zur Erlangung des wirtschaftswissenschaftlichen Doktorgrades der Wirtschaftswissenschaftlichen Fakultät der Georg-August-Universität Göttingen, Göttingen, 2014

¹⁷⁷ Artis, M. and Zhang, W. (2001). 'Core and Periphery in EMU: A Cluster Analysis'. *Economic Issues*, vol. 6, pp. 39–59

¹⁷⁸ Furceri, D. and Karrass, G. (2008). 'Business-Cycle Synchronization in the EMU'. *Applied Economics*, vol. 40, pp. 1491–1501.

членов рассматриваются в течение пятилетнего периода, так как это широко используемая продолжительность для выявления деловых циклов.¹⁷⁹ Рассчитываются пятилетние скользящие средние. Среднее значение оставшихся членов ЕС снова взвешивается с учетом соответствующей численности населения. Ежеквартальные данные корректируются с учетом сезонных колебаний и тенденций с использованием фильтра Ходрика-Прескотта (лямбда = 1600).

Индикаторы соответствия ЕС

Соответствие фиксируется участием государств-членов в важных шагах европейской институциональной интеграции и их соответствием законодательству ЕС. Поскольку большинство институциональных шагов были ратифицированы единообразно во всех государствах-членах, основные оставшиеся разногласия касаются участия в шенгенской зоне и членства в Европейском валютном союзе. Более того, соглашение де-юре о нормативно-правовой базе, предоставленной ЕС, не обязательно означает фактическое соответствие. В этих случаях Европейская комиссия может начать разбирательство в отношении стран, нарушающих законодательство ЕС. Процесс начинается с этапа, предшествующего судебному разбирательству, когда странам предлагается с помощью так называемого «напоминания» исправить их нарушающее поведение.

В индекс включено количество таких напоминаний в год. Если государства-члены не действуют в соответствии с напоминанием, начинается судебный процесс в Европейском суде. Что касается индекса ЕС, такие судебные процессы были собраны и распределены по следующим группам: «единый рынок», «защита окружающей среды и потребителей» и «другие сектора».

Таблица 13 – Индекс Европейского Союза

Индекс	Индикатор	
I. Индикаторы единого рынка ЕС	1	Открытость ЕС по товарам
	2	Открытость ЕС по услугам
	3	Открытость ЕС по капиталу
	4	Открытость ЕС по труду
	5	Важность ЕС по товарам
	6	Важность ЕС по услугам
	7	Важность ЕС по капиталу
	8	Важность ЕС по труду
II. Индикаторы однородности ЕС	9	Доход на душу населения
	10	Покупательная способность
	11	Затраты на труд
	12	Долгосрочные процентные ставки
	13	Отношение государственного долга

¹⁷⁹ Buch, C., Döpke, J. and Pierdzioch, C. (2005). 'Financial Openness and Business Cycle Volatility'. Journal of International Money and Finance, vol. 24, pp. 744–765.

Индекс	Индикатор	
III. Индикаторы симметричности ЕС	14	Ставка налога на потребление
	15	Ставка налога на недвижимость
	16	Экономический рост
	17	Инфляция
	18	Изменение безработицы
IV. Индикаторы соответствия ЕС	19	Чистые государственные заимствования
	20	Членство в экономическом и валютном союзе (EMU)
	21	Участие в Шенгенском соглашении
	22	Количество нарушений
	23	Судебные разбирательства по вопросам «единый рынок»
	24	Судебные разбирательства по вопросам «защита окружающей среды и потребителей»
	25	Судебные разбирательства по другим вопросам

Источник: EU-Index. Measuring European Economic Integration / Indicators – EU-Index. [2012]. URL: http://www.eu-index.uni-goettingen.de/?page_id=231

Для правильного агрегирования показателей с разными единицами измерения данные были нормализованы. Чтобы обеспечить сопоставимость данных не только за определенный год, но и с течением времени, была использована панельная нормализация (panel normalization), то есть определение одной контрольной точки на показатель за весь период и во всех странах выборки. При этом чувствительность к экстремальным значениям и межгодовым колебаниям резко снизилась. В индексе ЕС процедура панельной нормализации преобразует данные в шкалу от 0 до 100, причем последнее относится к максимальному уровню европейской экономической интеграции. При построении индекса ЕС для расчета весов используется анализ главных компонент (РСА).

Индекс ЕЭК

Перечень показателей для мониторинга степени интеграции в ЕАЭС закреплён в п. 5 раздела IV приложения №14 к «Договору о Евразийском экономическом союзе» и содержит 9 показателей, 5 из которых – по инвестициям и внешней торговле – оценивают степень интеграции в ЕАЭС.

Разработанная в ЕЭК система индексов интеграции (СИИ) (см. таблицу 14), не позволяет получить индикаторы интеграции, специфичные для каждой из стран объединения. Однако, ряд показателей СИИ могут быть модифицированы таким образом, чтобы удовлетворять условию специфичности для рассматриваемой страны.

Таблица 14 – Система показателей ЕЭК по оценке степени интеграции в ЕАЭС

Направление оценки	Вид показателей	
I. Степень интеграции	1	объём инвестиций, направленных в экономику каждого государства-члена, в том числе ПИИ;
	2	объём инвестиций, поступивших в экономику от каждого государства-члена, в том числе ПИИ;
	3	доля каждого государства-члена в общем объёме экспорта государства-члена;

Направление оценки	Вид показателей	
	4	доля каждого государства-члена в общем внешнеторговом обороте государства-члена
	5	доля каждого государства-члена в общем объеме импорта государства-члена;
II. Уровень экономического развития	6	темпы роста ВВП
	7	ВВП на душу населения по ППС
	8	сальдо счёта текущих операций платёжного баланса
	9	индекс реального эффективного обменного курса национальной валюты, рассчитанный на основе индекса потребительских цен
III. Конвергенция развития	10	Конвергенция цен, доходов в государственном секторе
IV. Интеграция рынков	11	Открытость, значимость торговли; внутриотраслевая торговля; торговые, миграционные потоки, денежные переводы
V. Интеграция в промышленности	12	Торговля промежуточными товарами
VI. Отрасли с высоким потенциалом	13	Индексы кооперационности, конкурентоспособности, импортозависимости

Источник: Система индикаторов интеграции как инструмент анализа функционирования региональных интеграционных объединений // ЕЭК. [2019]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/developDocs/Documents/Индикаторы интеграции.pdf

В этой связи необходимо отметить новые подходы ЕЭК к разработке в системы индикаторов интеграции,¹⁸⁰ которая включает в себя три основных блока (направления оценки):

- 1) институциональная интеграция, показатели которой оценивают объединения с точки зрения создания условий для развития интеграции, в частности, действующую нормативно-правовую базу, систему регулирующих органов интеграционного объединения и совместных институтов, реализуемые интеграционные политики.
- 2) интеграция на основных рынках, показатели которой оценивают уровень сформированности общих рынков товаров, услуг, капитала и рабочей силы с учётом созданных институциональных условий для интеграции.
- 3) макроэкономическая конвергенция, показатели которой отражают в широком смысле сближение экономических систем стран-участниц объединений, реализуемых ими политик, в узком смысле – сближение значений и динамики основных макроэкономических показателей стран-участниц (см. таблицу 15).

¹⁸⁰ Система индикаторов интеграции как инструмент анализа функционирования региональных интеграционных объединений (2019) [электронный ресурс] / ЕЭК. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/developDocs/Documents/Индикаторы интеграции.pdf (дата обращения: 10.12.2019)

Таблица 15 – Система индикаторов ЕЭК

Направление оценки	Наименование индикатора	
I. Институциональная интеграция	1	Декларируемая форма интеграции
	2	Юридическая проработанность соглашений о создании интеграционных объединений
	3	Индикатор соответствия декларируемой формы интеграции реальной интеграции
	4	Коэффициент вариации процентильного ранга рейтинга качества государственного управления
	5	Коэффициент вариации процентильного ранга индекса экономической свободы
	6	Разнообразие наднациональных органов: общий регулирующий орган, суд, парламент, межпарламентская ассамблея, орган денежно-кредитной политики
	7	Наличие наднациональных актов прямого действия
II. Интеграция на рынках товаров и услуг	8	Доля взаимного экспорта товаров в общем объеме экспорта
	9	Доля взаимного импорта товаров в общем объеме импорта
	10	Доля взаимного оборота внешней торговли услугами в общем обороте внешней торговли услугами
	11	Широта применения нетарифных барьеров
	12	Торговый режим (ЗСТ, ТС, ОР, ЭС)
	13	Единый таможенный кодекс
	14	Наличие согласованных политик
	15	Наличие общего таможенного тарифа: экспортного и импортного
	16	Доступ на рынок государственных закупок
	17	Использование принципа национального режима в организации и ведении деятельности на территории интеграционного объединения для резидентов стран-участниц
	18	Наличие единого биржевого пространства
	19	Наличие критериев экономической безопасности (продовольственной, энергетической)
	20	Наличие совместных финансовых институтов/инфраструктуры
	21	Наличие единых отраслевых органов регулирования
III. Интеграция на рынке капитала	22	Наличие интегрированного валютного рынка / единой валюты
	23	Наличие единых механизмов защиты прав инвесторов
IV. Интеграция на рынке рабочей силы	24	Доля ПИИ из других государств-членов в общем объеме поступивших ПИИ
	25	Согласованная политика на рынке капитала: инвестиции, движение капитала
V. Макроэкономическая конвергенция	26	Согласованная политика на рынке труда: а) регулирование рынка труда, б) наличие согласованных политик пенсионного обеспечения, в) наличие согласованных политик медицинского обеспечения, г) наличие согласованных политик социального обеспечения, д) возможность признания документов об образовании и профессиональной подготовки, е) введение общих требований к компетенциям выпускников ж) наличие совместных образовательных программ/проектов
	27	Стандартное отклонение темпов роста ВВП по ППС на душу населения в ценах 2011 г.
	28	Стандартное отклонение инфляции
	29	Стандартное отклонение темпов роста номинального эффективного курса валют

Направление оценки	Наименование индикатора	
	30	Стандартное отклонение темпов роста номинального конечного потребления
	31	Применение пороговых значений макропоказателей
	32	Применение инструментов регионального выравнивания: наличие банков развития наличие перераспределительных фондов

Источник: Система индикаторов интеграции как инструмент анализа функционирования региональных интеграционных объединений // ЕЭК. [2019]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/developDocs/Documents/Индикаторы интеграции.pdf

Для получения субиндексов интеграции из отдельных индикаторов интеграции также был использован метод главных компонент.

Таким образом, можно отметить, что многообразие объединений и форматов экономической интеграции, равно как и специфика экономик государств-членов объединений, создаёт сложности для выработки единого подхода к её измерению. При этом в ЕАЭС исследования, которые рассматривали бы задачу построения мониторинга интеграции при помощи системы индикаторов, в настоящее время практически ограничены системой индикаторов экономической интеграции ЕАБР и ЕЭК. Обновленная в 2019 г. архитектура системы индикаторов интеграции ЕЭК очень полезна для сравнительного анализа интеграции в региональных объединениях (ЕАЭС, ЕС, АСЕАН, МЕРКОСУР), выявления прогресса и направлений развития региона в целом, однако не позволяет оценить степень интеграции отдельных экономик стран-участниц в конкретном региональном объединении для выработки скоординированной политики национальными и наднациональными органами.

В результате актуальной остаётся задача разработки системы индикаторов интеграции, характерной для конкретного региона (например, как азиатский, африканский или европейский индекс интеграции), позволяющей оценить уровень интеграции страны-участницы в этом интеграционном объединении, в том числе в целях их сопоставления на основе общих методологических подходов.

3.2 Разработка методики по формированию индекса региональной интеграции стран ЕАЭС

Для формирования сводного индекса региональной интеграции стран ЕАЭС предлагается взять за основу Азиатско-тихоокеанский региональный интеграционный индекс (АРИИ) с некоторыми модификациями, адаптированными под условия становления и функционирования ЕАЭС.

Выбор стран для исследования

В настоящем исследовании для оценки динамики региональной интеграции и дальнейших перспектив ее развития предполагается рассмотреть не только пять стран-

участниц ЕАЭС (Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Россия), но и страны, входящие в СНГ или когда-то там находившиеся: Азербайджан, Молдавия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан и Украина.

Описание направлений и входящих в них индикаторов

Предполагается использовать шесть основных направлений оценки региональной интеграции, в их числе:

Первый блок – Интеграция торговли и инвестиций

Данный блок присутствует практически во всех сводных индексах региональной интеграции. Предполагается включение пяти основных показателей для составления сводного субиндекса по этому блоку.

- 1) Индекс 1 – Доля внутрирегионального экспорта товаров и услуг страны к общему экспорту страны.
- 2) Индекс 2 – Доля внутрирегионального импорта товаров и услуг страны к общему импорту страны.
- 3) Индекс 3 – Внутрирегиональный индекс интенсивности торговли. Для конкретной страны показатель рассчитывается как отношение двух долей по торговле.¹⁸¹ В числителе указано соотношение (внутрирегиональная торговля страны) / (общий объем торговли региона), а в знаменателе - соотношение (торговля региона) / (общий объем мировой торговли). Значение больше (меньше) единицы указывает на то, что торговля товарами в стране интровертирована (экстравертирована).¹⁸²
- 4) Индекс 4 – Доля входящих ПИИ из стран региона ко всем входящим ПИИ в страну. Корреляция между ПИИ и внешней торговлей общепризнана. ПИИ являются не только ключевым фактором увеличения количественных показателей экспорта стран региона, но и трансформации его структуры, создания в странах региона высоконкурентных экспортоориентированных производств.
- 5) Индекс 5 – Доля исходящих ПИИ из страны в страны региона ко всем исходящим ПИИ.

Второй блок – Интеграция инфраструктуры

- 6) Индекс 6 – Соотношение между усредненными торговыми затратами (averaged trade cost) по региональным торговым партнерам и усредненными торговыми

¹⁸¹ Прим. Здесь торговля определяется как экспорт плюс импорт товаров и услуг

¹⁸² Данные термины, например, использовались в этой работе: Huh, Hyeon-Seung, and Cyn-Young Park. 2017. "Asia-Pacific Regional Integration Index: Construction, Interpretation, and Comparison." ADB Economics Working Papers Series No. 511. <https://www.adb.org/publications/asia-pacific-regional-integration-index> (дата обращения: 10.07.2019)

затратами по всем торговым партнерам страны. Используя оценки торговых затрат из набора данных Всемирного банка ООН, можно оценить потенциальное влияние мер по упрощению процедур торговли, включенных в соглашения TFA (WTO Trade Facilitation Agreement).

7) Индекс 7 – Индекс эффективности логистики страны (в целом). Индекс эффективности логистики страны – это инструмент сравнительного анализа, созданный Всемирным банком, чтобы помочь странам определить проблемы, с которыми они сталкиваются в своей деятельности в области торговой логистики, и показать возможности для улучшения этих показателей.¹⁸³ Это средневзвешенная оценка по стране по шести ключевым параметрам, которая показывает относительную легкость и эффективность, с которой продукты могут перемещаться в страну и внутри страны.

8) Индекс 8 – Общая чистая региональная торговля электроэнергией на душу населения (абсолютное значение) – (Total net regional electricity trade per capita (absolute value)). Данные о торговле электроэнергией взяты из базы данных Управления энергетической информации США (EIA). Используемая переменная представляет собой абсолютную величину разницы между годовым объемом импорта на душу населения и объемом экспорта электроэнергии.

9) Индекс 9 – Doing Business Index (overall). Рейтинг Doing Business измеряет аспекты регулирования бизнеса и их последствия для создания фирмы и ее деятельности. Он не охватывает вопросы, которые имеют отношение к корпоративным решениям, а сфокусирован, прежде всего, на тех сферах, которые находятся под контролем политиков и государственных деятелей. Органы государственной власти во всем мире признают экономические и политические выгоды от улучшения регулирования бизнес среды. Одиннадцать индикаторов рейтинга Doing Business¹⁸⁴ (создание нового бизнеса, разрешение на строительство, доступ к электрическим сетям, регистрация права собственности, получение кредита, защита миноритарных инвесторов, уплата налогов, трансграничная торговля, исполнение контрактов, разрешение вопросов несостоятельности, банкротства, регулирование рынка труда) определяют эффективность и качество государственного регулирования бизнес среды.

Третий блок – Производственная и продуктовая интеграция

¹⁸³ Logistics Performance Index / The World Bank. 2018. URL: <https://datacatalog.worldbank.org/dataset/logistics-performance-index> (дата обращения: 10.07.2019)

¹⁸⁴ Рейтинг Doing Business -2018.

10) Индекс 10 - Соотношение между усредненным индексом взаимодополняемости торговли по региональным торговым партнерам и усредненным индексом дополняемости торговли по всем торговым партнерам. Индекс взаимодополняемости торговли (trade complementarity index) измеряет степень, в которой две страны являются «естественными торговыми партнерами». Он рассчитывается на основе дезагрегированных данных о совокупном экспорте и импорте любой пары стран и показывает, насколько экспортер способен удовлетворить потребности импортера в товарах (см. уравнение 1).

(Уравнение 1)

$$TC_j^i = 100 \left[1 - \left(\sum_k |m_k^i - x_k^j|/2 \right) \right]$$

где m_k^i – доля сектора k в общем объеме импорта i из страны, а x_k^j – доля сектора k в общем объеме экспорта j в страну.

11) Индекс 11 – Соотношение между усредненным индексом концентрации торговли по региональным торговым партнерам и усредненным индексом концентрации торговли по всем торговым партнерам. Показывает степень диверсификации международной торговли страны. Если страна торгует только с несколькими другими странами (Северная Корея), ее коэффициент концентрации торговли высок. Если она торгует со многими странами (Германия), коэффициент концентрации торговли является низким. Технически, концентрация торговли измеряется с помощью индекса Херфиндаля: суммы квадратов торговых долей с каждым отдельным торговым партнером.

12) Индекс 12 – Доля внутрирегионального экспорта промежуточных товаров в общем объеме внутрирегионального экспорта товаров. Промежуточный товар можно определить как произведенный товар, используемый в производственном процессе¹⁸⁵. Разница между промежуточными и капитальными товарами заключается в том, что последние входят в основной капитал в процессе производства. Как и любой основной фактор (такой как труд, земля или природные ресурсы), капитал используется, но не расходуется в процессе производства. Напротив, промежуточный товар используется, часто трансформируется и включается в конечный результат.

¹⁸⁵ Определение предложено Deardorff (2006) в Glossary of International Economics.

13) Индекс 13 – Доля внутрирегионального импорта промежуточных товаров в общем объеме внутрирегионального импорта товаров.

Четвертый блок – Интеграция трудовых ресурсов и человеческого капитала

14) Индекс 14 – Доля въезжающих мигрантов из стран региона к общему числу въезжающих мигрантов.

15) Индекс 15 – Доля внутрирегиональных денежных переводов к общим переводам страны.

16) Индекс 16 – Доля внутрирегиональных туристов в общем количестве туристов.

Пятый блок - Институциональная и политическая интеграция

17) Индекс 17 – Доля РТА со странами СНГ к общему количеству РТА.

18) Индекс 18 – Доля договоров с положениями об инвестициях (TIPs - Treaties with Investment Provisions) со странами СНГ к общему количеству договоров об инвестициях в бизнес, заключенных страной.

19) Индекс 19 – Доля стран, которые подписали двусторонние инвестиционные соглашения (BIT - bilateral investment treaties), со странами СНГ к общему количеству инвестиционных соглашений, заключенных страной.

20) Индекс 20 – Коэффициент вариации процентильного ранга¹⁸⁶ рейтинга качества государственного управления (Government Indicators WGI (total index)). Данный индикатор предложен исходя из предпосылки о том, что интеграция положительно влияет на регуляторную практику государственных органов и институтов.

Шестой блок – Экономическая конвергенция

21) Индекс 21 – Стандартное отклонение темпов роста эффективного обменного курса. Эффективный обменный курс – это показатель, позволяющий понять международную конкурентоспособность страны с точки зрения ее валютных курсов. В данном случае термин «эффективный» означает, что изменения обменного курса не измеряются по отношению к одной конкретной валюте, вместо этого используется средний индекс корзины валют, каждая из которых взвешивается соответственно важности страны как торгового партнера. Реальный эффективный обменный курс (REER) учитывает различия в уровне цен между торговыми партнерами. Движение реальных эффективных обменных курсов свидетельствует об эволюции совокупной конкурентоспособности внешних цен страны. Например,

¹⁸⁶ Процентильный (перцентильный) ранг показывает относительное положение государства в общей выборке стран, для которых рассчитывается индекс. Процентильный ранг для каждого значения индекса определяется процентом стран, для которых индекс принимает такое же или меньшее значение. При этом ранг для минимального значения будет равен нулю, для медианного значения – 50, а для максимального значения – 100.

даже когда номинальный эффективный обменный курс валюты страны остается неизменным, относительная конкурентоспособность страны увеличивается, когда уровень инфляции ее торгового партнера выше. Принимая это во внимание, номинальный эффективный обменный курс корректируется с учетом различий в уровне инфляции.

22) Индекс 22 – Стандартное отклонение темпов роста ВВП по ППС.

23) Индекс 23 – Стандартное отклонение инфляции.

24) Индекс 24 – Стандартное отклонение средней ставки по депозитам в национальной валюте. Индикаторы этого блока используются для оценки сближения уровней экономического развития стран – участниц интеграционных объединений.

Полный перечень используемых нами индексов для проведения соответствующих расчётов представлен в таблице (см. таблицу 16).

Таблица 16 – Сводная таблица используемых показателей

Направление оценки (Dimension)	Индикатор		База данных
I. Интеграция торговли и инвестиций	TI 1	Доля внутрирегионального экспорта товаров и услуг в общем экспорте	Direction of Trade,IMF
	TI 2	Доля внутрирегионального импорта товаров и услуг в общем импорте	Direction of Trade, IMF
	TI 3	Индекс интенсивности внутрирегиональной торговли	Direction of Trade,IMF
	TI 4	Доля входящих прямых инвестиций из стран региона ко всем входящим прямым инвестициям	FDI markets
	TI 5	Доля исходящих прямых инвестиций из стран региона ко всем исходящим прямым инвестициям	UNCTAD
II. Интеграция инфраструктуры	TI 6	Соотношение между усредненными торговыми затратами по региональным торговым партнерам и усредненными торговыми затратами по всем торговым партнерам	World Bank/ UNESCAP
	TI 7	Стандартное отклонение индекс эффективности логистики страны	World Bank
	TI 8	Общая чистая региональная торговля электроэнергией	US Energy
	TI 9	Стандартное отклонение индекса ведения бизнеса	World Bank
III. Продуктовая интеграция	TI 10	Соотношение между усредненным индексом взаимодополняемости торговли по торговым партнерам СНГ и усредненным индексом дополняемости торговли по всем торговым партнерам	UNCTAD
	TI 11	Соотношение между усредненным индексом концентрации торговли по всем торговым партнерам к среднему по СНГ	UNCTAD
	TI 12	Доля внутрирегионального экспорта промежуточных товаров в общем объеме экспорта промежуточных товаров	UN Comtrade
	TI 13	Доля внутрирегионального импорта промежуточных товаров в общем объеме внутрирегионального импорта товаров	UN Comtrade

Направление оценки (Dimension)	Индикатор		База данных
IV. Свободное перемещение людей	TI 14	Доля внутрирегиональной исходящей миграции в общей исходящей миграции	Статистика СНГ cisstat
	TI 15	Доля внутрирегиональных денежных переводов в общей сумме денежных переводов	World Bank
	TI 16	Доля внутрирегиональных туристов в общем количестве туристов	WTO
V. Институциональная и политическая интеграция	TI 17	Доля РТА со странами СНГ, к общему количеству РТА	DESTA database
	TI 18	Доля договоров с положениями об инвестициях (TIPs - Treaties with Investment Provisions) со странами СНГ к общему количеству договоров об инвестициях в бизнес, заключенных страной	UNCTAD, DESTA
	TI 19	Доля стран, которые подписали инвестиционные соглашения (BIT - bilateral investment treaties), со странами СНГ к общему количеству инвестиционных соглашений, заключенных страной	UNCTAD
	TI 20	Стандартное отклонение индекса качества государственного управления	World Bank
VI. Экономическая конвергенция	TI 21	Стандартное отклонение индекса реального эффективного обменного курса (REER)	UNCTAD
	TI 22	Стандартное отклонение темпов роста ВВП по ППС	UNCTAD
	TI 23	Стандартное отклонение инфляции	UNCTAD
	TI 24	Стандартное отклонение средней ставки по депозитам	World Bank, национальная статистика ЦБ

Источник: составлено автором

Нормализация базовых индикаторов

Поскольку базовые показатели выражены в разных единицах, перед их осмысленным объединением для получения составного индекса, необходима нормализация для приведения в одну шкалу.

Необходимо соблюдать осторожность при выборе метода нормализации (например, групповой или ежегодной нормализации), поскольку разные методы дают разные результаты и предлагают свои преимущества и недостатки. Кроме того, следует обратить внимание на выбросы, так как они могут привести к ненадежным или предвзятым результатам.

Панельная нормализация (panel normalization) включает нормализацию показателей на основе всех выборочных лет и всех имеющихся экономик. Это подходит для сравнения прогресса в разных экономиках на протяжении многих лет. Однако всякий раз, когда становятся доступными новые точки данных, все показатели необходимо снова нормализовать с помощью новой панели. Новый набор данных может изменить минимальные и максимальные значения для некоторых индикаторов и, следовательно, значение преобразованных индикаторов и результирующий составной индекс. Чтобы

обеспечить сопоставимость существующих и новых данных, составной индекс необходимо пересчитать с использованием обновленного набора данных.¹⁸⁷

В качестве альтернативы групповой панельной нормализации показатели для каждого года можно нормализовать, т.е. путем ежегодной нормализации, которая аналогична методологии, используемой для расчета индекса за один год. Как правило, веса, полученные для базового года, применяются к другим годам. В результате ранее построенные индексы не затрагиваются. Однако каждый год может иметь различную базу для нормализации (например, минимальные и максимальные значения), что со временем вызывает проблемы сравнимости.

Представляется, что панельная нормализация вызывает «неразделимость» между годами в выборке: изменение данных за один год может вызвать изменение ранжирования по сравнению с другим годом.¹⁸⁸ Между тем, при ежегодной нормализации использование различных шкал, средних значений и распределений изменит любые веса, присвоенные различным компонентам, и, следовательно, изменит относительный состав индекса.¹⁸⁹

В настоящем исследовании мы предпочитаем использовать панельную нормализацию для поддержания временной последовательности индекса. В частности, элемент времени был добавлен к минимальному и максимальному масштабированию, используемому Ху и Парком (Huh and Park).¹⁹⁰ Каждый отдельный индикатор x_{qc}^t типа q для страны c и времени t трансформируется в:

(Уравнение 2)

$$I_t = \frac{x_{qc}^t - \min_{t \in T} \min_c(x_q^t)}{\max_{t \in T} \max_c(x_q^t) - \min_{t \in T} \min_c(x_q^t)}$$

где минимальные и максимальные значения для каждого показателя рассчитываются по странам и времени.

То есть конечный результат выражается по шкале от 0 (наихудший возможный результат интеграции) до 1 (наивысший возможный результат). Этот метод является несложным в реализации и состоит в выполнении линейного преобразования данных с

¹⁸⁷ OECD. 2008. Handbook on Constructing Composite Indicators: Methodology and User Guide. European Commission. Paris.

¹⁸⁸ Lockwood, Ben. 2004. «How Robust is the Kearney/Foreign Policy Globalization Index?» The World Economy 27 (4): 507–524.

¹⁸⁹ Dreher, Axel, Noel Gaston, Pim Martens, and Lotte Van Boxem. 2010. «Measuring Globalization - Opening the Black Box. A Critical Analysis of Globalization Indices.» Journal of Globalization Studies 1 (1): 166–85.

¹⁹⁰ Huh, Hyeon-Seung, and Cyn-Young Park. 2017. «Asia-Pacific Regional Integration Index: Construction, Interpretation, and Comparison» ADB Economics Working Papers Series No. 511. <https://www.adb.org/publications/asia-pacific-regional-integration-index>.

сохранением связей между исходными значениями. Для индикаторов, где более высокие значения исходной переменной предполагают более низкую интеграцию, такую как коэффициент средней концентрации торговли и коэффициент средних затрат, преобразование выполняется как:

(Уравнение 3)

$$I_t = 1 - \frac{x_{qc}^t - \min_{t \in T} \min_c(x_q^t)}{\max_{t \in T} \max_c(x_q^t) - \min_{t \in T} \min_c(x_q^t)}$$

Таким образом, минимальное и максимальное значения для каждого показателя рассчитываются по странам и времени, чтобы учесть эволюцию показателей и итоговый составной индекс.

Агрегационная схема

Мы используем метод главных компонент (principal component analyses – PCA) для взвешивания каждого компонента при построении составных индексов. PCA разбивает дисперсию на набор переменных и использует ее для определения весов, которые максимизируют итоговое изменение основного компонента. По сути, полученный главный компонент – это переменная, которая фиксирует изменения данных в максимально возможной степени. PCA был использован для объединения наборов индикаторов в отдельные композитные индексы. Примеры включают Индекс глобализации КОФ (Швейцарский экономический институт КОФ), Индекс экономической свободы мира (Сеть экономической свободы), Индекс национальной активности ФРС Чикаго (Федеральный резервный банк Чикаго) и Общий индикатор науки и техники (Национальный институт научно-технической политики, Япония). Предположим, вектор данных содержит четыре переменные, то есть $X = (x_1, x_2, x_3, x_4)$. Главный компонент, $Z_i, i = 1, 2, 3, 4$, определяется как

$$Z_1 = a'_1 * X = a_{11} * x_1 + a_{21} * x_2 + a_{31} * x_3 + a_{41} * x_4$$

$$Z_2 = a'_2 * X = a_{12} * x_1 + a_{22} * x_2 + a_{32} * x_3 + a_{42} * x_4$$

$$Z_3 = a'_3 * X = a_{13} * x_1 + a_{23} * x_2 + a_{33} * x_3 + a_{43} * x_4$$

$$Z_4 = a'_4 * X = a_{14} * x_1 + a_{24} * x_2 + a_{34} * x_3 + a_{44} * x_4$$

где коэффициент a_{ij} представляет вес для i^{th} переменной и j^{th} основного компонента, и $\sum_{i=1}^4 a_{i1}^2 = \sum_{i=1}^4 a_{i2}^2 = \sum_{i=1}^4 a_{i3}^2 = \sum_{i=1}^4 a_{i4}^2 = 1$ (нормализация).

Пусть вектор данных X имеет корреляционную матрицу Σ с парами собственных значений и собственных векторов $(\lambda_1, e_1), (\lambda_2, e_2), (\lambda_3, e_3), (\lambda_4, e_4)$, где

$$\lambda_1 \geq \lambda_2 \geq \lambda_3 \geq \lambda_4.$$

Дисперсия для каждого главного компонента задается собственным значением

$$Var(Z_j) = a_j' \sum a_j = \lambda_j$$

Метод главных компонент (PCA) ищет линейные комбинации исходных переменных с максимальной дисперсией Z_j . Соответственно, собственный вектор соответствующий наибольшему собственному значению λ_1 определяет $e_1 = (a_{11}, a_{21}, a_{31}, a_{41})'$ и первый главный компонент $Z_1 = e_1' * X$ объясняет максимально возможное изменение данных. Второй главный компонент Z_2 построен с использованием собственного вектора, соответствующего второму по величине собственному значению $\lambda_2 - Z_2 = e_2' * X$

Он полностью ортогонален первому главному компоненту и объясняет дополнительный, но меньший разброс, чем первый компонент. Последующие основные компоненты также ортогональны к предыдущим компонентам, и каждый фиксирует дополнительные, но постепенно уменьшающиеся вариации данных.

Ортогональность главных компонентов подразумевает, что изменения в одном компоненте не влияют на другие компоненты, что является важным свойством для составных индексов.

Поскольку общая дисперсия данных равна четырем (то есть количеству переменных) и равна сумме собственных значений, доля полной дисперсии данных, учитываемая j -м главным компонентом, равна $\lambda_j / 4$. Далее необходимо объяснить, как мы сгенерировали веса, назначенные отдельным компонентам при построении составных индексов.

Для иллюстрации предположим, что первых двух основных компонентов (Z_1 и Z_2) достаточно для характеристики изменения данных. Коэффициенты корреляции между X и Z называются нагрузками и задаются как $Corr(x_i, Z_j) = \rho_{ij} = e_{ij} \sqrt{\lambda_j}$, $i = 1, 2, 3, 4$, и $j = 1$ и 2 , где e_{ij} это i^{th} элемент собственного вектора j . Квадрат нагрузок, ρ_{ij}^2 , представляет собой долю дисперсии в переменной x_i , объясняемой главным компонентом Z_j . Суммы квадратов нагрузок Z_1 и Z_2 равны λ_1 и λ_2 , которые являются дисперсиями Z_1 и Z_2 соответственно.

Используя это, мы нормализовали квадрат нагрузок до суммы равной единице.

$$\bar{\rho}_{ij}^2 = \frac{\rho_{ij}^2}{\lambda_j}$$

Наконец, мы построили

$$\theta_i = \frac{\lambda_i}{\lambda_1 + \lambda_2}$$

где $i = 1$ и 2 , для измерения доли объясненной дисперсии в данных при рассмотрении только первого и второго основного компонента. θ_1 и θ_2 — веса, присвоенные соответствующим основным компонентам для агрегации. Следовательно, составной индекс по этому направлению будет равен:

$$(\bar{\rho}_{11}^2 * \theta_1 + \bar{\rho}_{12}^2 * \theta_2)x_1 + (\bar{\rho}_{21}^2 * \theta_1 + \bar{\rho}_{22}^2 * \theta_2)x_2 + (\bar{\rho}_{31}^2 * \theta_1 + \bar{\rho}_{32}^2 * \theta_2)x_3 + (\bar{\rho}_{41}^2 * \theta_1 + \bar{\rho}_{42}^2 * \theta_2)x_4$$

Таким образом, схема формирования составного индекса сводится к следующему (см. таблицу 17).

Таблица 17 – Формирование составного индекса

	Loading		Squared loading (scaled to unit sum)		Weight
	z_1	z_2	z_1	z_2	
x_1	ρ_{11}	ρ_{12}	$\bar{\rho}_{11}^2$	$\bar{\rho}_{12}^2$	$\bar{\rho}_{11}^2 * \theta_1 + \bar{\rho}_{12}^2 * \theta_2$
x_2	ρ_{21}	ρ_{22}	$\bar{\rho}_{21}^2$	$\bar{\rho}_{22}^2$	$\bar{\rho}_{21}^2 * \theta_1 + \bar{\rho}_{22}^2 * \theta_2$
x_3	ρ_{31}	ρ_{32}	$\bar{\rho}_{31}^2$	$\bar{\rho}_{32}^2$	$\bar{\rho}_{31}^2 * \theta_1 + \bar{\rho}_{32}^2 * \theta_2$
x_4	ρ_{41}	ρ_{42}	$\bar{\rho}_{41}^2$	$\bar{\rho}_{42}^2$	$\bar{\rho}_{41}^2 * \theta_1 + \bar{\rho}_{42}^2 * \theta_2$
Exp. Var	λ_1	λ_2			
Exp/Tot	θ_1	θ_2			

3.3 Расчет индекса региональной интеграции стран ЕАЭС

В настоящем исследовании метод главных компонент последовательно применяется к каждому из шести основных направлений (I. Интеграция торговли и инвестиций, II. Интеграция инфраструктуры, III. Продуктовая интеграция, IV. Свободное перемещение людей, V. Институциональная и политическая интеграция, VI. Экономическая конвергенция), чтобы определить количество основных компонентов, необходимых для агрегирования каждого направления. Не существует общепринятого правила относительно того, сколько основных компонентов следует выбрать. Тем не менее, в существующих исследованиях¹⁹¹ отмечается, что стандартной практикой является выбор компонент, которые:

- имеют собственные значения, превышающие единицу (критерий Кайзера);
- вносят индивидуальный вклад в объяснение общей дисперсии как минимум на 10%;
- вносят совокупный вклад в объяснение более 60% общей дисперсии.

¹⁹¹ Nardo, M., Saisana, M., Saltelli, A., & Tarantola, S. (2011). Tools for composite indicators building. European commission. Mauritius: Dictus Publishing.

Мы следовали этим рекомендациям для текущего анализа индексов. Основные функции были написаны на языке программирования R, расчеты PCA были произведены с помощью базовой функции «princomp» в среде R Studio.

Начиная с измерения I – «Интеграция торговли и инвестиций» первый главный компонент, соответствующий наибольшему собственному значению 1,852, объясняет 68,6% общего отклонения показателей. Соответствующий главный компонент для второго по величине собственного значения, которое составляет 0,881, составляет дополнительные 15,5% от общего отклонения. Первые два основных компонента вместе объясняют 84,1% общего отклонения, и поэтому они выбраны для формирования композитного индекса измерения I – «Интеграция торговли и инвестиций».

Таблица 18 – Значимость компонентов

	Z1	Z2	Z3	Z4	Z5
Собственное значение	1.8523492	0.8808205	0.7683432	0.42816246	0.138864587
Доля дисперсии	0.6862395	0.1551690	0.1180703	0.03666462	0.003856675
Накопленная дисперсия	0.6862395	0.8414085	0.9594787	0.99614333	1.000000000

Чтобы отобразить Индексы 1-5 в системе главных компонент, можно воспользоваться графиком biplot.

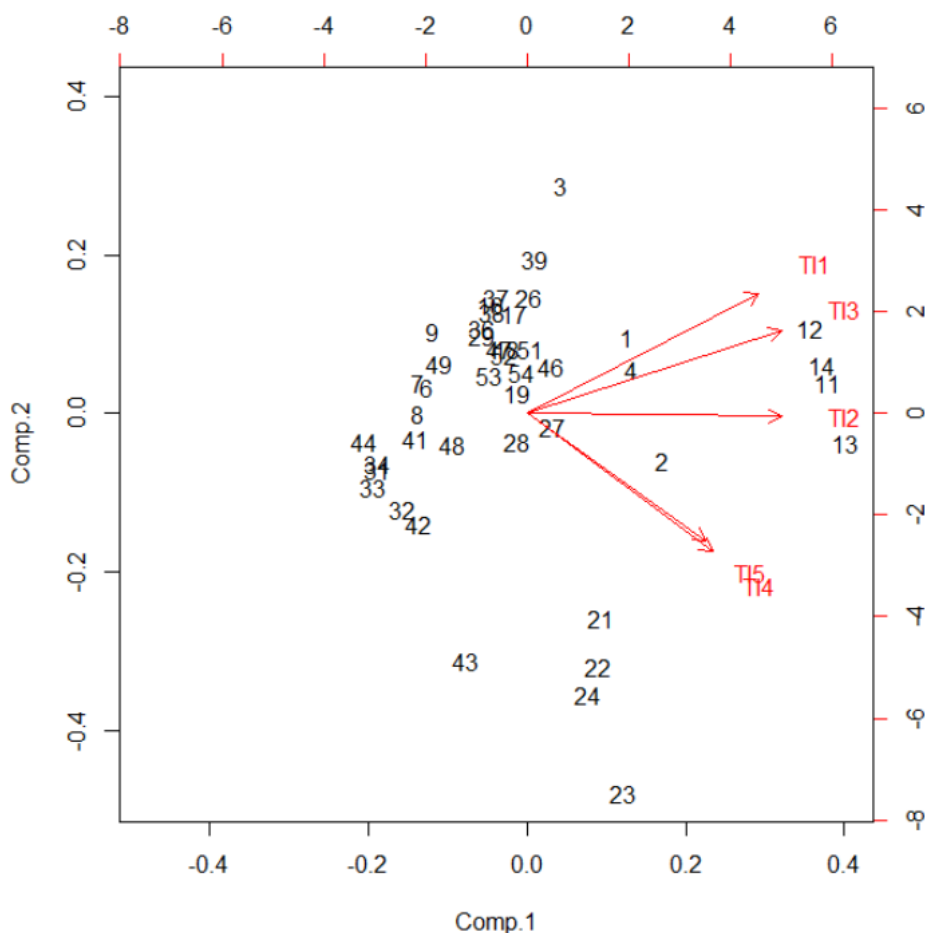

Рисунок 9 – График biplot для отображения зависимости между старой и новой системой координат

По представленному рисунку (см. рисунок 9) можно заметить высокую корреляцию и однонаправленность как индексов (ТИ1-ТИ3), так и индексов (ТИ4-ТИ5).

Для получения композитного индекса по первому направлению необходимо рассчитать матрицу нагрузок и веса главных компонент (Z1 и Z2).

Таблица 19 – Матрица нагрузок (loadings) для первого направления

	Z1	Z2	Z3	Z4	Z5
ТИ1	0.4629352	0.50670050	0.07044736	0.5653743	0.45203391
ТИ2	0.5094203	-0.01310615	-0.10201689	-0.7374941	0.43129366
ТИ3	0.5094623	0.35064037	-0.02178651	-0.1064451	-0.77826361
ТИ4	0.3719378	-0.57903183	-0.64443856	0.3303024	-0.04453842
ТИ5	0.3581792	-0.53371930	0.75422412	0.1265864	-0.04442085

Веса главных компонент (Z1 и Z2) соответственно равны представленным в таблице показателям (см. таблицу 20).

Таблица 20 – Веса главных компонент (Z1 и Z2)

θ_1	θ_2
0.8155842	0.1844158

Нормированные квадраты нагрузок (squared loadings) по двум главным компонентам (Z1 и Z2) соответственно равны представленным в таблице показателям (см. таблицу 21).

Таблица 21 – Нормированные квадраты нагрузок по компонентам (Z1 и Z2)

	Z1	Z2
ТИ1	0.2143090	0.2567453971
ТИ2	0.2595090	0.0001717712
ТИ3	0.2595519	0.1229486708
ТИ4	0.1383378	0.3352778651
ТИ5	0.1282924	0.2848562958

Веса индексов (ТИ1-ТИ5) в композитном индексе первого направления были соответственно рассчитаны по формуле 2 и равны представленным в таблице значениям (см. таблицу 22).

Таблица 22 – Веса индексов (ТИ1-ТИ5) в композитном индексе первого направления

ТИ1	0.2221349
ТИ2	0.2116831
ТИ3	0.2343601
ТИ4	0.1746566
ТИ5	0.1571652

Перемножением матриц можно получить итоговую таблицу интеграционного индекса по направлению 1 – Интеграция торговли и инвестиций (см. таблицу 23).

Таблица 23 – Вычисление агрегированного индекса для первого направления

Страна	Год	Значение агрегированного индекса по направлению 1
Армения	2014	0.52689199
	2015	0.61512378
	2016	0.38637398

Страна	Год	Значение агрегированного индекса по направлению 1
	2017	0.54393551
Азербайджан	2014	0.13733969
	2015	0.11711786
	2016	0.12050018
	2017	0.14722179
Беларусь	2014	0.91411203
	2015	0.87763659
	2016	0.96009381
	2017	0.90138367
Казахстан	2014	0.25648820
	2015	0.29895125
	2016	0.28995510
	2017	0.31383868
Кыргызстан	2014	0.49380680
	2015	0.48046220
	2016	0.53924452
	2017	0.47282335
Молдова	2014	0.32909003
	2015	0.37892620
	2016	0.32407053
	2017	0.24165065
Российская Федерация	2014	0.03792721
	2015	0.08756031
	2016	0.03267856
	2017	0.03829242
Таджикистан	2014	0.23507499
	2015	0.26128097
	2016	0.25406717
	2017	0.33487069
Туркменистан	2014	0.11581561
	2015	0.12766709
	2016	0.22118607
	2017	0.01389394
Украина	2014	0.37481887
	2015	0.27129349
	2016	0.19157664
	2017	0.15738660
Узбекистан	2014	0.33429386
	2015	0.28047399
	2016	0.25596940
	2017	0.31969794

Из таблицы видно, что наилучшие показатели интеграции по направлению 1 – Интеграция торговли и инвестиций были у таких стран как Республика Беларусь (наибольшее значение интеграции – 0.96 в 2016 г.), Республика Армения (значение индекса интеграции – 0.615 в 2015 г.), Кыргызская Республика (значение индекса интеграции – 0.539 в 2016 г.), наихудшие показатели – Туркменистан (наименьшее значение интеграции – 0.013 в 2017 г.), Российская Федерация (значение индекса интеграции – 0.032 в 2016 г.), Азербайджанская Республика (значение индекса интеграции – 0.117 в 2015 г.).

Чтобы выявить, повлияло ли вступление страны в ЕАЭС на агрегированный показатель по направлению 1 – Интеграция торговли и инвестиций, можно провести дисперсионный анализ или его непараметрические аналоги (например, тест Краскела-Уоллиса). Результаты применения теста Краскела-Уоллиса: $Kruskal-Wallis\ chi-squared = 5.1324$, $df = 1$, $p-value = 0.02348$ показывают, что имеются значимые статистические отличия между сравниваемыми группами. Тем самым, для стран-членов ЕАЭС имеются значимые отличия по агрегированному индексу по направлению 1, что, возможно, повлияло на формирование этого объединения и его последующее функционирование.

Аналогичные процедуры необходимо провести для направлений (2-6).

Второе направление – Интеграция инфраструктуры

Таблица 24 – Значимость компонентов

	Z1	Z2	Z3	Z4
Собственное значение	1.211672	1.1061832	0.9452467	0.6439871
Доля дисперсии	0.367037	0.3059103	0.2233728	0.1036799
Накопленная дисперсия	0.367037	0.6729473	0.8963201	1.0000000

В направлении 2 – «интеграция региональной инфраструктуры» первый главный компонент, соответствующий наибольшему собственному значению 1,212, объясняет 36,7% общего отклонения показателей. Соответствующий главный компонент для второго по величине собственного значения, которое составляет 1,106, составляет дополнительные 30, 6% от общего отклонения. Первые два основных компонента вместе объясняют 67,3% общего отклонения, и поэтому они выбраны для формирования композитного индекса измерения 2 – «Интеграция региональной инфраструктуры».

Корреляция между показателями не такая высокая как для первого направления.

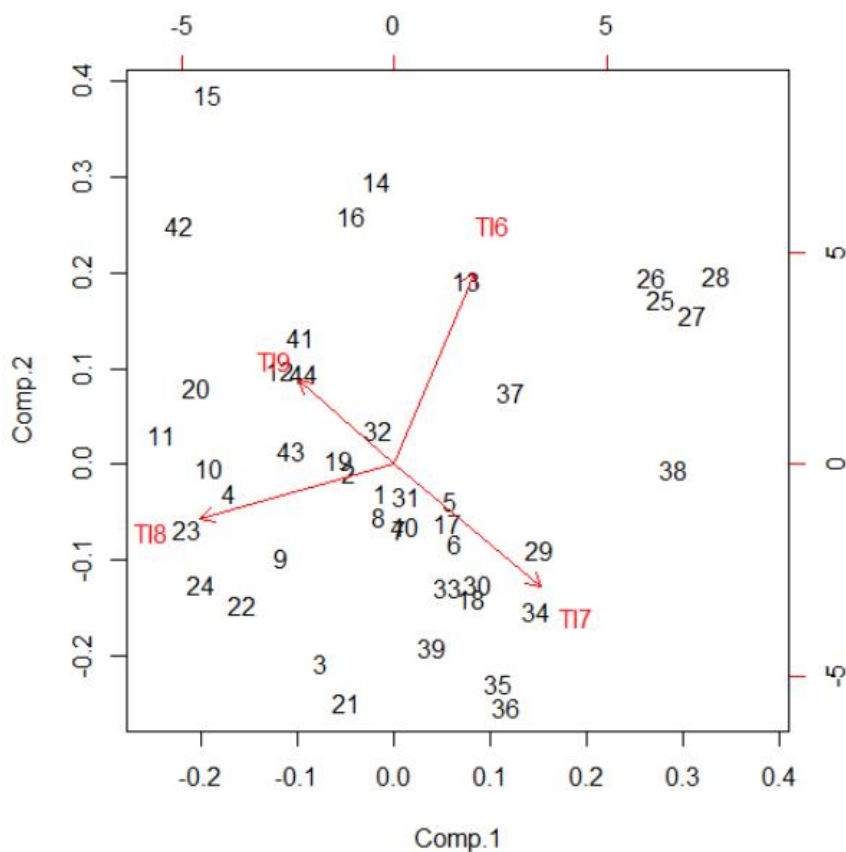

Рисунок 10 – Biplot для описания второго направления

Таблица 25 – Матрица нагрузок (loadings) для второго направления.

	Z1	Z2	Z3	Z4
TI6	0.2924889	0.7726312	0.1600671	0.54024977
TI7	0.5366935	-0.4921082	-0.4237104	0.53875704
TI8	-0.7107310	-0.2184571	0.1743197	0.64556224
TI9	-0.3482411	0.3363734	-0.8743344	-0.03347294

Веса главных компонент (Z1 и Z2) соответственно равны значениями представленным в таблице (см. таблицу 26).

Таблица 26 – Веса главных компонент Z1 и Z2

θ_1	θ_2
0.5454172	0.4545828

Веса индексов в общем индексе второго направления были соответственно рассчитаны по формуле 2 и равны представленным в таблице значениям (см. таблицу 27).

Таблица 27 – Веса индексов (TI6-TI9) в общем индексе второго направления

TI6	0.3180276
TI7	0.2671884
TI8	0.2972055
TI9	0.1175785

Перемножением матриц можно получить итоговую таблицу агрегированного индекса по направлению 2 – Интеграция региональной инфраструктуры

Страна	Год	Значение агрегированного индекса по направлению 2
Армения	2014	0.6734676
	2015	0.6091460
	2016	0.5891713
	2017	0.5577398
Азербайджан	2014	0.7127375
	2015	0.6822255
	2016	0.7432823
	2017	0.7371457
Беларусь	2014	0.7173581
	2015	0.7221491
	2016	0.6590411
	2017	0.8008832
Казахстан	2014	0.8074400
	2015	0.6789440
	2016	0.6716528
	2017	0.7201911
Кыргызстан	2014	0.6850453
	2015	0.6599194
	2016	0.6453438
	2017	0.4283769
Молдова	2014	0.5567148
	2015	0.5358262
	2016	0.4905505
	2017	0.5081611
Российская Федерация	2014	0.6214976
	2015	0.6268578
	2016	0.5827863
	2017	0.6337587
Таджикистан	2014	0.6270067
	2015	0.5779065
	2016	0.7072442
	2017	0.7956624
Туркменистан	2014	0.5459800
	2015	0.4412059
	2016	0.4812716
	2017	0.5323551
Украина	2014	0.5479545
	2015	0.4608805
	2016	0.5951571
	2017	0.5077023
Узбекистан	2014	0.4172817
	2015	0.5218464
	2016	0.5174122
	2017	0.5864302

Из таблицы видно, что наилучшие показатели интеграции по направлению 2 – Интеграция инфраструктуры у таких стран, как Республика Казахстан (наибольшее значение индекса интеграции – 0.807 в 2014 г.), Республика Беларусь (значение индекса интеграции – 0.801 в 2017 г.), Республика Таджикистан (значение индекса интеграции – 0.795 в 2017 г.), наихудшие показатели – Узбекистан (наименьшее значение индекса

интеграции – 0.417 в 2014 г.), Кыргызская Республика (значение индекса интеграции - 0.429 в 2017 г.), Туркменистан (значение индекса интеграции – 0.441 в 2015 г.).

Результаты применения теста Краскела-Уоллиса: Kruskal-Wallis chi-squared = 1.9569, df = 1, p-value = 0.1618 показывают, что значимых статистических отличий между сравниваемыми группами не обнаружено. Тем самым, вступление страны в ЕАЭС не оказало значимого влияния на агрегированный индекс по направлению 2 – интеграция региональной инфраструктуры.

Третье направление – продуктовая интеграция

Таблица 28 – Значимость компонентов

	Z1	Z2	Z3	Z4
Собственное значение	1.4441536	0.9160612	0.8449998	0.6010221
Доля дисперсии	0.5213949	0.2097920	0.1785062	0.0903069
Накопленная дисперсия	0.5213949	0.7311869	0.9096931	1.0000000

В направлении 3 – «продуктовая интеграция» первый главный компонент, соответствующий наибольшему собственному значению 1,44 объясняет 52% общего отклонения показателей. Соответствующий главный компонент для второго по величине собственного значения, которое составляет 0.916, составляет дополнительные 21% от общего отклонения. Первые два основных компонента вместе объясняют 73,1% общего отклонения, и поэтому они выбраны для формирования агрегированного индекса измерения «Продуктовая Интеграция».

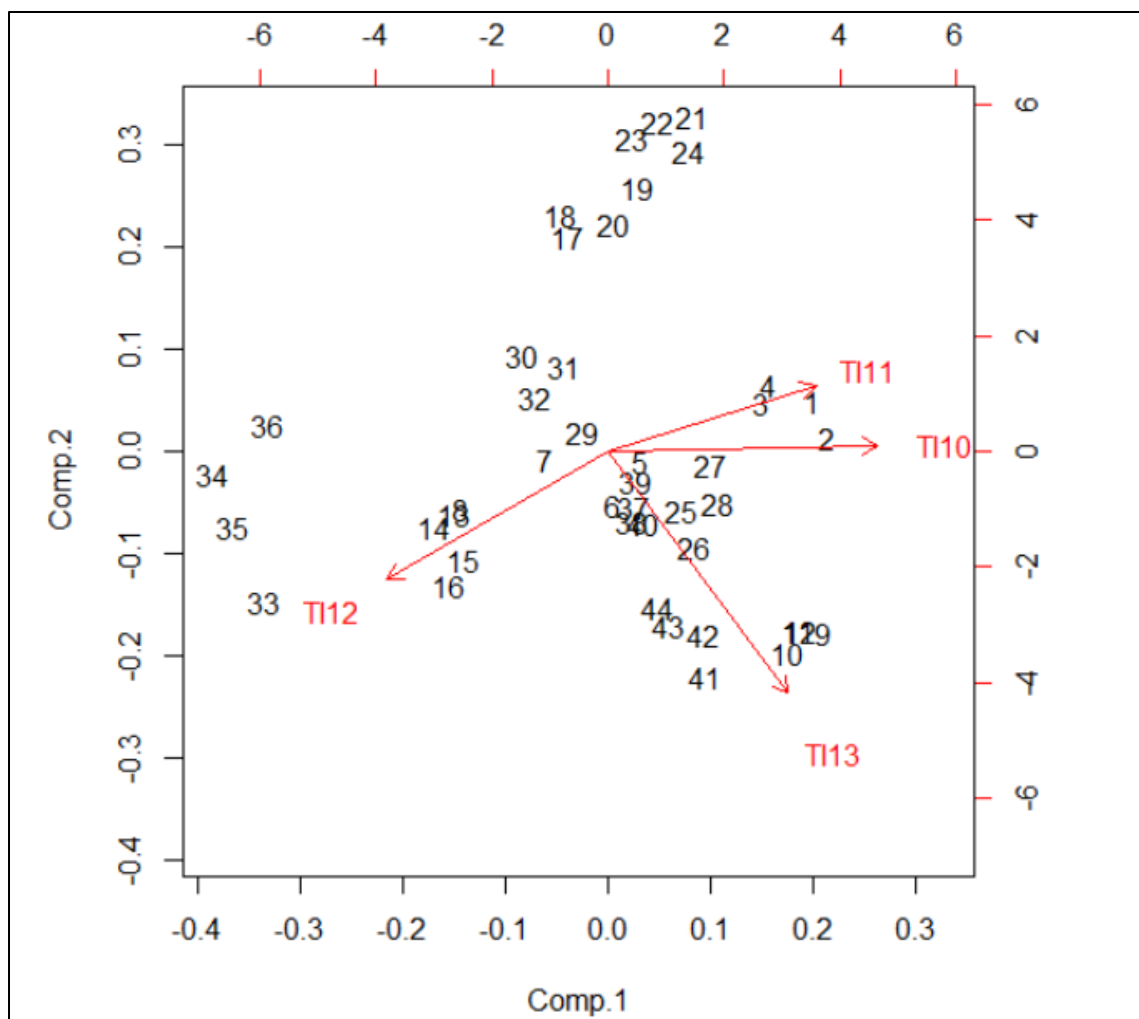

Рисунок 11 – Biplot для описания третьего направления – «Продуктовая Интеграция»

Веса главных компонент (Z1 и Z2) соответственно равны значениям представленным в таблице (см. таблицу 29).

Таблица 29 – Веса главных компонент (Z1 и Z2)

θ_1	θ_2
0.7130802	0.2869198

Веса индексов в агрегированном индексе третьего направления будут соответственно рассчитаны по формуле 2 и равны представленным в таблице значениям (см. таблицу 30).

Таблица 30 – Веса индексов (ТИ10-ТИ13) в агрегированном индексе третьего направления

ТИ10	0.2621881
ТИ11	0.1718427
ТИ12	0.2368585
ТИ13	0.3291106

Перемножением матриц можно получить итоговую таблицу агрегированного индекса по направлению 3 – «Продуктовая Интеграция» (см. таблицу 31).

Таблица 31 – Вычисление агрегированного индекса для третьего направления

Страна	Год	Значение агрегированного индекса по направлению 3
Армения	2014	0.6004874
	2015	0.6280686
	2016	0.5399433
	2017	0.5402712
Азербайджан	2014	0.4239033
	2015	0.4238059
	2016	0.3435237
	2017	0.3293566
Беларусь	2014	0.7507638
	2015	0.7431171
	2016	0.7456259
	2017	0.7355453
Казахстан	2014	0.4991761
	2015	0.5070559
	2016	0.5391954
	2017	0.5419351
Кыргызстан	2014	0.4115830
	2015	0.3215630
	2016	0.3987442
	2017	0.4458470
Молдова	2014	0.4137045
	2015	0.3767406
	2016	0.3789530
	2017	0.4054409
Российская Федерация	2014	0.6659343
	2015	0.7085067
	2016	0.6646544
	2017	0.6997936
Таджикистан	2014	0.5899387
	2015	0.5245083
	2016	0.4967414
	2017	0.5204096
Туркменистан	2014	0.3686743
	2015	0.2645494
	2016	0.3067383
	2017	0.3237639
Украина	2014	0.6373993
	2015	0.6662321
	2016	0.6505804
	2017	0.6693746
Узбекистан	2014	0.8444129
	2015	0.7952669
	2016	0.7526847
	2017	0.7141344

Из таблицы видно, что наилучшие показатели интеграции по направлению 3 – Продуктовая интеграция у таких стран как Узбекистан (наибольшее значение индекса интеграции – 0.844 в 2014 г.), Республика Беларусь (значение индекса интеграции – 0.75 в 2014 г.), Российская Федерация (значение индекса интеграции – 0.71 в 2015 г.), наихудшие показатели – Туркменистан (наименьшее значение индекса интеграции – 0.26 в 2015 г.),

Кыргызская Республика (значение индекса интеграции – 0.32 в 2015 г.), Азербайджан (значение индекса интеграции – 0.329 в 2017 г.).

Результаты применения теста Краскела-Уоллиса: $Kruskal-Wallis\ chi-squared = 1.6259$, $df = 1$, $p-value = 0.2023$ показывают, что значимых статистических отличий между сравниваемыми группами не обнаружено. Тем самым, вступление страны в ЕАЭС не оказало значимого влияния на агрегированный индекс по направлению 3 – продуктовая интеграция.

Четвертое направление – Свободное передвижение людей

Таблица 32 – Значимость компонентов

	Z1	Z2	Z3
Собственное значение	1.2321801	1.1081532	0.5037148
Доля дисперсии	0.5060893	0.4093345	0.0845762
Накопленная дисперсия	0.5060893	0.9154238	1.0000000

В направлении 4 – «Свободное передвижение людей» первый главный компонент, соответствующий наибольшему собственному значению 1,23 объясняет 51% общего отклонения показателей. Соответствующий главный компонент для второго по величине собственного значения, которое составляет 1.108, составляет дополнительные 41% от общего отклонения. Первые два основных компонента вместе объясняют 91,5% общего отклонения, и поэтому они выбраны для формирования агрегированного индекса измерения «Свободное передвижение людей».

Веса главных компонент (Z1 и Z2) соответственно равны значениям, представленным в таблице (см. таблицу 33).

Таблица 33 – Веса главных компонент (Z1 и Z2)

θ_1	θ_2
0.552847	0.447153

Веса индексов в агрегированном индексе четвертого направления будут соответственно рассчитаны по формуле 2 и равны:

Таблица 34 – Веса индексов (TI14-TI16) в агрегированном индексе четвертого направления

TI14	0.3398298
TI15	0.3336405
TI16	0.3265297

Перемножением матриц можно получить итоговую таблицу агрегированного индекса по направлению 4 – «Свободное передвижение людей» (см. таблицу 35).

Таблица 35 – Вычисление агрегированного индекса для четвертого направления

Страна	Год	Значение агрегированного индекса по направлению 4
Армения	2014	0.49175877
	2015	0.55479252
	2016	0.53082919
	2017	0.52442161
Азербайджан	2014	0.42676075
	2015	0.51443669
	2016	0.57226735
	2017	0.58555715
Беларусь	2014	0.36309827
	2015	0.44616390
	2016	0.47414346
	2017	0.47903281
Казахстан	2014	0.56195606
	2015	0.51018202
	2016	0.56627910
	2017	0.55588245
Кыргызстан	2014	0.73416419
	2015	0.73945631
	2016	0.81506567
	2017	0.81310808
Молдова	2014	0.36523569
	2015	0.40454901
	2016	0.51851376
	2017	0.42923000
Российская Федерация	2014	0.40433777
	2015	0.37096594
	2016	0.44591691
	2017	0.42554587
Таджикистан	2014	0.76518165
	2015	0.69149029
	2016	0.69043992
	2017	0.70179028
Туркменистан	2014	0.25277641
	2015	0.19334151
	2016	0.23822322
	2017	0.18712647
Украина	2014	0.07000337
	2015	0.07900799
	2016	0.17319801
	2017	0.17671291
Узбекистан	2014	0.56105816
	2015	0.58759436
	2016	0.80006837
	2017	0.77653637

Из таблицы видно, что наилучшие показатели интеграции по направлению 4 – Свободное передвижение людей у таких стран, как Кыргызская Республика (наибольшее значение индекса интеграции – 0.815 в 2016 г.), Узбекистан (значение индекса интеграции – 0.80 в 2016 г.), Таджикистан (значение индекса интеграции – 0.765 в 2014 г.), наихудшие

показатели – Украина (наименьшее значение индекса интеграции – 0.07 в 2014 г.), Туркменистан (значение индекса интеграции – 0.187 в 2017 г.), Республика Беларусь (значение индекса интеграции – 0.363 в 2014 г.).

Результаты применения теста Краскела-Уоллиса: Kruskal-Wallis chi-squared = 1.3255, df = 1, p-value = 0.2496 показывают, что значимых статистических отличий между сравниваемыми группами не обнаружено. Тем самым, вступление страны в ЕАЭС не оказало значимого влияния на агрегированный индекс по направлению 4 – Свободное передвижение людей.

Пятое направление – Институциональная и политическая интеграция

Таблица 36 – Значимость компонентов

	Z1	Z2	Z3	Z4
Собственное значение	1.3733818	1.1131189	0.7716954	0.52846465
Доля дисперсии	0.4715444	0.3097584	0.1488784	0.06981872
Накопленная дисперсия	0.4715444	0.7813028	0.9301813	1.00000000

В направлении 5 – «Институциональная и политическая интеграция» первый главный компонент, соответствующий наибольшему собственному значению 1,37 объясняет 47% общего отклонения показателей. Соответствующий главный компонент для второго по величине собственного значения, которое составляет 1.11, составляет дополнительные 31% от общего отклонения. Первые два основных компонента вместе объясняют 78,1% общего отклонения, и поэтому они выбраны для формирования агрегированного индекса измерения «Институциональная и политическая интеграция».

Веса главных компонент (Z1 и Z2) соответственно равны значениям представленным в таблице (см. таблицу 37).

Таблица 37 – Веса главных компонент (Z1 и Z2) соответственно равны

θ_1	θ_2
0.603536	0.396464

Веса индексов в агрегированном индексе пятого направления будут соответственно рассчитаны по формуле 2 и равны представленным в таблице значениям (см. таблицу 38).

Таблица 38 – Веса индексов (ТИ10-ТИ13) в агрегированном индексе пятого направления

ТИ17	0.2092780
ТИ18	0.2714942
ТИ19	0.2688049
ТИ20	0.2504229

Перемножением матриц можно получить итоговую таблицу агрегированного индекса по направлению 5 – «Институциональная и политическая интеграция» (см. таблицу 39).

Таблица 39 – Вычисление агрегированного индекса для пятого направления

Страна	Год	Значение агрегированного индекса по направлению 5
Армения	2014	0.4387297
	2015	0.4294191
	2016	0.5052055
	2017	0.4776520
Азербайджан	2014	0.4646714
	2015	0.4046427
	2016	0.4288022
	2017	0.4478022
Беларусь	2014	0.6795372
	2015	0.6189797
	2016	0.6834756
	2017	0.6372170
Казахстан	2014	0.3962641
	2015	0.4138720
	2016	0.4927917
	2017	0.4748600
Кыргызстан	2014	0.6333651
	2015	0.6228798
	2016	0.6958135
	2017	0.7542061
Молдова	2014	0.4367898
	2015	0.3977871
	2016	0.4463138
	2017	0.4870247
Российская Федерация	2014	0.5265252
	2015	0.5224889
	2016	0.6152805
	2017	0.5531907
Таджикистан	2014	0.6416410
	2015	0.5742882
	2016	0.5914177
	2017	0.6012174
Туркменистан	2014	0.3815158
	2015	0.3555443
	2016	0.3510845
	2017	0.4116567
Украина	2014	0.3172391
	2015	0.3859321
	2016	0.3721851
	2017	0.3848108
Узбекистан	2014	0.3867303
	2015	0.3717441
	2016	0.4643676
	2017	0.4688837

Из таблицы видно, что наилучшие показатели интеграции по направлению 5 – «Институциональная и политическая интеграция» у таких стран, как Кыргызская Республика (наибольшее значение индекса интеграции – 0.75 в 2017 г.), Республика Беларусь (значение индекса интеграции – 0.68 в 2016 г.), Таджикистан (значение индекса

интеграции – 0.64 в 2014 г.), наихудшие показатели – Украина (наименьшее значение индекса интеграции - 0.317 в 2014 г.), Туркменистан (значение индекса интеграции - 0.351 в 2016 г.), Узбекистан (значение индекса интеграции - 0.371 в 2015 г.).

Результаты применения теста Краскела-Уоллиса: Kruskal-Wallis chi-squared = 10.762, df = 1, p-value = 0.001036 показывают, что существуют значимые статистические отличия между сравниваемыми группами. И это, возможно, способствовало вступлению страны в ЕАЭС.

Шестое направление – Экономическая конвергенция

Таблица 40 – Значимость компонентов

	Z1	Z2	Z3	Z4
Собственное значение	1.0814441	1.0620356	1.0125460	0.8229882
Доля дисперсии	0.2923803	0.2819799	0.2563124	0.1693274
Накопленная дисперсия	0.2923803	0.5743602	0.8306726	1.0000000

В направлении 6 – «Экономическая конвергенция» первый главный компонент, соответствующий наибольшему собственному значению 1,081, объясняет 29,2% общего отклонения показателей. Соответствующий главный компонент для второго по величине собственного значения - 1.062, составляет дополнительные 28,2% от общего отклонения, третий компонент (1.012) объясняет 25, 6% общей дисперсии. Три основных компонента вместе объясняют 83% общего отклонения, и поэтому они выбраны для формирования агрегированного индекса измерения «Экономическая конвергенция».

Матрица нагрузок

Таблица 41 – Матрица нагрузок (loadings) для шестого направления

	Z1	Z2	Z3	Z4
TI21	0.2025767	0.8185107	0.04155295	0.5359816
TI22	0.7420912	0.1982526	-0.31222575	-0.5590274
TI23	0.6217833	-0.5285344	0.13685753	0.5615219
TI24	0.1471354	0.1067122	0.93917967	-0.2913850

Веса главных компонент (Z1, Z2 и Z3) соответственно равны значениям представленным в таблице (см. таблицу 42).

Таблица 42 – Веса главных компонентов (Z1, Z2 и Z3)

θ_1	θ_2	θ_3
0.3519802	0.3394597	0.3085601

Веса индексов в агрегированном индексе шестого направления будут соответственно равны значениям, представленным в таблице (см. таблицу 43).

Таблица 43 – Веса индексов (TI21-TI24) в агрегированном индексе шестого направления

TI21	0.2424015
TI22	0.2372574
TI23	0.2366876

TI24	0.2836536
------	-----------

Перемножением матриц можно получить итоговую таблицу агрегированного индекса по направлению 6 – «Экономическая конвергенция» (см. таблицу 44).

Таблица 44 – Вычисление агрегированного индекса для шестого направления

Страна	Год	Значение агрегированного индекса по направлению 6
Армения	2014	0.7632920
	2015	0.7622703
	2016	0.6324534
	2017	0.5301600
Азербайджан	2014	0.5732393
	2015	0.7364906
	2016	0.5470946
	2017	0.6365062
Беларусь	2014	0.2750205
	2015	0.4357698
	2016	0.3890048
	2017	0.5793366
Казахстан	2014	0.7993242
	2015	0.6939381
	2016	0.7033893
	2017	0.8678218
Кыргызстан	2014	0.6157651
	2015	0.5426150
	2016	0.4410390
	2017	0.5628185
Молдова	2014	0.7064544
	2015	0.9504613
	2016	0.8259178
	2017	0.6381357
Российская Федерация	2014	0.8077232
	2015	0.6625891
	2016	0.6819151
	2017	0.5577309
Таджикистан	2014	0.5960128
	2015	0.4126175
	2016	0.4825441
	2017	0.3127343
Туркменистан	2014	0.5552434
	2015	0.6655055
	2016	0.3991179
	2017	0.2797805
Украина	2014	0.4526895
	2015	0.2528576
	2016	0.7594308
	2017	0.7199931
Узбекистан	2014	0.7209420
	2015	0.4953005
	2016	0.3673124
	2017	0.4191485

Из таблицы видно, что наилучшие показатели интеграции по направлению 6 – «Экономическая конвергенция» у таких стран как Республика Молдова (наибольшее

значение индекса интеграции – 0.95 в 2015 г.), Республика Казахстан (значение индекса интеграции – 0.87 в 2017 г.), Российская Федерация (значение индекса интеграции – 0.81 в 2014 г.), наихудшие показатели – Украина (наименьшее значение индекса интеграции - 0.253 в 2015 г.), Республика Беларусь (значение индекса интеграции - 0.275 в 2014 г.) и Туркменистан (значение индекса интеграции – 0.28 в 2017 г.).

Результаты применения теста Краскела-Уоллиса: Kruskal-Wallis chi-squared = 0.044291, df = 1, p-value = 0.8333 показывают, что не существует значимых статистических отличий между сравниваемыми группами. Тем самым, вступление страны в ЕАЭС не оказало значимое влияние на агрегированный индекс по направлению 6 – Экономическая конвергенция.

Сводный индекс региональной интеграции

После расчета субиндексов по шести основным направлениям необходимо рассчитать сводный индекс региональной интеграции (значения субиндексов сведены в таблице. См. ПРИЛОЖЕНИЕ Б).

Значимость компонентов

Таблица 45 – Значимость компонентов

	Z1	Z2	Z3	Z4	Z5	Z6
Собственное значение	1.4965073	1.1108397	0.9544618	0.8513259	0.7597068	0.5599939
Доля дисперсии	0.3732557	0.2056608	0.1518329	0.1207926	0.0961924	0.0522655
Накопленная дисперсия	0.3732557	0.5789165	0.7307494	0.8515420	0.9477344	1.0000000

Первый главный компонент, соответствующий наибольшему собственному значению 1,497, объясняет 37,3% общего отклонения показателей. Соответствующий главный компонент для второго по величине собственного значения – 1.111, составляет дополнительные 20,6% от общего отклонения, третий компонент (0.954) объясняет 15, 2% общей дисперсии. Три основных компонента вместе объясняют 73% общего отклонения, и поэтому они выбраны для формирования сводного индекса региональной интеграции.

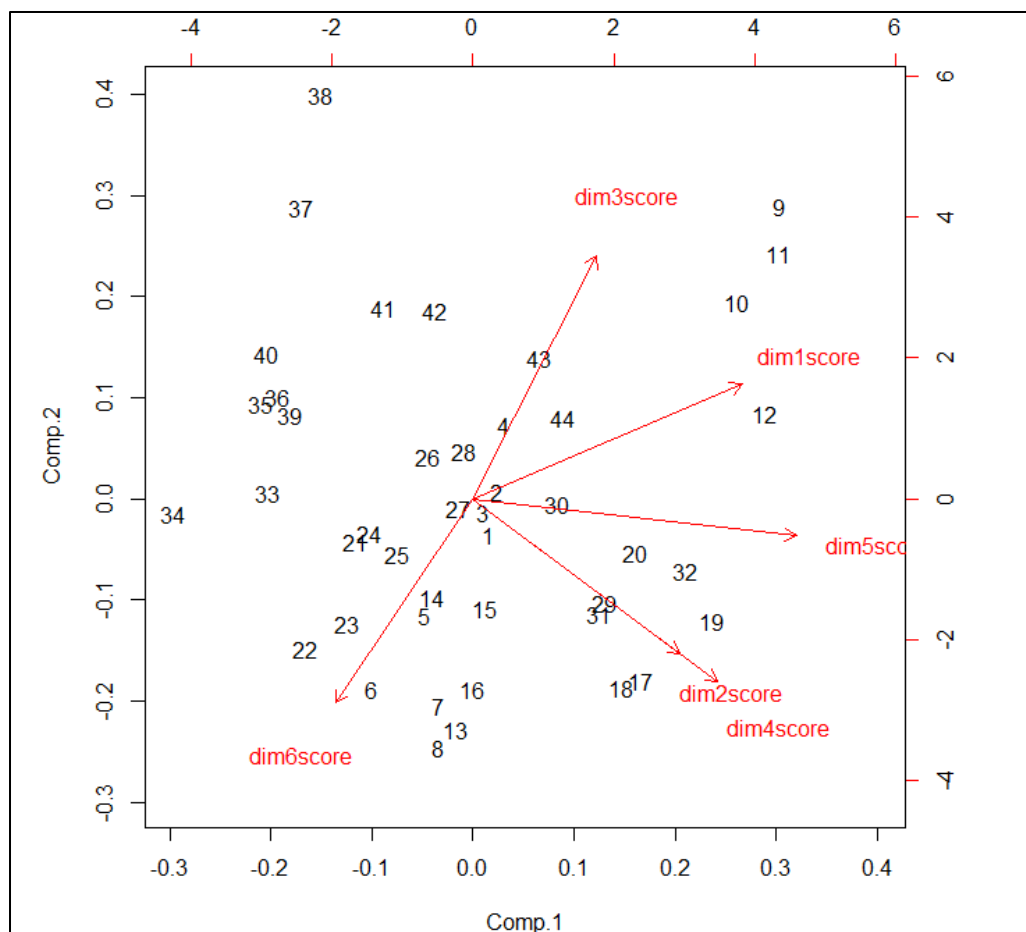

Рисунок 12 – График для отображения субиндексов (1-6) в новой системе основных компонент

Веса главных компонент (Z_1 , Z_2 и Z_3) соответственно равны представленным в таблице значениям (см. таблицу 46).

Таблица 46 – Веса главных компонент (Z_1 , Z_2 и Z_3)

θ_1	θ_2	θ_3
0.5107848	0.2814382	0.2077770

Веса индексов в сводном индексе региональной интеграции будут соответственно равны представленным в таблице значениям (см. таблицу 47).

Таблица 47 – Веса индексов в сводном индексе региональной интеграции

dim1score	0.1546485
dim2score	0.1430047
dim3score	0.2312908
dim4score	0.1578418
dim5score	0.1852470
dim6score	0.2709431

Перемножением матриц можно получить итоговую таблицу сводного индекса региональной интеграции (см. таблицу 48).

Таблица 48 – Сводный индекс региональной интеграции

Страна	Год	Индекс интеграции
Армения	2014	0.6823814
	2015	0.7011551
	2016	0.6176240
	2017	0.6037404
Азербайджан	2014	0.5299640
	2015	0.5694014
	2016	0.5223754
	2017	0.5521964
Беларусь	2014	0.6753056
	2015	0.7140283
	2016	0.7220290
	2017	0.7746737
Казахстан	2014	0.6492663
	2015	0.6058162
	2016	0.6368507
	2017	0.6877082
Кыргызстан	2014	0.6695746
	2015	0.6221704
	2016	0.6449517
	2017	0.6580502
Молдова	2014	0.5561645
	2015	0.6174271
	2016	0.5962145
	2017	0.5346838
Российская Федерация	2014	0.6289725
	2015	0.6019231
	2016	0.6112467
	2017	0.5791673
Таджикистан	2014	0.6635915
	2015	0.5716911
	2016	0.6046027
	2017	0.5928154
Туркменистан	2014	0.4422721
	2015	0.4207209
	2016	0.3847531
	2017	0.3347607
Украина	2014	0.4762199
	2015	0.4144301
	2016	0.5672571
	2017	0.5460185
Узбекистан	2014	0.6622095
	2015	0.5977490
	2016	0.5994944
	2017	0.6214703

Из таблицы видно, что наилучшие показатели региональной интеграции наблюдаются у таких стран, как Республика Беларусь (наибольшее значение индекса интеграции – 0.77 в 2017 г.), Республика Армения (значение индекса интеграции – 0.701 в 2015 г.), Республика Казахстан (значение индекса интеграции – 0.68 в 2017 г.), наихудшие показатели – Туркменистан (значение индекса интеграции – 0.33 в 2017 г.), Украина

(наименьшее значение индекса интеграции – 0.41 в 2015 г.), Республика Азербайджан (значение индекса интеграции – 0.52 в 2016 г.).

Однако, если анализировать полученные данные по каждому отдельно взятому направлению в динамике, то можно сделать следующие выводы.

Во-первых, результаты применения теста Краскела-Уоллиса: $Kruskal-Wallis\ chi-squared = 10.926$, $df = 1$, $p-value = 0.0009485$ показывают, что вступление страны в ЕАЭС обусловлено высокими показателями интеграционных индексов, свидетельствующими об их экономической и институционально-политической близости, что опровергает тезисы зарубежных исследователей о чисто политическом характере ЕАЭС.

Во-вторых, наибольший уровень региональной интеграции в рамках ЕАЭС показывают небольшие страны, например, Республика Беларусь, Республика Армения и Кыргызская Республика. Этот тезис подтверждает вывод о том, что в случае интеграции государств разных размеров потенциально больше выигрывает небольшая страна (малая экономика), поскольку она получает доступ к значительному потребительскому рынку и другим ресурсам страны-партнера.

В-третьих, если проследить динамику индекса региональной интеграции, то с 2015 г. рост показывают Республика Беларусь, Республика Казахстан и Кыргызская Республика. Индекс Республики Армения с 2016 г. продолжает падение. Индекс Российской Федерации также снижается с 2014 г. (см. рисунок 13). Представляется, что данный вывод говорит не столько о разной скорости интеграционных процессов государств-членов ЕАЭС, сколько о переливании «интеграционных эффектов» (например, торговли и инвестиций) между его членами.

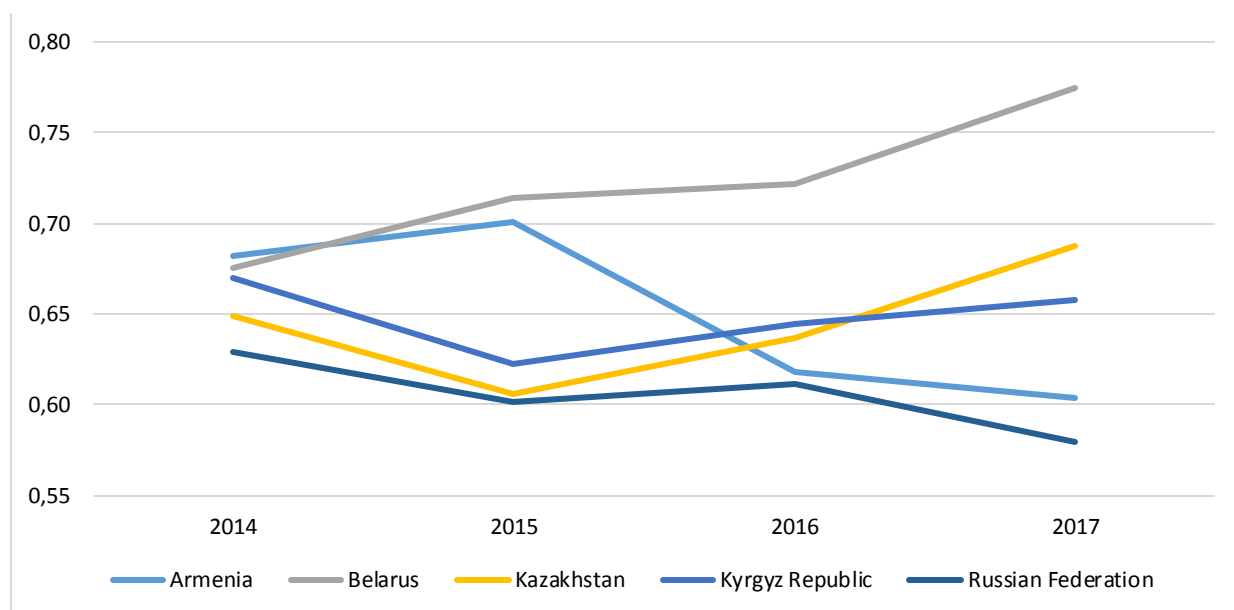

Рисунок 13 – Интеграция стран ЕАЭС

В-четвертых, на настоящий момент потенциальными членами на вступление в союз следует признать только Таджикистан и Узбекистан с учетом их высоких индексов. Здесь нужно отметить, что лучшим периодом для этих стран были 2014-2015 гг. (см. рисунок 14). В настоящее время наблюдается постепенное снижение интеграционных показателей, что впоследствии будет затруднять их вступление в Союз и требовать длительного периода адаптации.

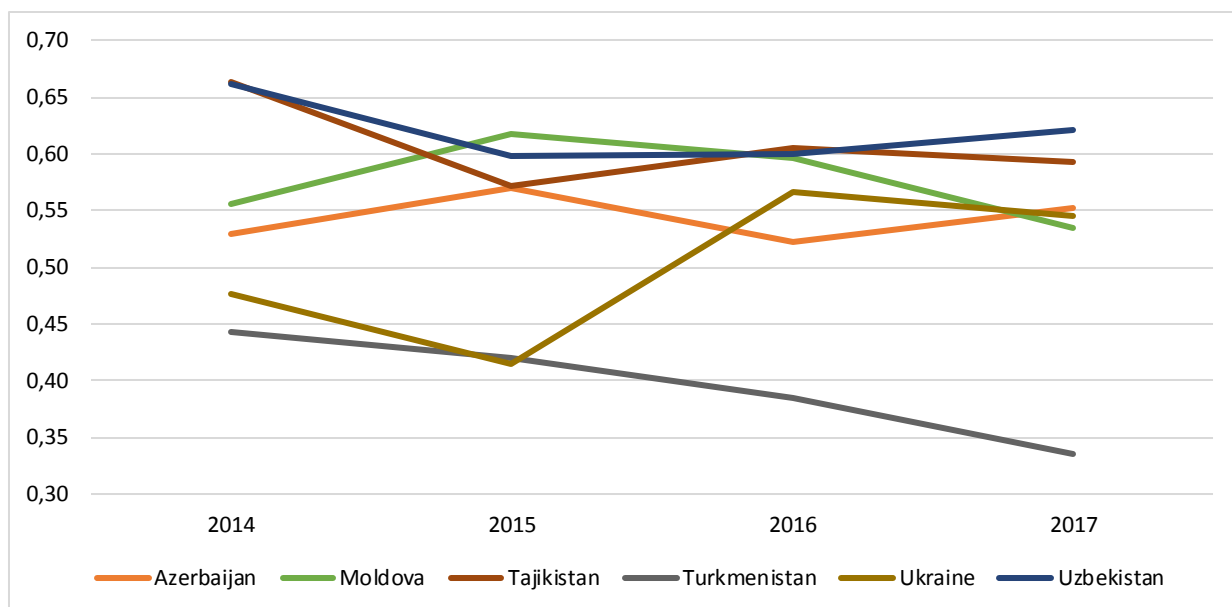

Рисунок 14 – Интеграция стран постсоветского пространства, не являющихся членами ЕАЭС

В-пятых, сведение отдельных индикаторов в субиндексы по шести направлениям позволило выявить влияние создания ЕАЭС не только на политические индикаторы (направление 5), но и на торговую и инвестиционную деятельность (направление 1). По другим направлениям такого влияния не обнаружено.

С целью дальнейших исследований можно отметить все возрастающую необходимость комплексной оценки различных факторов воздействий на интеграционные эффекты. В настоящей работе были сведены 26 отдельных показателей в один агрегированный индекс, изучено влияние процессов, затрагивающих, например, развитие единой транспортной инфраструктуры, единые рынки электроэнергии, а также эффективность государственного управления и качество регулирования.

Дальнейшее развитие предусматривает оценку влияния обобщенной социокультурной составляющей на интеграционные эффекты ЕАЭС (например, культурные измерения Хофстеде), однако в связи с недостатком данных по этим странам на данном этапе исследования было решено не включать их в итоговые расчеты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За последние несколько десятилетий региональная интеграция приобрела несколько значений, основанных на взаимодействиях, имеющих как историческое, так и географическое содержание. Существуют различные подходы к объяснению данного феномена. Так, процессы региональной интеграции объясняются, среди прочего, геостратегической рациональностью – реализмом, экономической взаимозависимостью – неолиберализмом, реакцией на маргинализацию в международной глобализации – неоструктуризмом или перетеканием эффектов из одной технической области в другую – неофункционализмом. Особо стоит выделить исследования Б. Хеттне об уровнях региональной интеграции (региональное пространство (regional space) или географический район; региональный комплекс (regional complex), региональное общество (regional society), региональное сообщество (regional community), региональная институционализируемая политика (regional institutionalized polity), Б. Баласса, представившего свою классификацию для измерения уровня интеграции (зона свободной торговли, общий рынок, более продвинутая форма – единый рынок, экономический и валютный союз, полная экономическая интеграция) и В. Лангенхова (Van Langenhove), который предлагает рассматривать регионализм в динамике своего развития (первая, вторая и третья волна региональной интеграции).

Вместе с тем, при формировании любых типов интеграционных объединений осуществляется выбор некой модели взаимодействия, которая наиболее соответствует представлению её субъектов и интересам. В настоящем исследовании были выявлены общие элементы структуры, присущие всем видам действующих интеграционных моделей, и установлена их логическая взаимосвязь. Также была разработана структура интеграционных моделей в существующих интеграционных объединениях, что позволило формировать новые усовершенствованные либо упрощенные модели на основе представленных обобщенных классификационных признаков.

Исследование показало, что в теориях международной экономической интеграции не существует универсальной интеграционной модели даже для двух однотипных объединений. Её формирование происходит путём определения необходимых классификационных признаков, которые формируют структуру в соответствии с интересами и заявленными целями субъектов интеграции. Вместе с тем, в глоссариях международных финансовых, экономических и политических организаций отсутствует любое определение интеграционной модели, в частности, в контексте экономической интеграции. Таким образом, применение интеграционной модели одного объединения к

другому по признакам экономической успешности возможно только в теории, однако в практическом аспекте, даже с учетом одинаковых целей и интересов, она создаст институциональную ловушку, поскольку элементы структуры имеют разную характеристику, а функционирование и взаимодействие субъектов происходит в разных условиях. Заимствованные модели экономической интеграции основаны на историческом опыте региональных объединений с разными подходами, поэтому из-за их несоответствия, как правило, возникают центробежные процессы.

Текущая стадия развития интеграционного процесса на постсоветском пространстве обуславливается созданием ЕАЭС с 1 января 2015 г. В исследовании на основе теоретического описания региональной интеграционной модели, ее классификационных признаков применительно к ЕАЭС, были последовательно рассмотрены такие вопросы как цели и задачи интеграции, институциональная среда, набор субъектов интеграции, создаваемые (изменяемые) условия для интеграции и стратегия взаимодействия ЕАЭС с третьими странами, включая ВТО. Также на основе разработанной автором модель-схемы классификационных признаков был проведен сопоставительный анализ других интеграционных объединений. Результаты свидетельствуют о том, что современные интеграционные процессы в мировой экономике всё чаще приобретают нелинейный характер, поэтому их сравнение целесообразно проводить по классификационным признакам и таким качественным показателям как юридическая проработанность соглашений (глубина интеграции).

Следует отметить, что в интеграционных процессах также присутствует демонстрационный эффект. Заклячая разного рода соглашения о ЗСТ со странами дальнего зарубежья, ЕАЭС прикладывает активные усилия, чтобы добиться положительного экономического эффекта, и, таким образом, оказать определенное психологическое воздействие на другие страны, которые, конечно, следят за происходящими изменениями. Реальный экономический эффект удастся проследить лишь в динамике за несколько лет.

Данная ситуация ориентирует экспертное сообщество не на обсуждение проблемы совершенствования деятельности ЕАЭС, изменения структур их экономик, выстраивания экономических и кооперативных связей как таковой, а на поиск теоретических ответов по улучшению РТС и усилению их позитивных эффектов для торговли, таким образом переводит дискуссию из политэкономической в большей степени в бюрократическую плоскость.

В ближайшей перспективе интеграционные процессы на региональном и глобальном уровнях будут усложняться, приобретая новые формы, отличные как от классических стадий интеграции Б. Баласса, так и от нелинейных моделей. Их результатом

станет новая система международных экономических отношений, в которой решения будут приниматься на основе диалога на уровне интеграционных объединений – т.н. макрорегионов. В этих условиях экономическое процветание страны будет во многом зависеть от того, насколько эффективно используются интеграционные возможности с учетом национальных конкурентных преимуществ.

Инструменты реализации интеграционного потенциала общеизвестны. История становления и развития Европейского союза, других интеграционных объединений содержит значительный теоретический и эмпирический опыт реализации совместных мер. В то же время ключевым вопросом остается выбор конкретных интеграционных мер в текущей экономической ситуации. Для решения данной задачи с учетом существующих различий между интеграционными объединениями разрабатываются индикаторы интеграции, принимающие уровень и степени интеграции в качестве основного критерия для анализа объединений. Предложенная в настоящем исследовании система индикаторов интеграции объединяет и обобщает лучшие мировые разработки в этой области (Азиатско-тихоокеанский региональный интеграционный индекс (ARCI), индекс региональной интеграции в Африке (ARI), индекс Европейского Союза (EU Index), индекс ЕЭК и др.)

Многообразие объединений и форматов экономической интеграции, равно как и специфика экономик государств-членов объединений, создаёт сложности для выработки единого подхода к её измерению. При этом в ЕАЭС исследования, которые рассматривали бы задачу построения мониторинга интеграции при помощи системы индикаторов, в настоящее время практически ограничены системой индикаторов экономической интеграции ЕАБР и ЕЭК.

Обновленная в 2019 г. архитектура системы индикаторов интеграции ЕЭК очень полезна для сравнительного анализа интеграции в региональных объединениях (ЕАЭС, ЕС, АСЕАН, МЕРКОСУР), выявления прогресса и направлений развития региона в целом, однако не позволяет оценить степень интеграции отдельных экономик стран-участниц в конкретном региональном объединении для выработки скоординированной политики национальными и наднациональными органами.

В настоящем исследовании на основе анализа главных компонент был рассчитан индекс интеграции по шести основным направлениям (I. Интеграция торговли и инвестиций, II. Интеграция инфраструктуры, III. Продуктовая интеграция, IV. Свободное перемещение людей, V. Институциональная и политическая интеграция, VI. Экономическая конвергенция), затем был рассчитан сводный интеграционный индекс страны. Для каждого субиндекса был проведен непараметрический тест Краскелла-Уолиса (аналог дисперсионного анализа) для оценки влияния участия страны в ЕАЭС.

Система индикаторов интеграции – это очередной шаг к оценке роли интеграционных процессов в современной мировой экономике. С углублением сотрудничества между странами, появлением новых форматов взаимодействия и обмена данными, возможностей их полноценного анализа, система индикаторов интеграции будет совершенствоваться. В перспективе такая система позволит вести экономический диалог между странами на одном понятном языке, а сводный индекс интеграции станет неотъемлемой информационной составляющей при принятии взвешенных решений на национальном и наднациональном уровнях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андропова И.В. Внешнеэкономическая безопасность Российской Федерации: новые угрозы и их нейтрализация в условиях ускоренной Евразийской интеграции. / Докторская диссертация. – М.: 2015, РАНХиГС. с. 228
2. Багдасарян К.М. Азиатский вектор интеграционной повестки Евразийского экономического союза // Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран. Памяти Л.И. Рейснера: Ежегодник 2018. – М.: ИВ РАН, 2018. – С.130-139
3. Багдасарян К.М. Анализ модели экономической интеграции // Журнал экономической теории, 2019. – Т. 16. – №3. – С. 352-361
4. Багдасарян К.М. Возможности сближения между Евразийским экономическим союзом и Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии / А.А. Пахомов, К.М. Багдасарян // Вестник университета (ГУУ). – М.: Издательский дом «Государственный университет управления». – 2017. – №11. С. 105-114
5. Багдасарян К.М. Государства АСЕАН во внешнеэкономической политике России на современном этапе: новые возможности и ограничения (Препринт НИР РАНХиГС за 2017 г.) [электронный ресурс] / А.А. Пахомов, А.И. Макаров, К.М. Багдасарян // SSRN. [2018]. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3169756> (Дата обращения: 21.06.2020)
6. Багдасарян К.М. Позиции стран Евразийского экономического союза в мировой экономике на современном этапе. Вестник Университета (ГУУ). – М.: Издательский дом «Государственный университет управления». – 2016. – №9. С. 58-65.
7. Багдасарян К.М. Проблемы участия государств ЕАЭС в деятельности ВТО/ А.А. Пахомов, К.М. Багдасарян // Экономическое развитие России. 2016. Т. 23. № 11. С. 31-37.
8. Бессонова О.Э. Раздаточная экономика как российская традиция // В сборнике: Хрестоматия по руссиейведению РАН. ИНИОН. Центр руссиейведения; Отв. ред. Глебова И.И. Москва, 2015. С. 49-64.
9. В ЕАЭС предложили создать «расчетный инструмент Шелкового пути» [электронный ресурс] / Евразийский банк развития. URL: https://eabr.org/press/comments/v-eaes-predlozhili-sozdat-raschetnyy-instrument-shelkovogo-puti/?sphrase_id=2157
10. Вакульчук Р. «Интеграция: Кому нужны барьеры» / А. Кнобель, Р. Вакульчук // Газета «Ведомости». № 4214 от 30.11.2016
11. Винокуров Е.Ю. Евразийский экономический союз / В.С. Перебоев, Д.А. Коршунов, Е.Ю. Винокуров, Т.В. Цукарев / ЦИИ ЕАБР. Санкт-Петербург: 2017.

12. Винокуров Е.Ю. Каким должен быть диалог между ЕС и Евразийским союзом [электронный ресурс] / Газета РБК. «Выпуск № 234 (2490) (1612) от 16 декабря 2016». URL: <http://www.rbc.ru/newspaper/2016/12/16/58526a0b9a7947e2dd8f8773>
13. Внешняя торговля ЕАЭС по странам [электронный ресурс] / ЕЭК. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Documents/2018/12-102019/E201812_2_1.pdf (дата обращения: 22 ноября 2019)
14. Воронина Т.В. Трансформация линейно-стадиальной модели международной экономической интеграции в эпоху глобализации: причины, формы, последствия. // Фундаментальные исследования. – Пенза: 2014. – №6. – С 539-543.
15. Глазьев С.Ю. Сопряжение Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и инициативы «один пояс – один путь» как основа построения Большого Евразийского Партнерства и перехода к новому мирохозяйственному укладу // В сборнике: Новая экономика: институты, инструменты, тренды. Материалы всероссийской научно-практической конференции. В 3-х частях. Под редакцией О.В. Пилипенко, С.Ю. Глазьева, А.Э. Айвазова, А.Г. Зайцева, Н.В. Спасской, Е.В. Такмаковой. 2019. С. 5-31.
16. Глоссарий по информационному обществу / Под общ. ред. Ю.Е. Хохлова. – М.: Институт развития информационного общества, 2009. – 160 с.
17. Демиденко М., Коршунов Д., Карачун О., Миксюк А., Пелипась И., Точицкая И., Шиманов Г., «Денежно-кредитная политика государств-членов ЕАЭС: текущее состояние и перспективы координации.», Совместный доклад Евразийской экономической комиссии и Евразийского банка развития. Москва: ЕЭК., 2017.
18. Демиденко М.В. Оценка экономического эффекта присоединения Таджикистана к ТС и ЕЭП / ЦИИ ЕАБР. – Санкт Петербург, 2013. – 122 с.
19. Договор о Евразийском экономическом союзе [электронный ресурс] / Правовой портал ЕАЭС. [2014] Url: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0013611/itia_05062014_doc.pdf (дата обращения: 20.01.2020)
20. ЕАЭС и Индия прорабатывают соглашение о создании зоны свободной торговли [электронный ресурс] / ТАСС. 2020. URL: <https://tass.ru/ekonomika/7520875> (дата обращения: 04.02.2020)
21. Евразийский экономический союз в цифрах. Краткий статистический сборник 2020 г. [электронный ресурс] / ЕЭК. [2020]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Brief_Statistics_Yearbook_2020.pdf
22. ЕЭК впервые применила штрафы за нарушение антимонопольного законодательства [электронный ресурс] / ЕЭК. 2017. URL:

<https://eadaaily.com/ru/news/2017/09/28/EEK-vpervye-primenila-shtrafy-za-narushenie-antimonopolnogo-zakonodatelstva> (дата обращения: 10.01.2018)

23. Индию приглашают в зону ЕАЭС [электронный ресурс]. // «Коммерсантъ». [2017]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3313463>. (дата обращения: 23.октября.2017).

24. Индия сближается с ЕАЭС для выхода на рынки Центральной Азии – индийский эксперт [электронный ресурс] / «Евразия Эксперт». 2020. URL: <http://eurasia.expert/indiya-sblizhaetsya-s-eaes-radi-rynkov-tsentralnoy-azii/> (дата обращения: 04.02.2020)

25. Иноземцев В. Союз утопающих: вовремя ли Россия взялась строить ЕАЭС [электронный ресурс] // РСМД. [2015] URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/soyuz-utopayushchikh-vovremya-li-rossiya-vzyalas-stroit-eaes/> (дата обращения: 10.01.2020)

26. Иноземцев В. Торговля иллюзиями: что не так с евразийской интеграцией [электронный ресурс] // РСМД. [2019] URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/torgovlya-illyuziyami-cto-ne-tak-s-evraziyskoy-integratsiey-podrobnее-na-rbk-https-www-rbc-ru-opini/> (дата обращения: 10.01.2020)

27. Киргизия выпустит криптовалюту под добычу золота [электронный ресурс] / Вести Экономика. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/86758> (дата обращения: 15.06.2017)

28. Кнобель А. «Бег без барьеров» / А. Кнобель, А. Липин // ВЕДОМОСТИ. [2016]. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/02/04/626746-beg-baretoy> (дата обращения: 02.07.2019)

29. Кнобель А.Ю. Евразийский экономический союз: перспективы развития и возможные препятствия // Вопросы экономики. 2015. № 3. С. 87-108.

30. Кнобель А.Ю. Открытость российской экономики как источник экономического роста / А.Ю. Кнобель, П.А. Кадочников, С.Г. Синельников-Мурылев // Вопросы экономики. – Москва: 2016. – № 12. – С. 26-42.

31. Кокшаров В.А. Многоуровневая интеграция в постсоветском пространстве // Известия уральского государственного университета. – Екатеринбург: 2011. – №4(96). – С. 9-16

32. Кузьмина Е.М. АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА: Экономическое развитие стран ЕАЭС и перспективы экономической интеграции до 2025 г. / Российский совет по международным делам. Москва, 2017. – 24 с.

33. Курушина Е.В. Экономическая интеграция с позиций методологии научного познания (вопросы классификации) // Журнал «Фундаментальные исследования». 2013. №8. С. 1146-1150
34. Либман А.М. Модели экономической дезинтеграции. Интеграция и Дезинтеграция / А.М. Либман, Б.А. Хейфец // Евразийская экономическая интеграция. 2011. №2. С. 4-18.
35. Либман А.М. Модели экономической интеграции: мировой и постсоветский опыт. [электронный ресурс] // Munich University Library. [2009]. URL: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/19434/1/MPRA_paper_19434.pdf (дата обращения: 30.11.2018).
36. Максим Орешкин: единая валюта ЕврАзЭС может быть создана не ранее 2025 г. [электронный ресурс] / Портал внешнеэкономической информации (ved.gov.ru), Москва, 2 августа 2017. URL: <http://www.ved.gov.ru/news/23109.html> (Дата обращения: 10.08.2017)
37. Мурадов К.Ю. Встроена ли Россия в глобальные цепочки создания стоимости? // Вестник НГУЭУ. 2015. № 4. С. 92-117.
38. Внешняя торговля товарами. Статистика Евразийского экономического союза. [электронный ресурс] / ЕЭК. [2020]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/Pages/default.aspx
39. Назарбаев: ни одна нацвалюта не годится на роль единой валюты в ЕАС [электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/interview/20111119/492544502.html> (дата обращения: 11.08.2017)
40. Номинальный ВВП 2018 [электронный ресурс] / Всемирный банк <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (дата обращения: 28.01.2020)
41. Нуртай Абыкаев. Устойчивое экономическое развитие и социальная модернизация в Казахстане. М., 2012, 228 с.
42. О новых зонах свободной торговли с участием ЕАЭС. Соглашение ЕАЭС– Сингапур [электронный ресурс] // Мониторинг актуальных событий в области международной торговли № 39. ВАВТ. [2019]. Url: [http://www.vavt.ru/materials/site/77705783cfeca84a432584bf00392575/\\$file/Monitoring_39.pdf](http://www.vavt.ru/materials/site/77705783cfeca84a432584bf00392575/$file/Monitoring_39.pdf) (дата обращения: 10.01.2020)
43. Об итогах взаимной торговли товарами (аналитический обзор) [электронный ресурс] / ЕЭК. [2020]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/
44. Обзор ключевых положений Соглашения о свободной торговле между ЕАЭС и Социалистической Республикой Вьетнам [электронный ресурс]. // Евразийская

экономическая комиссия. [2017]. – URL: [http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Обзор Соглашения о свободной торговле между странами ЕАЭС и Вьетнамом.pdf](http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Обзор%20Соглашения%20о%20свободной%20торговле%20между%20странами%20ЕАЭС%20и%20Вьетнамом.pdf) (дата обращения: 23.октября.2017).

45. Ограничения на ввоз [электронный ресурс] / Россельхознадзор. URL: <http://www.fsvps.ru/fsvps/importExport/belarus/restrictions.html> (Дата обращения: 08.05.2017)

46. Павленко В.Б. Мифы «устойчивого развития». «Глобальное потепление» или «ползучий» глобальный переворот? / 2011. 942 с.

47. Пахомов А.А. Тарифные переговоры в рамках присоединения России к ВТО // Внешняя торговля. – М.: 2000. – №2 – С. 34-38.

48. Подписано Временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли между ЕАЭС и Ираном [электронный ресурс] / Евразийская экономическая комиссия. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/17-05-2018-1.aspx> (дата обращения: 01.06.2018)

49. Правовой портал [электронный ресурс]. // Евразийский экономический союз. [2017]. – URL: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/Pages/AllDocuments.aspx#>. (дата обращения: 22.октября.2017).

50. Пресса России: «разворот на Восток» российской экономики [электронный ресурс] // BBC Russian. 2012. URL: https://www.bbc.com/russian/russia/2012/09/120910_rus_press (дата обращения: 10.02.2020)

51. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 апреля 2018 г. №739-р «О подписании Временного соглашения, ведущего к образованию зоны свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Исламской Республикой Иран, с другой стороны» [электронный ресурс] / Правительство России. URL: <http://static.government.ru/media/files/RpcZVW1ktAxOT4uavg8blvcUcvAc92zE.pdf>

52. Ремчукова В.К. Что мешает торговле между ЕАЭС и АСЕАН [электронный ресурс] // Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/ideas/2016-06-03/5_asean.html (дата обращения: 03.06.2016)

53. Сегодня вступило в силу временное соглашение о ЗСТ между ЕАЭС и Ираном [электронный ресурс] // ИА Исламской Республики (IRNA). 2019. URL: <https://ru.irna.ir/news/83532532/Сегодня-вступило-в-силу-временное-соглашение-о-ЗСТ-между-ЕАЭС> (дата обращения: 03.02.2020)

54. Сербия-ЕАЭС: перспективы интеграции в рамках зоны свободной торговли. Рабочая тетрадь № 37/2016 / [Я.Д. Лисоволик, Е.С. Чимирис]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2016. – 28 с.
55. Система индикаторов интеграции как инструмент анализа функционирования региональных интеграционных объединений [электронный ресурс] / ЕЭК [2019]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/developDocs/Documents/Индикаторы_интеграции.pdf (дата обращения: 10.12.2019)
56. Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Сербией, с другой стороны [электронный ресурс] / ЕЭК [2019]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/Pages/Соглашение-с-Сербией.aspx> (дата обращения: 22 ноября 2019)
57. Соглашение о свободной торговле с Республикой Сингапур (2019) [электронный ресурс] / ЕЭК. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/Pages/Соглашение-с-Сингапуром.aspx> (дата обращения: 22 ноября 2019)
58. Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР вступило в силу [электронный ресурс] / ЕЭК. 2019. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/25-10-2019-5.aspx> (дата обращения: 03.02.2020)
59. Сочинская декларация «На пути к взаимовыгодному стратегическому партнерству» [электронный ресурс] // Саммит Россия-АСЕАН. URL: <http://russia-asean20.ru/load/194715> (дата обращения: 22.10.2017)
60. Статистика внешней и взаимной торговли [электронный ресурс] / ЕЭК. 2019. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/intra/Documents/2019/11/I201911_3_1.pdf (дата обращения: 03.02.2020)
61. Хаусхофер К. Теория «жизненного пространства»: философский поединок. – М.: Алгоритм, 2019. 240 с.
62. Христенко В. Нужна ли нам интеграция? // Россия в глобальной политике. 2004. №1. С. 75-77.
63. Экспорт и импорт услуг / ЕЭК (Департамент статистики | Финансовая статистика) [электронный ресурс] / ЕЭК [2020]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/Pages/ex_im_services.aspx

64. Africa Regional Integration Index. Report 2016 [электронный ресурс] / Africa Regional Integration Index. [2016]. URL: https://www.integrate-africa.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/ARII-Report2016_EN_web.pdf
65. Africa Research Bulletin (2015). Economics, financial and technical series, vol. 51 Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell. 12.
66. African Union Commission, African Development Bank, & UN Economic Commission for Africa (2016) [электронный ресурс] / African development bank, and UN economic commission for Africa. Methodology for calculating the Africa regional integration index (ARII). <http://www.integrate-africa.org/>.
67. Aguiar-Conraria, L., Martins, M.M.F. and Soares, M.J. (2013). 'Convergence of the Economic Sentiment Cycles in the Eurozone: A Time-Frequency Analysis'. Journal of Common Market Studies, vol. 51, pp. 377–398.
68. Alesina, Alberto & Spolaore, Enrico & Wacziarg, Romain, 2005. «Trade, Growth and the Size of Countries» Handbook of Economic Growth, in: Philippe Aghion & Steven Durlauf (ed.), Handbook of Economic Growth, edition 1, volume 1, chapter 23, pages 1499-1542 Elsevier.
69. Armenia-Singapore Agreement on Trade in Services and Investment (2019) [электронный ресурс] / ЕЭК. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaties/treaties-with-investment-provisions/4906/armenia---singapore-agreement-on-trade-in-services-and-investment-2019-> (дата обращения: 22 ноября 2019)
70. Artis, M. and Zhang, W. (2001). 'Core and Periphery in EMU: A Cluster Analysis'. Economic Issues, vol. 6, pp. 39–59
71. Asian Development Bank (ADB) (2016). Asian economic integration report: What drives foreign direct investment in Asia and the Pacific Manila, Philippines: Metro
72. Asian Economic Integration Report 2017: The Era of Financial Interconnectedness: How Can Asia Strengthen Financial Resilience? [электронный ресурс] / Asian Development Bank (ADB). Manila. URL: <https://aric.adb.org/aeir>
73. Asia-Pacific Regional Cooperation and Integration Index [электронный ресурс] / Asia Regional Integration Center. [2017]. URL: https://aric.adb.org/pdf/aeir/AEIR2017_7_asia-pacific-regional-cooperation-and-integration-index.pdf
74. Balassa B. Types of economic integration. // In: Economic Integration: Worldwide, Regional, Sectoral. London: Palgrave Macmillan, 1976. pp. 17-40.
75. Bellinger G. Modeling & Simulation: An Introduction [электронный ресурс] // Systems Thinking. 2004. URL: <http://www.systems-thinking.org/modsim/modsim.htm> (дата обращения: 01.12.2018).
76. Bhagwati J. The World Trading System at Risk. Princeton (NJ), 1991

77. BRICS Trade Strategy: Time for a Rethink [электронный ресурс] / Global Trade Alert. URL: www.globaltradealert.org/reports/download/22 (дата обращения: 02.05.2018)
78. Bruno S. Sergi «Putin's and Russian-led Eurasian Economic Union: A hybrid half-economics and half-political «Janus Bifrons» [электронный ресурс] // Journal of Eurasian Studies. №9 (2018) pp.52–60. URL: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2017.12.005> (дата обращения: 16.12.2019)
79. Buch, C., Döpke, J. and Pierdzioch, C. (2005). 'Financial Openness and Business Cycle Volatility'. Journal of International Money and Finance, vol. 24, pp. 744–765.
80. Caballero S. Regional Integration Theories: The Suitability of a Constructivist Approach (at least, in the case of South America) / Conference Paper 383. Panel 230, Session RC-17 «Globalization and Governance», IPSA-Chile, July 2009.
81. Chauffour JP, Maur JC, editors. Preferential Trade Agreement Policies for Development: A Handbook. The World Bank, 2011.
82. Comprehensive and enhanced partnership agreement between the European union and the European atomic energy community and their member states, of the one part, and the Republic of Armenia, of the other part [электронный ресурс] / Council of the European Union. URL: <http://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-12525-2017-ADD-1/en/pdf> (дата обращения: 19.08.2018)
83. Content of deep trade agreements [электронный ресурс] // The World Bank Group. [2018]. URL: <https://datacatalog.worldbank.org/dataset/content-deep-trade-agreements> (дата обращения: 3.декабря.2018)
84. COUNCIL DIRECTIVE 2006/112/EC of 28 November 2006 on the common system of value added tax [электронный ресурс] / European Union. [2006]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32006L0112&from=GA> (Дата обращения: 10.08.2017)
85. De la Fuente, A. (2002). 'On the Sources of Convergence: A Close Look at the Spanish Regions'. European Economic Review, vol. 46, pp. 569–599.
86. Deutsch K. The Analysis of international relations, 1968, p.159.
87. Dixit A., Victor N. Theory of international trade: A dual, general equilibrium approach. Cambridge University Press, 1980.
88. Dori D. Object-Process Methodology: A Holistic Systems Paradigm. 2002. Publisher: Springer-Verlag Berlin Heidelberg. 455 p.
89. Dreher, Axel, Noel Gaston, Pim Martens, and Lotte Van Boxem. 2010. «Measuring Globalization -Opening the Black Box. A Critical Analysis of Globalization Indices. » Journal of Globalization Studies1 (1): 166–85.

90. EU-Index. Measuring European Economic Integration [электронный ресурс] / Indicators – EU-Index. [2012]. URL: http://www.eu-index.uni-goettingen.de/?page_id=231
91. Fabienne Bossuyt «Central and Eastern European perceptions of the Eurasian Economic Union: Between economic opportunities and fear of renewed Russian hegemony» [электронный ресурс] // STUDIA DIPLOMATICA 2017 • LXVIII-5. EGMONT – Royal Institute for International Relations. URL: http://www.egmontinstitute.be/content/uploads/2017/10/stud.diplom.2017-5_v1.pdf (дата обращения: 16.12.2019)
92. Fawcett, L. and Hurrell, A. (eds) (1995). Regionalism in World Politics. Regional Organizations and International Order. Oxford: Oxford University Press.
93. Friedenthal S., Moore A., Steiner R. A. Practical Guide to Systems Modeling Language. 2012. Publisher: Morgan Kaufmann. 640 p.
94. Furceri, D. and Karrass, G. (2008). 'Business-Cycle Synchronization in the EMU'. Applied Economics, vol. 40, pp. 1491–1501.
95. Gamble, A. and Payne, A. (ed by) (1996). Regionalism and World Order. Houndmills: Macmillan.
96. Gartner, J., & Lawson, R. (2001). Economic freedom of the world: 2001 annual report. <http://www.freetheworld.org/>.
97. Gavin B. «Trade and Investment» in The European Union and Globalization Towards Global Economic Governance. 2001.
98. GDP, current prices [электронный ресурс] / IMF (WEO, 2019). URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/>
99. Global value chains in a changing world [электронный ресурс] // WTO. [2013]. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/aid4tradeglobalvalue13_e.pdf (дата обращения: 3.декабря.2018).
100. Haas E. The uniting of Europe. Political, Social, and Economic Forces, 1950-1957. Indiana (USA): University of Notre Dame Press, 2004. – 552 p.
101. Hettne B. «Security and Peace in Post-Cold War Europe», Journal of Peace Research, Vol.28, No.3. (Aug.,1991), p.282.
102. Hettne B. «The New Regionalism Revisited», SODERBAUM, Fredrik and SHAW, Timothy (eds.). Theories of New Regionalism, Palgrave Macmillan, 2003, p. 23-24.
103. Hettne B. and Soderbaum F. «Theorising Comparative Regionalism: Bridging Old Divides», Paper for ECPR Joint Session on “Comparative Regional Integration: Towards a Research Agenda», Nicosia, April 2006.

104. Hettne B., Inotai A., Sunkel O. Globalization and the New Regionalism: The Second Great Transformation. Globalism and the New Regionalism. London: 1999. Macmillan.
105. Hettne, B. and Inotai, A. (eds) (1994). The New Regionalism: Implications for Global Development and International Security. Helsinki: UNU/WIDER.
106. Hofmann C., Osnago, and Ruta, «Horizontal depth: a new database on the content of preferential trade agreements.», The World Bank, 2017.
107. Huh, Hyeon-Seung, and Cyn-Young Park. 2017. "Asia-Pacific Regional Integration Index: Construction, Interpretation, and Comparison» ADB Economics Working Papers Series No. 511. <https://www.adb.org/publications/asia-pacific-regional-integration-index>
108. Hurrell A. Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics // Review of International Studies. 1995. Cambridge University Press. P. 331-358.
109. In Moscow, Medvedev will meet with Iranian President Rouhani [электронный ресурс] / Russia news today. URL: <http://chelorg.com/2017/03/27/in-moscow-medvedev-will-meet-with-iranian-president-rouhani/> (дата обращения: 08.05.2017)
110. Jaguaribe, Helio. «Mercosul e a Nova Ordem Mundial», Dossiê CEBRI, volume 1, año 1, 2002, p.6.
111. John Baylis, Steve Smith, Patricia Owens «The globalization of world politics: an introduction to international relations» / - Publisher: N.Y.: Oxford University Press, 2008. 4th edition. 622 p.
112. JÖRG KÖNIG. Measuring European Economic Integration. Dissertation zur Erlangung des wirtschaftswissenschaftlichen Doktorgrades der Wirtschaftswissenschaftlichen Fakultät der Georg-August-Universität Göttingen, Göttingen, 2014
113. K. Kirkham «The formation of the Eurasian Economic Union: How successful is the Russian regional hegemony?» [электронный ресурс] // Journal of Eurasian Studies. №7 (2016). pp. 111–128. URL: <https://doi.org/10.1016%2Fj.euras.2015.06.002> (дата обращения: 16.12.2019)
114. Kathleen Collins «Economic and Security Regionalism among Patrimonial Authoritarian Regimes: The Case of Central Asia» [электронный ресурс] // Europe-Asia Studies. Volume 61, 2009 - Issue 2. URL: <https://doi.org/10.1080/09668130802630854> (дата обращения: 16.12.2019)
115. Kemp M.C., Wan «An elementary proposition concerning the formation of customs unions» 1976. pp. 95-97.
116. Lamy P. Fifth EC/Candidate Countries Ministerial Conference on Trade – Opening speech, Malta, 31 May - 1 June 2002.

117. Lamy P. The Geneva Consensus: Making Trade Work for All. Cambridge University Press, 2013.
118. Langenhove V. & Costea C. UNU-CRIS Occasional papers. Inter regionalism and the future of multilateralism, 2005, p.p.12-17
119. Langenhove V. «Regional Integration and Global Governance», UNUexions, August 2003, pp.1-4.
120. Langenhove V. Costea A., Gavino B. From Multilateralism to Multiregionalism. What Role for Regional Integration in Global Governance? [электронный ресурс] / UNU-CRIS Occasional Papers 0-2004/5. 25 p. URL: <http://cris.unu.edu/sites/cris.unu.edu/files/O-2004-5.pdf>
121. Lawrence R. Regionalism, Multilateralism and Deep Integration. 1996, | Ethier W. «Regional Regionalism», in S. Lahiri (ed.), Regionalism and Globalization Theory and Practice. 2001
122. Limão N., Maggi, «Uncertainty and trade agreements», American Economic Journal: Microeconomics, Vol. 7, No. 4, 2015. pp. 1-42.
123. Lockwood, Ben. 2004. «How Robust is the Kearney/Foreign Policy Globalization Index? » The World Economy 27 (4): 507–524.
124. Logistics Performance Index [электронный ресурс] / The World Bank. 2018. URL: <https://datacatalog.worldbank.org/dataset/logistics-performance-index> (дата обращения: 10.07.2019)
125. Madalina Sisu Vicari, «The Eurasian Economic Union – approaching the economic integration in the post-Soviet space by EU-emulated elements» [электронный ресурс] // Revue Interventions économiques, 55 [2016]. URL: <http://interventionseconomiques.revues.org/2823> (дата обращения: 02.09.2018)
126. Mattoo A., Mulabdic A., and Ruta, «Trade creation and trade diversion in deep agreements». The World Bank, 2017.
127. Meade J. The Customs Union Issue. 1950. New York. P. 41-55.
128. Merchandise: Intra-trade and extra-trade of country groups by product, annual, 2018 [электронный ресурс] / UNCTAD statistics. URL: <http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx> (дата обращения: 28.01.2020)
129. Mitrany D. Working Peace System. An Argument for the Functional Development of International Organization. 4th ed. London: The Royal Institute of international affairs, 1946. – 69 p.
130. Modelling and Stimulation (M&S) Glossary. 2011. [электронный ресурс] / USA Department of Defense. URL: http://www.acqnotes.com/Attachments/DoD_M&S_Glossary_1_Oct_11.pdf (дата обращения: 01.12.2018).

131. Murray C. Kemp and Henry Y. Wan, Jr. (1976). "An elementary proposition concerning the formation of custom unions» // *Journal of International Economics* 6 (1976) 95-97. North-Holland Publishing Company.
132. Nardo, M., Saisana, M., Saltelli, A., & Tarantola, S. (2011). *Tools for composite indicators building*. European commission. Mauritius: Dictus Publishing.
133. Ndayi Z. «Review Article «Theorising the Rise of Regionness» by Bjorn Hettne and Fredrik Soderbaum», *Politikon*, April 2006, 33 (1), p. 117.
134. Nye, Joseph. «Comparative Regional Integration: Concept and Measurement» *International Organization*, Vol.22, No.4, 1968, p.860.
135. OECD. 2008. *Handbook on Constructing Composite Indicators: Methodology and User Guide*. European Commission. Paris.
136. Organization for Economic Co-operation and Development (OECD) (2008). *Handbook on constructing composite indicators: Methodology and user guide*. European Commission. Paris: OECD.
137. Pablo Podadera Rivera, Anna Garashchuk «The Eurasian Economic Union: prospective regional integration in the post-Soviet space or just geopolitical project? » // *Eastern Journal of European Studies*. Volume 7, Issue 2, December 2016. URL: http://ejes.uaic.ro/articles/EJES2016_0702_RIV.pdf (дата обращения: 16.12.2019)
138. Ratzel F. *Über den Lebensraum/Die Umschau*. 1897. Vol.1. С. 363-366.
139. Robert o. Keohane «After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy» // Princeton University Press, 1984 [312 p.]. Url: <https://www.jstor.org/stable/j.ctt7sq9s> (дата обращения: 10.01.2020)
140. Roy Allison «Virtual regionalism, regional structures and regime security in Central Asia» // *Central Asian Survey*. Vol.27, №2. 2008. URL: <https://doi.org/10.1080/02634930802355121> (дата обращения: 16.12.2019)
141. Russia may buy 5 million tons of Iran's oil per year [электронный ресурс] / Iranian Students News Agency. URL <http://en.isna.ir/news/95121811893/Russia-may-buy-5-million-tons-of-Iran-s-oil-per-year> (дата обращения: 08.05.2017)
142. Schultz M., Söderbaum F., Öjendal J. (2001). Introduction. A framework for understanding regionalization. In: M. Schultz, F., Söderbaum, and J.Öjendal (ed. by) *Regionalization in a Globalizing World*, Zed Books: London.
143. Serdar Yilmaz «Eurasian Economic Union: A Regional Economic Hegemony Initiative» // *Journal of Eastern European and Central Asian Research (JEECAR)*. Vol 4, №2 (2017). URL: <http://dx.doi.org/10.15549/jeecar.v4i2.166> (дата обращения: 02.09.2018)

144. Tariffs and imports: Summary and duty ranges (Singapore) [электронный ресурс] / WTO. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/daily_update_e/tariff_profiles/SG_e.pdf (дата обращения: 22 ноября 2019)
145. Telò M. Between Trade Regionalization and Deep Integration. In: M. Telò (ed. by) European Union and New Regionalism. Ashgate: 2001. Aldershot.
146. The MDA Foundation Model. 2010. Object Management Group. URL: <https://sophia.javeriana.edu.co/~cbustaca/docencia/DEAS-2015-03/documentos/ormsc-10-09-06.pdf> (дата обращения: 01.12.2018).
147. The World in 2050. Summary report. February 2017 [электронный ресурс] / PricewaterhouseCoopers LLP (PWC). URL: <https://www.pwc.com/gx/en/world-2050/assets/pwc-world-in-2050-summary-report-feb-2017.pdf> [Дата обращения: 23.02.2017].
148. Ubwani Z. East Africa: Finally, East African Nations Agree to Disagree On Federation / All Africa [2016]. URL: <https://allafrica.com/stories/201611300840.html>
149. Van Apeldoorn, E. B., Overbeek, H. W., & Ryner, M. (2003). Theories of European integration: a critique. In A. W. Cafruny, & M. Ryner (Eds.), A ruined fortress? Neoliberal hegemony and transformation in Europe (pp. 17-45). Lanham, Md: Rowman & Littlefield. <https://research.vu.nl/en/publications/theories-of-european-integration-a-critique> (дата обращения: 16.12.2019)
150. Viner J., «The economics of customs unions», The customs union issue, 1950. pp. 41-81.
151. World Economic Outlook Database, April 2019 [электронный ресурс] // IMF. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2019/01/weodata/index.aspx> (дата обращения: 02.07.2019)
152. WTO Trade policy review: Russian Federation, 28 and 30 September 2016, Concluding remarks by the Chairperson. «Russia Hits Back at U.S., EU During Its First WTO Trade Policy Review» / Inside U.S. Trade, Vol. 34, No. 39 - October 7, 2016, Wash., p.9

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Сопоставление особенностей некоторых классификационных признаков интеграционной модели ЕАЭС и других интеграционных объединениями по данным 2017 г.

Таблица А1 – Сопоставление особенностей некоторых классификационных признаков интеграционной модели ЕАЭС и других интеграционных объединениями по данным 2017 г.

Классификационные признаки	ЕАЭС	ЕС	ССАГПЗ	МЕРКОСУР	Тихоокеанский альянс	НАФТА	КОМЕСА	ЦАИС
Количество участников	5	28	6	4	4	3	19	8
Совокупный размер экономик	2,25%	21,4%	1,81%	3,44%	2,4%	27,5%	0,9%	0,4%
Уровень разнородности размеров экономик	1,88	1,42	1,12	1,39	0,49	1,28	1,95	0,71
Уровень разнородности экономического развития	0,62	0,41	0,46	0,34	0,28	0,51	1,15	0,59
Этап интеграционного взаимодействия	ТС (экономический союз)	ТС (экономический и валютный союз)	ТС (общий рынок)	ТС (экономический союз)	ЗСТ с элементами экономического союза	ЗСТ с элементами экономического союза	ТС	ТС
Охват сфер сотрудничества	27	35	17	17	Нет данных	22	29	18
Скорость интеграции (лет)	10	10	4	9	17	14	6	~35
Наднациональные органы	Присутствуют	Присутствуют	Присутствуют (без наднациональных полномочий)	Присутствуют (без наднациональных полномочий)	отсутствуют	отсутствуют	Присутствуют (без наднациональных полномочий)	Присутствуют (без наднациональных полномочий)
Импорт вне блока 2017/ Импорт вне блока 2011	0,88	0,97	0,83	0,85	0,88	0,9	0,82	0,7
Экспансивность	Средняя	Высокая	Низкая	Отрицательная	Средняя	Нулевая	Высокая	Средняя

Источник: составлено автором

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Итоговая таблица для формирования сводного индекса интеграции

Таблица Б1 – Итоговая таблица для формирования сводного индекса интеграции

Страна	Год	Субиндекс 1	Субиндекс 2	Субиндекс 3	Субиндекс 4	Субиндекс 5	Субиндекс 6	Член ЕАЭС
Армения	2014	0.52689199	0.6734676	0.6004874	0.49175877	0.4387297	0.7632920	0
	2015	0.61512378	0.6091460	0.6280686	0.55479252	0.4294191	0.7622703	1
	2016	0.38637398	0.5891713	0.5399433	0.53082919	0.5052055	0.6324534	1
	2017	0.54393551	0.5577398	0.5402712	0.52442161	0.4776520	0.5301600	1
Азербайджан	2014	0.13733969	0.7127375	0.4239033	0.42676075	0.4646714	0.5732393	0
	2015	0.11711786	0.6822255	0.4238059	0.51443669	0.4046427	0.7364906	0
	2016	0.12050018	0.7432823	0.3435237	0.57226735	0.4288022	0.5470946	0
	2017	0.14722179	0.7371457	0.3293566	0.58555715	0.4478022	0.6365062	0
Беларусь	2014	0.91411203	0.7173581	0.7507638	0.36309827	0.6795372	0.2750205	0
	2015	0.87763659	0.7221491	0.7431171	0.44616390	0.6189797	0.4357698	1
	2016	0.96009381	0.6590411	0.7456259	0.47414346	0.6834756	0.3890048	1
	2017	0.90138367	0.8008832	0.7355453	0.47903281	0.6372170	0.5793366	1
Казахстан	2014	0.25648820	0.8074400	0.4991761	0.56195606	0.3962641	0.7993242	0
	2015	0.29895125	0.6789440	0.5070559	0.51018202	0.4138720	0.6939381	1
	2016	0.28995510	0.6716528	0.5391954	0.56627910	0.4927917	0.7033893	1
	2017	0.31383868	0.7201911	0.5419351	0.55588245	0.4748600	0.8678218	1
Кыргызстан	2014	0.49380680	0.6850453	0.4115830	0.73416419	0.6333651	0.6157651	0
	2015	0.48046220	0.6599194	0.3215630	0.73945631	0.6228798	0.5426150	1
	2016	0.53924452	0.6453438	0.3987442	0.81506567	0.6958135	0.4410390	1
	2017	0.47282335	0.4283769	0.4458470	0.81310808	0.7542061	0.5628185	1
Молдова	2014	0.32909003	0.5567148	0.4137045	0.36523569	0.4367898	0.7064544	0
	2015	0.37892620	0.5358262	0.3767406	0.40454901	0.3977871	0.9504613	0
	2016	0.32407053	0.4905505	0.3789530	0.51851376	0.4463138	0.8259178	0
	2017	0.24165065	0.5081611	0.4054409	0.42923000	0.4870247	0.6381357	0
Российская Федерация	2014	0.03792721	0.6214976	0.6659343	0.40433777	0.5265252	0.8077232	0
	2015	0.08756031	0.6268578	0.7085067	0.37096594	0.5224889	0.6625891	1
	2016	0.03267856	0.5827863	0.6646544	0.44591691	0.6152805	0.6819151	1
	2017	0.03829242	0.6337587	0.6997936	0.42554587	0.5531907	0.5577309	1
Таджикистан	2014	0.23507499	0.6270067	0.5899387	0.76518165	0.6416410	0.5960128	0
	2015	0.26128097	0.5779065	0.5245083	0.69149029	0.5742882	0.4126175	0
	2016	0.25406717	0.7072442	0.4967414	0.69043992	0.5914177	0.4825441	0

Страна	Год	Субиндекс 1	Субиндекс 2	Субиндекс 3	Субиндекс 4	Субиндекс 5	Субиндекс 6	Член ЕАЭС
	2017	0.33487069	0.7956624	0.5204096	0.70179028	0.6012174	0.3127343	0
Туркменистан	2014	0.11581561	0.5459800	0.3686743	0.25277641	0.3815158	0.5552434	0
	2015	0.12766709	0.4412059	0.2645494	0.19334151	0.3555443	0.6655055	0
	2016	0.22118607	0.4812716	0.3067383	0.23822322	0.3510845	0.3991179	0
	2017	0.01389394	0.5323551	0.3237639	0.18712647	0.4116567	0.2797805	0
Украина	2014	0.37481887	0.5479545	0.6373993	0.07000337	0.3172391	0.4526895	0
	2015	0.27129349	0.4608805	0.6662321	0.07900799	0.3859321	0.2528576	0
	2016	0.19157664	0.5951571	0.6505804	0.17319801	0.3721851	0.7594308	0
	2017	0.15738660	0.5077023	0.6693746	0.17671291	0.3848108	0.7199931	0
Узбекистан	2014	0.33429386	0.4172817	0.8444129	0.56105816	0.3867303	0.7209420	0
	2015	0.28047399	0.5218464	0.7952669	0.58759436	0.3717441	0.4953005	0
	2016	0.25596940	0.5174122	0.7526847	0.80006837	0.4643676	0.3673124	0
	2017	0.31969794	0.5864302	0.7141344	0.77653637	0.4688837	0.4191485	0

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Код на языке R для реализации предложенной модели и вычислений

```
normalize <- function(x, inv = TRUE){
  if (inv) return( 1 - (x - min(x))/ (max(x) - min(x)))
  else return ((x - min(x))/ (max(x) - min(x)))
}
#normalisation
normalizeExt <- function(df, inv = FALSE){
  temp <- df %>% group_by(year) %>% summarise_at(4, c(min, max))
  if (inv) return(apply(df, 1, function(x) {
    min_y <- as.numeric(subset(temp, year == x[3])[2])
    max_y <- as.numeric(subset(temp, year == x[3])[3])
    1 - ((as.numeric(x[4]) - min_y)/( max_y - min_y))
  })))
  else return(apply(df, 1, function(x) {
    min_y <- as.numeric(subset(temp, year == x[3])[2])
    max_y <- as.numeric(subset(temp, year == x[3])[3])
    (as.numeric(x[4]) - min_y)/( max_y - min_y)
  })))
}
#forming first dimension
TI1 <- read.csv(file = 'worldtrade/Data/T2/T2.csv', stringsAsFactors = FALSE)
TI2 <- read.csv(file = 'worldtrade/Data/T3/T3.csv', stringsAsFactors = FALSE)
TI3 <- read.csv(file = 'worldtrade/Data/T4/T4.csv', stringsAsFactors = FALSE)
TI4 <- read.csv(file = 'worldtrade/Data/T5/T5_1.csv', stringsAsFactors = FALSE)
TI5 <- read.csv(file = 'worldtrade/Data/T5/T5_2.csv', stringsAsFactors = FALSE)
pattern_y <- "2014|2015|2016|2017"
TI1 <- TI1[grep(pattern_y, TI1$year),]
TI2 <- TI2[grep(pattern_y, TI2$year),]
TI3 <- TI3[grep(pattern_y, TI3$year),]
Dimension1 <- data.frame(country = TI1$country, year = TI1$year,
  TI1 = normalizeExt(TI1), TI2 = normalizeExt(TI2), TI3 = normalizeExt(TI3),
  TI4 = normalizeExt(TI4), TI5 = normalizeExt(TI5))
model <- princomp(Dimension1[, 3:7], cor = T)
?princomp
```

```

summary(model)
Z1 <- model$loadings[, 'Comp.1']
Z2 <- model$loadings[, 'Comp.2']
Z3 <- model$loadings[, 'Comp.3']
Z4 <- model$loadings[, 'Comp.4']
Z5 <- model$loadings[, 'Comp.5']
cbind(Z1, Z2, Z3, Z4, Z5)
sum(Z1^2)
sum(Z2^2)
t <- matrix(Z1^2)
t <- cbind(t, Z2^2)
colnames(t) <- c('Z1', 'Z2')
weight <- (t %*% c(0.6862395/0.8414085, 0.1551690/0.8414085))
matrix_temp <- as.matrix(Dimension1[, 3:7])
mat <- matrix_temp%*% weight
df1 <- data.frame(Dimension1$country, Dimension1$year, DIM1 <- mat)
colnames(df1) <- c('country', 'year', 'dim1score')
arrange(df1, desc(dim1score))
?arrange
df2 <- df1
df2$EUE <- c(0)
df2 <- edit(df2)
df2$EUE <- as.factor(df2$EUE)
colnames(df2) <- c('country', 'year', 'dim1score', 'EUE')
tep <- aov(dim1score ~ EUE, df2)
summary(tep)
tep <- kruskal.test(dim1score ~ EUE, df2)
summary(tep)
biplot(model)
write.csv(df2, file = 'worldtrade/Data/Dimension1_total.csv')
#forming Second Dimension
TI6 <- read.csv(file = 'worldtrade/Data/T6/T6.csv', stringsAsFactors = FALSE)
TI7 <- read.csv(file = 'worldtrade/Data/T7/T7.csv', stringsAsFactors = FALSE)
TI8 <- read.csv(file = 'worldtrade/Data/T8/T8.csv', stringsAsFactors = FALSE)
TI9 <- read.csv(file = 'worldtrade/Data/T9/T9.csv', stringsAsFactors = FALSE)

```

```

TI6$year <- c(2014, 2015, 2016, 2017)
TI7$year <- c(2014, 2015, 2016, 2017)
1-((TI7$TI7 - mean(TI7$TI7))^2)
TI7$TI7 <- (TI7$TI7 - mean(TI7$TI7))^2
TI9$TI9 <- abs(TI9$TI9 - mean(TI9$TI9))
TI9 <- TI9[, -1]
Dimension2 <- data.frame(country = TI6$country, year = TI6$year,
                          TI6 = normalizeExt(TI6, inv = TRUE), TI7 = normalizeExt(TI7, inv = TRUE),
                          TI8 = normalizeExt(TI8, inv = FALSE),
                          TI9 = normalizeExt(TI9, inv = TRUE))
model <- princomp(Dimension2[, 3:6], cor = T)
summary(model)
biplot(model)
Z1 <- model$loadings[, 'Comp.1']
Z2 <- model$loadings[, 'Comp.2']
Z3 <- model$loadings[, 'Comp.3']
Z4 <- model$loadings[, 'Comp.4']
cbind(Z1, Z2, Z3, Z4)
sum(Z1^2)
sum(Z2^2)
t <- matrix(Z1^2)
t <- cbind(t, Z2^2)
colnames(t) <- c('Z1', 'Z2')
weight <- (t %*% c(0.367037/0.6729473, 0.3059103/0.6729473))
matrix_temp <- as.matrix(Dimension2[, 3:6])
mat <- matrix_temp%*% weight
df1 <- data.frame(country = Dimension1$country, year = Dimension1$year, dim2score = mat)
colnames(df1) <- c('country', 'year', 'dim1score')
arrange(df1, desc(dim2score))
?arrange
df2 <- df1
df2$EUE <- c(0)
df2 <- edit(df2)
df2$EUE <- as.factor(df2$EUE)
colnames(df2) <- c('country', 'year', 'dim1score', 'EUE')

```

```

tep <- aov(dim1score ~ EUE, df2)
summary(tep)
tep <- kruskal.test(dim2score ~ EUE, df2)
summary(tep)
biplot(model)
write.csv(df2, file = 'worldtrade/Data/Dimension2_total.csv')
#forming third dimension
TI10 <- read.csv(file = 'worldtrade/Data/T10/T10.csv', stringsAsFactors = FALSE)
TI11 <- read.csv(file = 'worldtrade/Data/T11/T11.csv', stringsAsFactors = FALSE)
TI12 <- read.csv(file = 'worldtrade/Data/T12/T12.csv', stringsAsFactors = FALSE)
TI13 <- read.csv(file = 'worldtrade/Data/T13/T13.csv', stringsAsFactors = FALSE)

Dimension3 <- data.frame(country = TI10$country, year = TI10$year,
                        TI10 = normalizeExt(TI10, inv = FALSE), TI11 = normalizeExt(TI11, inv =
TRUE),
                        TI12 = normalizeExt(TI12, inv = FALSE),
                        TI13 = normalizeExt(TI13, inv = FALSE))
model <- princomp(Dimension3[, 3:6], cor = T)
summary(model)
biplot(model)
Z1 <- model$loadings[, 'Comp.1']
Z2 <- model$loadings[, 'Comp.2']
Z3 <- model$loadings[, 'Comp.3']
Z4 <- model$loadings[, 'Comp.4']
cbind(Z1, Z2, Z3, Z4)
sum(Z1^2)
sum(Z2^2)
t <- matrix(Z1^2)
t <- cbind(t, Z2^2)
colnames(t) <- c('Z1', 'Z2')
weight <- (t %*% c(0.5213949/0.7311869, 0.2097920/0.7311869))
matrix_temp <- as.matrix(Dimension3[, 3:6])
mat <- matrix_temp%*% weight
df1 <- data.frame(country = Dimension3$country, year = Dimension3$year, dim3score = mat)
colnames(df1) <- c('country', 'year', 'dim1score')

```

```

arrange(df1, desc(dim3score))
?arrange
df2 <- df1
df2$EUE <- c(0)
df2 <- edit(df2)
df2$EUE <- as.factor(df2$EUE)
colnames(df2) <- c('country', 'year', 'dim1score', 'EUE')
tep <- aov(dim3score ~ EUE, df2)
summary(tep)
tep <- kruskal.test(dim2score ~ EUE, df2)
write.csv(df2, file = 'worldtrade/Data/Dimension3_total.csv')
#forming forth dimension
TI14 <- read.csv(file = 'worldtrade/Data/T14/T14.csv', stringsAsFactors = FALSE)
TI15 <- read.csv(file = 'worldtrade/Data/T15/T15.csv', stringsAsFactors = FALSE)
TI16 <- read.csv(file = 'worldtrade/Data/T16/T16.csv', stringsAsFactors = FALSE)

Dimension4 <- data.frame(country = TI14$country, year = TI14$year,
                          TI14 = normalizeExt(TI14, inv = FALSE),
                          TI15 = normalizeExt(TI15, inv = FALSE),
                          TI16 = normalizeExt(TI16, inv = FALSE))
model <- princomp(Dimension4[, 3:5], cor = T)
summary(model)
biplot(model)
Z1 <- model$loadings[, 'Comp.1']
Z2 <- model$loadings[, 'Comp.2']
Z3 <- model$loadings[, 'Comp.3']
cbind(Z1, Z2, Z3)
sum(Z1^2)
sum(Z2^2)
t <- matrix(Z1^2)
t <- cbind(t, Z2^2)
colnames(t) <- c('Z1', 'Z2')
weight <- (t %*% c(0.5060893/0.9154238, 0.4093345/0.9154238))
matrix_temp <- as.matrix(Dimension4[, 3:5])
mat <- matrix_temp%*% weight

```

```

df1 <- data.frame(country = Dimension4$country, year = Dimension4$year, dim4score = mat)
colnames(df1) <- c('country', 'year', 'dim1score')
arrange(df1, desc(dim4score))
?arrange
df2 <- df1
df2$EUE <- c(0)
df2 <- edit(df2)
df2$EUE <- as.factor(df2$EUE)
colnames(df2) <- c('country', 'year', 'dim1score', 'EUE')
tep <- aov(dim3score ~ EUE, df2)
summary(tep)
tep <- kruskal.test(dim4score ~ EUE, df2)
write.csv(df2, file = 'worldtrade/Data/Dimension4_total.csv')
#forming fifth dimension
TI17 <- read.csv(file = 'worldtrade/Data/T17/T17.csv', stringsAsFactors = FALSE)
TI18 <- read.csv(file = 'worldtrade/Data/T18/T18.csv', stringsAsFactors = FALSE)
TI19 <- read.csv(file = 'worldtrade/Data/T19/T19.csv', stringsAsFactors = FALSE)
TI20 <- read.csv(file = 'worldtrade/Data/T20/T20.csv', stringsAsFactors = FALSE)
TI20$TI20 <- abs(TI20$TI20 - mean(TI20$TI20))
Dimension5 <- data.frame(country = TI17$country, year = TI17$year,
                          TI17 = normalizeExt(TI17, inv = FALSE),
                          TI18 = normalizeExt(TI18, inv = FALSE),
                          TI19 = normalizeExt(TI19, inv = FALSE),
                          TI20 = normalizeExt(TI20, inv = TRUE))
model <- princomp(Dimension5[, 3:6], cor = T)
summary(model)
biplot(model)
Z1 <- model$loadings[, 'Comp.1']
Z2 <- model$loadings[, 'Comp.2']
Z3 <- model$loadings[, 'Comp.3']
Z4 <- model$loadings[, 'Comp.4']
cbind(Z1, Z2, Z3, Z4)
sum(Z1^2)
sum(Z2^2)
t <- matrix(Z1^2)

```

```

t <- cbind(t, Z2^2)
colnames(t) <- c('Z1', 'Z2')
weight <- (t %*% c(0.4715444/0.7813028, 0.3097584/0.7813028))
matrix_temp <- as.matrix(Dimension5[, 3:6])
mat <- matrix_temp%*% weight
df1 <- data.frame(country = Dimension5$country, year = Dimension5$year, dim5score = mat)

arrange(df1, desc(dim5score))
?arrange
df2 <- df1
df2$EUE <- c(0)
df2 <- edit(df2)
df2$EUE <- as.factor(df2$EUE)
colnames(df2) <- c('country', 'year', 'dim1score', 'EUE')
tep <- aov(dim3score ~ EUE, df2)
summary(tep)
tep <- kruskal.test(dim5score ~ EUE, df2)
write.csv(df2, file = 'worldtrade/Data/Dimension5_total.csv')
#forming sixth dimension
TI21 <- read.csv(file = 'worldtrade/Data/T21/T21.csv', stringsAsFactors = FALSE)
TI22 <- read.csv(file = 'worldtrade/Data/T22/T22.csv', stringsAsFactors = FALSE)
TI23 <- read.csv(file = 'worldtrade/Data/T23/T23.csv', stringsAsFactors = FALSE)
TI24 <- read.csv(file = 'worldtrade/Data/T24/T24.csv', stringsAsFactors = FALSE)
stand_dev <- function(df){
  temp <- df %>% group_by(year) %>% summarise_at(4, mean)
  return(apply(df, 1, function(x) {
    mean_n <- as.numeric(subset(temp, year == x[3])[2])
    abs(as.numeric(x[4]) - mean_n)
  })))
}
temp <- stand_dev(TI21)
TI21$TI21 <- stand_dev(TI21)
TI22$TI22 <- stand_dev(TI22)
TI23$TI23 <- stand_dev(TI23)
TI24$TI24 <- stand_dev(TI24)

```

```

Dimension6 <- data.frame(country = TI21$country, year = TI21$year,
  TI21 = normalizeExt(TI21, inv = TRUE),
  TI22 = normalizeExt(TI22, inv = TRUE),
  TI23 = normalizeExt(TI23, inv = TRUE),
  TI24 = normalizeExt(TI24, inv = TRUE))
model <- princomp(Dimension6[, 3:6], cor = T)
summary(model)
biplot(model)
Z1 <- model$loadings[, 'Comp.1']
Z2 <- model$loadings[, 'Comp.2']
Z3 <- model$loadings[, 'Comp.3']
Z4 <- model$loadings[, 'Comp.4']
cbind(Z1, Z2, Z3, Z4)
sum(Z1^2)
sum(Z2^2)
t <- matrix(Z1^2)
t <- cbind(t, Z2^2)
t <- cbind(t, Z3^2)
colnames(t) <- c('Z1', 'Z2', 'Z3')
weight <- (t %*% c(0.2923803/0.8306726, 0.2819799/0.8306726, 0.2563124/0.8306726))
matrix_temp <- as.matrix(Dimension6[, 3:6])
mat <- matrix_temp%*% weight
df1 <- data.frame(country = Dimension6$country, year = Dimension6$year, dim6score = mat)

arrange(df1, desc(dim6score))
?arrange
df2 <- df1
df2$EUE <- c(0)
df2 <- edit(df2)
df2$EUE <- as.factor(df2$EUE)
tep <- kruskal.test(dim6score ~ EUE, df2)
write.csv(df2, file = 'worldtrade/Data/Dimension6_total.csv')
#forming total regional index
dim1 <- read.csv(file = 'worldtrade/Data/Dimension1_total.csv', stringsAsFactors = FALSE)
dim2 <- read.csv(file = 'worldtrade/Data/Dimension2_total.csv', stringsAsFactors = FALSE)

```

```

dim3 <- read.csv(file = 'worldtrade/Data/Dimension3_total.csv', stringsAsFactors = FALSE)
dim4 <- read.csv(file = 'worldtrade/Data/Dimension4_total.csv', stringsAsFactors = FALSE)
dim5 <- read.csv(file = 'worldtrade/Data/Dimension5_total.csv', stringsAsFactors = FALSE)
dim6 <- read.csv(file = 'worldtrade/Data/Dimension6_total.csv', stringsAsFactors = FALSE)
df1 <- data.frame(country = dim1$country, year = dim1$year,
                  dim1score = dim1$dim1score,
                  dim2score = dim2$dim2score,
                  dim3score = dim3$dim3score,
                  dim4score = dim4$dim4score,
                  dim5score = dim5$dim5score,
                  dim6score = dim6$dim6score,
                  EUE = dim1$EUE)
model <- princomp(df1[, 3:8], cor = T)
summary(model)
biplot(model)
Z1 <- model$loadings[, 'Comp.1']
Z2 <- model$loadings[, 'Comp.2']
Z3 <- model$loadings[, 'Comp.3']
Z4 <- model$loadings[, 'Comp.4']
Z5 <- model$loadings[, 'Comp.5']
Z6 <- model$loadings[, 'Comp.6']
cbind(Z1, Z2, Z3, Z4, Z5, Z6)
sum(Z1^2)
sum(Z2^2)
t <- matrix(Z1^2)
t <- cbind(t, Z2^2)
t <- cbind(t, Z3^2)
colnames(t) <- c('Z1', 'Z2', 'Z3')
weight <- (t %*% c(0.3732557/0.7307494, 0.2056608/0.7307494, 0.2563124/0.7307494))
matrix_temp <- as.matrix(df1[, 3:8])
mat <- matrix_temp %*% weight
df2 <- data.frame(country = dim1$country, year = dim1$year, totalscore = mat, EUE =
dim1$EUE)

df3 <- arrange(df2, desc(totalscore))

```

```
df2$EUE <- as.factor(df2$EUE)
tep <- kruskal.test(totalscore ~ EUE, df2)
write.csv(df2, file = 'worldtrade/Data/Dimension6_total.csv')
```